

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

ПИСЬМА В. П. ТУРГЕНЕВОЙ к И. С. ТУРГЕНЕВУ (1838–1844)

*Подготовка текста В. А. Лукиной,
комментарии С. Л. Жидковой и В. А. Лукиной*

Часть II

(29 ноября (11 декабря) 1838 — 14 (26) марта 1839)*

11

29 ноября (11 декабря) — 2 (14) декабря 1838 года. Спасское-Лутовиново
1838-го года. 2-го де[кабря. 14].
С. Спасское.

29, вторник
11

Mon cher Jean.

Вот и еще почта прошла без известия от тебя.¹ — Я прип[исываю] это дороге — т. е. обманываю свое горе. Ежели бы я подумала что-[нибудь] о тебе неблагополучное, я бы не пережила.

А я все еще в Спасском, последний месяц тружусь, чтобы начать [1-й] 39-го году, как располагаю на будущность. — Ты как-то ко мне п[исал], что никакие богатствы не заменят моего здоровья. — Но! я при-нуж[дена] это делать, иначе я не поеду к тебе, не с чем будет.² — А это м[не] пуще смерти... я от одной этой мысли ужасаюсь. — Вот что

---

* Первую часть публикации «Письма В. П. Тургеневой к И. С. Тургеневу (1838–1844)» см.: И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы. М.; СПб., 2009. Вып. 1. С. 500–585. Принятая в первой части система сокращений сохраняется. Далее ссылки на эту публикацию: *Письма В. П. Тургеневой*. Ч. 1.

[мне] попало в моих «Extraits»^{a, 3} и что мне пришло кстати написать к [тебе].

Et malade et souffrant, un malheureux auteur,
Languissamment assis à son pupitre,
En gémissant composoit une épître
Sur la gaieté, sur le bonheur.
Dans ce moment arrive son docteur,
Qui, mécontent de le voir à l'ouvrage,
L'exhorte a devenir plus sage,
Si de ses maux il veut guérir.
«Hélas! répond l'auteur en poussant un soupir,
Ce conseil est très bon, que ne puis-je le suivre!
Je ne travaille pas, ami, pour mon plaisir;
Croyez-moi, ce n'est pas la gloire qui m'enivre;
Qui mieux que moi sauroit jouir
Des charmes d'un heureux loisir!..
Mais je suis obligé de me tuer pour vivre».^{b, 4}

Итак, я из Спасского трон[уться] не могу, прежде нежели уст[рою] свои дела. — Прошлого году [жила] я 8 месяцев в деревне [...] еще несноснее и скучнее. — [И] нынче не могу я поправ[ить] еще [■], которую [сделали] в моих доходах и твой [отъезд] за границу — и несчастье, [тебя] постигшее.⁵ — Еще не нап[олни]лось то, что выдернул [ты]. А сверх того разные неож[идан]ные убытки, которые про[тив] прошлогоднего принесло по сч[етам] не в карман, а из карману. — Итак, надо терпеть казаку, еж[ели] хочет быть атаманом.⁶ — А мое атаманство состоит, когда бу[ду с] одним из вас. — А не одна сиротою... А тем лучше с обоими.

Теперь, мой милый друг Ваничка, могу я тебе сказать свое намеренье и расположение на зиму — потому что решилась вот каким образом. Ты знаешь, мой милый друг, что я было наняла дом в Орле⁷ — думая, что мне будет весело и... не так дорого. — Но!.. что значит

^a «Выписках» (франц.).

^b Больной и страждущий, несчастный сочинитель,

Склонившись вяло над своим столом,

Стеная, сочинял стихи

О счастье, о любви.

Вошедший в этот миг премудрый эскулап,

Увидевши его склоненного в трудах,

Стал к разуму склонять своею властью,

Коль он избавиться хотел от всех напастей.

«Увы! — воскликнул тот, вздыхая неподложно, —

Совет хорош, да следовать ему никак не можно!

Не к радости своей тружусь, мой друг, теперь;

Не славы блеск прельстил меня, поверь;

Кто лучше, чем я сам, сумел бы наслаждаться,

Счастливым прелестям досуга предаваться!..

Я принужден, чтоб жить, себя убийством заниматься» (франц.).

весело... для меня. Нет! веселья без плану и бюту...⁸ а что такое план и бют, будущность наша... а более ваша, мои *бесподобные*. Да, точно, милые дети, вы заслуживаете сего названья — *без-подобные*. Итак, что я могу в Орле для вас. — Я раздумала, кой-как прожила в деревне, вот это для вас, тут есть экономия... Я могу вам более денег послать. — Теперь, подражая всем мелкопоместным русским, я дожидаюсь *de pied ferme*^c праздника Рождества дома. Убью свининки и с тушами, с утками, гусями, индейками отпра[влю] обоз. — Потом сама отправлюсь, потом поедет мой штат, [т. е.] Лизета⁹ с Маврушей,¹⁰ немка,¹¹ Дунаевская¹² на долгих.¹³ — И проживем м[ы] на своих хлебах с своими господскими лошаадьми-кобылками. — [Про]живем масленицу и до третьей недели поста, и таким же порядком: [я] — вперед, дети — сзади — отправимся вспять в Спасское обратно. — [Но!] мой друг, хотя я и располагаю так, а тебя прошу все писать [пр]ямо в Спасское, потому что ты знаешь, *que le chemin est long [du] projet à la chose.*^d — Может многое перемениться, но! в Спасском всего [ве]рнее будут знать, где я!

В Москве же мне хочется кой-что сделать, таков, по крайней мере, мой план. — Во-первых, людей посмотреть, себя показать, т. е. со старыми знакомыми и родными повидаться. — Театру хотя дурного посмотреть, но Волтера на сцене видеть, он мне напоминает отца.¹⁴ — Англичанин ведет завтра лошадей в Москву на продажу, боюсь, переманят, а как буду налицо — посоветятся.¹⁵ [Д]вух коров куплю, да телушечку, да бычка. Может быть, и [ло]шадей каретных куплю, но! это еще не верно. — Потом [бу]ду отыскивать дорогу к берлинским жителям, кто познатней [дл]я тебя и для себя. — И так, пробыв там недель 6 или [ме]сяца два с проездом — возьму Мавре мадам фортепьянистку [ил]и учителя — и вернусь в Спасское великим постом дожидаться [т]воего решенья, как мне прикажешь, когда и куды?.. Ежели [ты] один поедешь в Италию, то я все лето пробуду в Спас[ко]м — т. е. поезжу по деревням и буду у угодника Митрофания.¹⁶ [А] там, куды мне выехать к тебе, не знаю, т. е. не знаю, где [т]ы мне назначишь путь, т. е. куда тебе ближе, к водяной или к земляной границе — т. е. куды мне приехать, чтобы ты меня мог принять с рук на руки от дяди. — Или в Петербург, а оттуда на пароходе, куда скажешь. Я скорей уметь буду справиться на пароходе. Тут найдутся всякие советчики, приятели, почти до места. — А сухим путем, как только Польша или где перемена языка, или монеты, ну! беда, я и пропала, и потому нужно тебе приехать или выехать ко мне навстречу — и уже ехать на зимние кварталы. Ежели же ты непременно захочешь меня тащить с собою, то все-таки нужно тебе будет сделать то же, только не в конце лета, а в начале весны, что, кажется, будет нерассудительно, и ты потеряешь много времени попусту. Итак, вот, моя душа, до сих пор мой план. — А между тем ты знаешь *que Dieu dispose de tout.*^e

^c решительно (франц.).

^d что от замысла к исполнению путь долог (франц.).

^e что Бог располагает всем (франц.).

Здравствуй, Ваня.

Voilà le moment le plus agréable de ma journée.^f — Ты знаешь свою [мать], аккуратность — это ее девиз. — Как нынче, так завтра. — Вот [чем] начинается день мой. — Я просыпаюсь в 8 часов, звоню. — Про[тираю] глаза чаем с ромом, надеваю несмятый чепец, кофточку и [беру] молитвенник, читаю кафизму из Псалтыря. — И чай готов, [нали]вает в спальне Дуняшка,¹⁷ Псалтырь оставляется, чай — первая [чашка] пьется. — Между второй всегда берутся карты, и гадаю, и еже[ли вый]дет д[ама] пик, Боже избави, особенно еще на сердце. — Подается дру[гая] чашка, я обуваюсь, надеваю утренний костюм, молюсь Богу — и иду[...] Птицы уже меня дожидают, пищат, кормлю из рук¹⁸ и... и[ду]... je me retire^g — т. е. в ретираду — с вашего позволения.

Утро начинается. — В гостиной отгорожен к одному окну кабинет, с зеленью, стол письменный стоит. Скоро пришлю тебе рисунок. Вот я беру кантемира. Кантемиром называется деревянный ро[рте]-papier^h с ручкой. — Итак, беру кантемира, пишу вчерашне[го] дня журнал. — А потом. — Сажусь за приятное проведено[н]е время. — Ближе всех в глазах моих твой портрет.¹⁹ — Здравствуй, Ваня, — говорю я. — И потом принимаюсь писать пис[ьма] к тебе или брату. — До 10-ти часов.

Братнин портрет налево.²⁰ — Параллельно ему налево портр[ет] отцов.²¹ — Прямо передо мною на маленьком попире в[ид] петербургской набережной и отъезжающий пароход «Ижора».²² Пр[овожаю]щие машут платками, шляпами... Стоят экипажи. На балконах [<глядят?>] в лорнетки. — Дымится, уже зазвонил третий звонок. — И м[ать] вскрикнула, упала на колени в карете перед окошком... Пароход [по]вернул и полетел, как птица... Кучер по набережной погна[л] лошадей, но!... недолго был виден пловец... Улетел... и все осир[отел].²³ — Однако пора одеваться, — говорит Дуняшка, не удивляясь, что б[арыня] утирает слезы... Это не редкость для них. — Смех... [это] в диковинку. Пора... Пора... Прости до часу.

Вот и два часа. — Я занималась в отцовском кабинете, называемый б[а]ринов. — Что я делала? — Вошла, позвонила, вошел дежурный мальч[ик] с красненькой ленточкою в петлице. — Дворецкого. — Вошел дворецкий и повар с провизью.²⁴ — Говядины на бульон и пр[о]ч... Побранила повара. — Оне вышли. — Вошли мальчики. Кто что вчера делал. Митька, Васька Лобанов — и Николашка Серебряков²⁵ — рисовали... Каллиграфию... Читали. Вышли. Лобанов Орлик мой! — и улы-

^f Вот самый приятный момент моего дня (франц.).

^g я уединяюсь (франц.).

^h ящичек для бумаги (франц.).

бается — *il n'en peut plus*ⁱ — не знаю чего? — Прежде бранила, наконец не замечаю. — Работы... Садовники печи топили, цветы поливали... Столяр стол чистил, девушки то... и то... А вот и расход. — Расходы в деревне... Говядина, рыба, свечи, мыло, краски... и пр<о>ч... прочие вздоры. — Вот и пузо Серебрякова,²⁶ и наконец и вся туша, *вздыхает*. — И опять вздыхает... *Me glisse un mot contre l'oncle... contre l'intendant...*^j Я будто не замечаю, а на ус мотаю... Иное правда, другое вздор. — Из чего вывожу свои рассужденья. — Вот и половина 12-го, девочка с чаем — т. е. *грамматике конец*. — Конец... Нет, не конец, тут-то все дела и найдутся... И то... и то... А между тем голуби стук-стук в окно... Гуль... гуль... ворку... ворку... Егорка, новый лакей, губошлеп, несет корм и мешок, голуби летят на него и, наконец, на крыльце, на балконе дерутся, сердятся, ссорятся, а звонок бьет 12-ть часов, дети идут завтракать. — А я запираю баринов кабинет, иду одеваться. — Вот и оделась, вот я в гостиной. [С глазу] на глаз с портретом моего второго сына. Ты его не знаешь. — Он большой негодяй, ленится ко мне писать, а когда пишет *c'est comme pour remplir seulement son devoir...*^k к матери... А я какая мать, я друг моим детям. — Вся их, вся для них... Особенно этот Иван, мой друг, советчик, он понимает меня более... А я знаю его, как знаю сама себя... Сердце у него предоброе... а страсти, страсти готовы им овладеть, и он поддается им... хотя бы, когда захотел, умел бы лучше хладнокровно их покорить... Но! ему это трудно. — И он пустит руки, как утопающий в моих глазах почталион: держал-держал сук, выбился из силы... а бегут его спасать... Еще бы минуту. — Он опустил руки, сказав: «*Va*»^l, — и волны умчали его из глаз моих. — Что, сударь, глядите — да нечего, точно так.

Однако, вот бабушка²⁷ сидит у порога — облюбила местечко... и крихтит, крихтит... Ох!... Ах!... Им... Нечего делать, надо садиться за карты. Новая беда, сердится, волнуется, хлопает картами, присчитывает — что твоя Новосильцева,²⁸ 1000 раз хуже... *Кушанье поставили*, — говорит Антон²⁹ все тем же голосом — который так всем известен. 3 часа. — После обеда кофий на столе, Лиза или Анета разливают. — И все уходят. Я иду в детскую, мое теплое гнездышко, читаю... до свеч. — 6 часов, Дуняшка хлопочет уже о самоваре, бабушка давно крихтит опять в гостиной... Дверь заперта в спальню до 7 часов. — Хоть крихти, не крихти. Дядя приходит, и начинается... а кончится спором. — Общий чай, звонок. — После чаю дети танцуют или музыка, старики в сборе, бальные дети танцуют... или певчие... Бабушка, бабушка-то крихтит... Нечего, опять вист... Опять... О! несносная. — Ты скажешь...

Да кто же тебя, татап, нес на галеру.³⁰ — Бабушка тащила дядю, а дяде невозможно отлучиться, он же не умеет скоро съездить, не едет, а поехал — там прокис. — А потом надо было кончить... Развязаться,

ⁱ больше ничего не умеет (*франц.*).

^j Вставляет словцо против дяди... против управляющего... (*франц.*).

^k то будто только затем, чтобы исполнить свой долг... (*франц.*).

^l «Будь что будет» (*франц.*).

1500 им отдать. — Оне гостили на всем на моем... И хотелось мне знать, что за дети, под чаяния старуха свалится... Что тебе сказать, кажется, я писала... Чего ожидать от такого воспитанья. — Да и оне же в отца, довольно простенькие.³¹ — Однако. — Ежели что Бог пошлет, я готова. — Сироты мои дети. — Посмотри ты на моих Сливицкую и Биби, отменные соболи. — А меня утешает мысль: это я... это моим стараньем. — Но!.. я не из тщеславия делаю, меня это точно утешает. А им польза.

Еще о бабушке. — Бабушка не может понять, чем женщина может заниматься, кроме карт и чулка, сама никогда не занималась ничем иным, не читала даже газет. — Ты уже не дитя, матушка, — говорит она, — чтобы сидеть за указкою, слава Богу, могла начитаться, написать до сих пор.

Сейчас приехал Лавров с сестрой,³² Лагривые³³ сейчас должны быть. — Прости, Ваничка. — Стыдно тебе забыть бедную твою мать, которая благословляет тебя. — Твой верный друг

В. Т.

<На полях второй страницы:>

Нынче $\frac{30\text{-го}}{12}$ повели на продажу в Москву 20 лошадей. — И англичанин поехал с ними. — Ох!.. Ваничка, очень я трушу, останется ли он у нас! — Жалованья я ему могу прибавить... Но!.. скучно ему здесь, а потом и дядина мешкотность — того не добьется... другого... да вот... да вот!.. А ты знаешь англичан!.. а уже нам такого не найти, нет!.. Это сокровище. — Ежели он отойдет, я переведу завод: доходу не дает — а содержание дорого. А сверх того убытки денежные, и капитал пропадает.

<На полях оборотной стороны второй страницы:>

$[\frac{1}{13}]$. 10 часов утра. Здравствуй, Ваничка. Желаю тебе провести сей месяц благополучно, дожидаться Нового года.

$[\frac{2}{14}]$. Здравствуй, Иван. — Ежели ты хочешь, [чтобы я была] жива, пиши непременно всякую [неделю. А без того я замучаюсь и, наконец, не] переживу. — Я вне себя, — вот [...] [пишем нет.] [...] [кого люб]ишь, всегда есть ч[то].

Печатается по подлиннику: РНБ. Ф. 795. № 91. Л. 23–24 об.

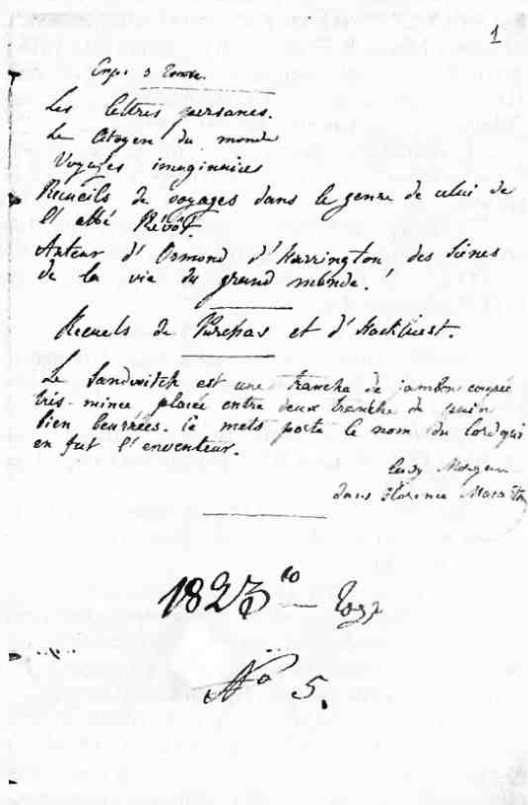
Отрывки впервые опубликованы: РМ(1). С. 100; Т Сб 1915. С. 36, 38–41 (с неверной датой: 30 (12) декабря).

¹ Последнее письмо от сына, датированное 8 или 18 октября, В. П. получила 12 (24) ноября (см. п. 12). Ответ на него см. в п. 10 от 13 (25) ноября. По всей видимости, вместе с этим письмом в Берлин был послан и ответ дяди Н. Н. Тургенева (недатир.), который

ныне хранится отдельно от писем самой В. П. Упрекая в нем племянника за неаккуратность в ведении корреспонденции, Н. Н. писал: «Вчерашний день получили от тебя письмо, тобой писанное 18 октября. Благодарю Бога, что ты жив и здоров, — но твое молчание вовсе нас сокрушило! — Хотя мне очень прискорбно, но! обязан тебе сказать, — непроситительно тебе к матери не писать — вот твои письма, нами полученные, из Берлина 1-е от 10-го сентября, [2-е] от 18-го октября — чрез 5-ть неде[ль] одно от другого, — такое рассто[я]ние одно от другого, что поневоле вынуждаешь себе пенять, прит[ом] любовь наша к тебе, тебе из[вест]ная, особенно бедная больная [...] мамаша, всем для вас пож[ерт]вовала, живет в деревне, а [все] лишь бы видеть вас счастли[в]ным и благополучным — как же [...] не ценить привязанность [такой] нежной матери <...>» (РНБ. Ф. 795. № 89. Л. 4). Из письма Н. Н. следует, что «второе» письмо от И. С. из Берлина было датировано 18 октября. Цифра «18», указанная Н. Н., не совпадает с датой письма И. С., которую приводит В. П. в начале своего письма от 13 (25) ноября: «На твое письмо от 8-го октября. — Ответ» (см.: Письма В. П. Тургеневой. Ч. 1. С. 578). Вероятно, дата была выставлена ею неверно.

² Ранее, 14 (26) ноября, Н. Н. с одобрением сообщал племяннику, что В. П. скорее всего проведет зиму 1838/1839 в Спасском, что, по его мнению, должно было существенно облегчить финансовое положение семьи: «... в течение нынешней зымы, кажется, что мамаша из Спасского не выедет, чему я очень рад, лишь бы здоровье мамаша не воспретствовало, а на счет спокойствия и на счет хозяйственного распоряжения, чтоб сбсречь свою собственность, необходимо нужно, чтоб мамаша имела бы свое постоянное место пребывания, где бы то ни было» (РНБ. Ф. 795. № 89. Л. 2). В том же письме, посланном втайне от В. П., он просил И. С. исполнить убедить мать отказаться от намерения ехать к нему за границу. О неосуществившихся планах В. П. совершить путешествие к сыну в Берлин см. также примеч. 41 к п. 10: Письма В. П. Тургеневой. Ч. 1. С. 585.

³ Как и многие женщины из дворянской среды, В. П. имела обыкновение делать выписки из понравившихся ей книг, которые называла «extraits» и заносила в специальные памятные книжки. В письмах к И. С. она нередко обращается к своим записям, цитируя Ж. Жанена, мадам де Жанлис и др. авторов. Подобных книжек, видимо, было несколько, однако до наших дней сохранились лишь две: московская — «Записи своих и чужих мыслей для сына Ивана» (1839–1843), хранящаяся в РГАЛИ, и так называемая «голубая тетрадь» (1823–1832), которая находится в ИРЛИ. Порядковый номер «5», выставленный на

«Голубая тетрадь»
Первая страница (ИРЛИ)

первой странице «голубой тетради», дает представление о том, сколько подобных книжек было использовано В. П. Подробнее об этих тетрадях см.: *Балыкова Л. А. «Голубая тетрадь»*. Книжные вкусы С. Н. и В. П. Тургеневых // Балыкова Л. Н. Тургенев — читатель. По страницам мемориальной библиотеки. Орел, 2005. С. 34–35.

⁴ В. П. цитирует стихотворный фрагмент из «Воспоминаний» госпожи де Жанлис: «*Mémoires inédits de madame la comtesse de Genlis, sur le dix-huitième siècle et la Révolution française, depuis 1756 jusqu'à nos jours*» («Неизданные воспоминания госпожи графини де Жанлис о восемнадцатом столетии и Французской революции, с 1756 года до наших дней»). Десятитомное французское издание этих воспоминаний, вышедшее в Париже в 1825 г., полностью сохранилось в мемориальной *Б-ке Тургенева* в Орле (указано Л. А. Балыковой). Стихотворению предпослано следующее пояснение: «В Версале я была больна и тем не менее постоянно работала: мои обстоятельства меня к тому принуждали, а поскольку я ни с кем не советовалась, мне постоянно ставили на вид *мое безрассудство*; это однажды вдохновило меня на стихи, которые я никогда не публиковала, никому не показывала и как-то обнаружила в старой тетради, вот они». И далее следовал текст выписанного В. П. стихотворения (Т. 5. Р. 131). Произведения французской писательницы Стефани-Фелисите Дюкре де Сент-Обен, графини де Жанлис (1746–1830) относились, как отмечает современная исследовательница, к числу излюбленных книг В. П. (см.: *Балыкова Л. А. «Голубая тетрадь»*. Книжные вкусы С. Н. и В. П. Тургеневых. С. 34). В библиотеке В. П. было большое количество ее книг как на русском (см.: *Каталог Б-ки Т. С. 89–91*), так и на французском языках. Среди последних, напр., парижское издание «*Jeanne de France, nouvelle historique*» 1816 г., с владельческой надписью на титульном листе: «В. Tourguenev», а также «*Les vœux téméraires, ou l'enthousiasme*» (Р., 1802), «*Les mères rivales, ou la calomnie*» (Р., 1813), «*Vos parvenus, ou les aventures de Julien Delmouré, écrites par lui-même*» (Р., 1819) и др.

⁵ В. П. имеет в виду значительные денежные затраты, вызванные потерей практически всего багажа И. С. во время пожара на пароходе «Николай I». Об этом инциденте см.: примеч. 1 к п. 1 (*Письма В. П. Тургеневой*. Ч. 1. С. 514).

⁶ В. П. перефразирует известную поговорку «Терпи, казак, атаманом будешь», ставшую популярной во многом благодаря повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба».

⁷ О доме К. Ф. Рутцена, который В. П. так и не наняла, см. примеч. 29 к п. 1: *Письма В. П. Тургеневой*. С. 525.

⁸ *Бют* — от франц. слова *le but* — «цель».

⁹ *Лизета* (Лиза) — имеется в виду Елизавета Андреевна Сорокина, гувернантка воспитанниц В. П. О ней см. примеч. 38 к п. 1: *Письма В. П. Тургеневой*. Ч. 1. С. 527–528.

¹⁰ *Мавруша* — воспитанница В. П. Мавра Тимофеевна Сливцкая (в зам. Артюхова; 1825 или 1826–после 1885), троюродная сестра Тургенева. О ней см. примеч. 40 к п. 1: Там же. С. 528.

¹¹ Имеется в виду А. Я. Шварц (далее — Анета).

¹² Речь идет о *Софье Александровне Дунаевской* (урожд. Скуратовой). О ней см. примеч. 4 к п. 1: Там же. С. 516.

¹³ *На долгих* — т. е. на сменных лошадях.

¹⁴ Как известно, интерес к сочинениям Вольтера имел в семье И. С. давние корни. Так, в *Б-ке Тургенева* хранится рукописный список перевода на русский язык повести «Кандид», изготoвленный в 1770-е гг. по заказу А. И. Лутовинова, двоюродного деда писателя со стороны матери, и содержащий эпизоды, не предназначавшиеся для печати в России. Имеются в библиотеке и книги Вольтера из собрания другого дяди В. П. — И. И. Лутовинова (см.: *Каталог Б-ки Т. С. 65–66*). Однако данные слова В. П. подтверждают предположение Л. Н. Балыковой о том, что и С. Н. Тургенев «был одним из русских почитателей фернейского мудреца». Как отмечает исследовательница, вскоре после женитьбы С. Н. приобрел собрание сочинений Вольтера на французском языке («*Suvres complètes*»), изданное в Париже в 1819–1822 гг. Некоторые из томов имеют его экслибрис: правильный прямоугольник с кирпичной кладкой, внутри которого помещено изо-

бражение ока, и надпись по периметру: «Из библиотеки С. Н. Тургенева по каталогу №...» (см.: *Балькова Л. А. «Голубая тетрадь»*. Книжные вкусы С. Н. и В. П. Тургеневых. С. 36). Вообще же в собрании Тургеневых сохранилось семь различных изданий Вольтера (Там же. С. 30). О «существовавшем в доме Тургеневых своеобразном культе Вольтера и его влиянии на будущего писателя см.: *Каталог Б-ки Т. С. 67*.

¹⁵ Речь идет об управляющем конным заводом, имя которого остается неизвестным. Как видно, В. П. очень дорожила его услугами. Опасениями, связанными с возможностью потерять этого «доброго и злого человека», В. П. делилась с сыном еще в п. 1: *Письма В. П. Тургеневой*. Ч. 1. С. 511.

¹⁶ В. П. планировала совершить поездку в Воронеж, к святителю *Митрофанию Воронежскому* (1623–1703), мощи которого были обретенны в 1832 г. и хранились в образованном четыре года спустя Благовещенском Митрофаниевом монастыре. Поездку в Воронеж В. П. предприняла вместе с В. Н. Богданович в 1839 г.

¹⁷ *Дуняшка* — любимая горничная В. П. Авдотья Кирилловна Лобанова (урожд. Тоболеева). См. о ней примеч. 7 к п. 1: *Письма В. П. Тургеневой*. Ч. 1. С. 517.

¹⁸ Как вспоминала В. Н. Житова, «в доме и в образе жизни Варвары Петровны соблюдался строгий порядок, все распределялось по часам. Даже голуби, которых она кормила и в Спасском, и в Москве, и те знали свой час: в 12 часов дня раздавался колокольчик, и они слетались получить свою порцию овса» (*Житова*. С. 39). О ежедневном кормлении птиц по звонку упоминает и О. В. Аргамакова: «В известный час она выходила их кормить, и все пернатые сбегались к ней по колокольчику» (*Аргамакова*. С. 332).

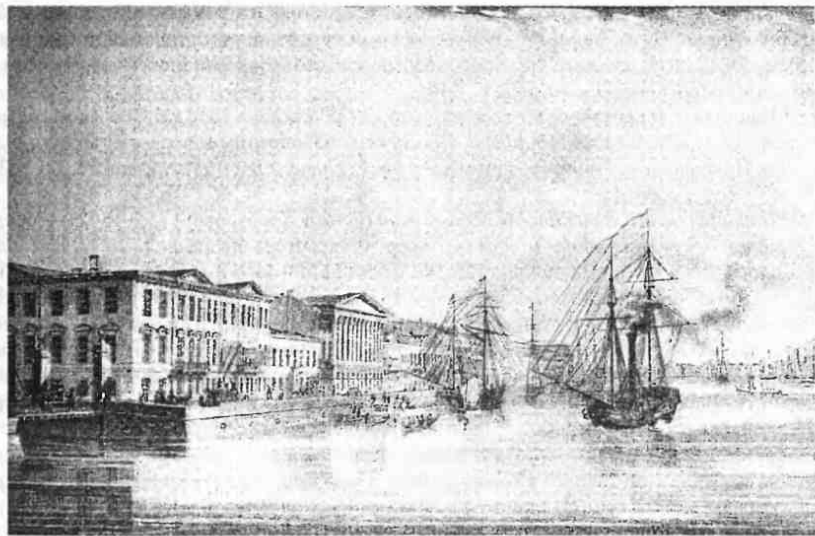
¹⁹ Имеется в виду портрет, присланный Тургеневым из Берлина. См. о нем примеч. 3 к п. 1: *Письма В. П. Тургеневой*. Ч. 1. С. 515–516.

²⁰ Этот портрет Н. С. Тургенева, по всей видимости, не сохранился.

²¹ О портретах С. Н. Тургенева см. примеч. 12 к п. 1: Там же. С. 518–520.

²² По всей видимости, «на попире» у В. П. стояла литография Иванова с рисунка В. С. Садовникова, на которой была изображена «Английская набережная в Петербурге (пароход „Ижора“ на Неве)» (нач. 1830-х гг.).

²³ Вид отчаливающего парохода на литографии напоминал В. П. отъезд сына за границу. «День отъезда Ивана Сергеевича за границу, — писала впоследствии В. Н. Житова, — я помню очень живо. Утром ездили мы все в Казанский собор, где служили напут-

Английская набережная в Петербурге (пароход «Ижора» на Неве)
Литография. Нач. 1830-х гг.

ственный молебн. Варвара Петровна сидела все время на складном кресле и горько плакала. На пароход провожали его: мать, Николай Сергеевич и я. На обратном пути с пристани, когда Варвару Петровну посадили в карету, с ней сделался обморок» (*Житова*. С. 30).

²⁴ Описывая порядки, заведенные В. П. в Спасском, В. Н. Колонтаева, в частности, упоминает о том, что в доме «было много людей из крепостных, которые имели свои специальные обязанности». Среди них — «дворецкий из крепостных, он же и мажордом, потом домашний секретарь» В. П. — Ф. И. Лобанов. Выслушав доклад Лобанова, В. П. отдавала ему устные и письменные распоряжения для всех обитателей усадьбы. Была в Спасском и своя «полиция». Помимо того, в услужении В. П. «состояли пажи, красивые мальчики, обязанности которых не были строго распределены, но которые состояли, как говорится, „на побегушках“» (*Колонтаева*. С. 50–51). Более эксцентричную картину рисует в своих воспоминаниях О. В. Аргамакова (*Аргамакова*. С. 328–329), однако приведенные мемуаристкой сведения были впоследствии опровергнуты В. Н. Житовой. «Штат ее личной домовой прислуги, — писала она, — был многочисленный, человек сорок, но никаких необыкновенных названий никто не носил. Был дворецкий, буфетчик, камердинер, конторщики, кассир, поверенный по делам, были и мальчики — но не „казачки“ и без сердец на груди. Обязанность их состояла в том, что они стояли по дежурству у двери и передавали приказания барыни или были посылаемы позвать кого-нибудь» (см.: *Житова*. С. 38).

²⁵ В. П. перечисляет дворовых мальчиков, проходивших обучение в Спасском, поскольку, как отмечает Житова, «вся прислуга, окружавшая ее, должна была быть грамотною» (*Житова*. С. 38). *Митька* — по всей видимости, *Дмитрий Кириллович Тоболеев* (род. ок. 1823), впоследствии находился в услужении у Тургенева, затем перешел к В. П. Боткину, а после его смерти к М. П. Боткину (см.: *Чернов*. С. 92–93). *Василий Иванович Лобанов* (род. ок. 1823) — младший брат Федора И. и Леона И. Лобановых (о Лобановых см.: Там же. С. 89–91, а также примеч. 7 к п. 1: *Письма В. П. Тургеневой*. Ч. 1. С. 517). *Николай Николаевич Серебряков* (род. ок. 1823) — сын Н. Я. Серебрякова (см.: *Чернов*. С. 95).

²⁶ Имеется в виду *Николай Яковлевич Серебряков*, крепостной В. П., управляющий домашней конторой Спасского. По предположению Н. М. Чернова, послужил прототипом главного конторщика Николая Еремеевича Хвостова из рассказа «Контора» в «Записках охотника» (см.: *Чернов*. С. 94): «... человек лет пятидесяти, толстый, низкого роста, с бычьей шеей, глазами навывкате, необыкновенно круглыми щеками и с лоском по всему лицу» (*ПССУП(2)*. Соч. Т. 3. С. 140).

²⁷ Начиная с 30 сентября (12 октября) и по 13 (25) декабря 1838 г. в Спасском гостила свекровь В. П. *Елизавета Петровна Тургенева* с малолетними детьми старшего сына Алексея Николаевича. О ней см. примеч. 32 к п. 2: *Письма В. П. Тургеневой*. Ч. 1. С. 538–539.

²⁸ *Новосильцева Екатерина Александровна* (урожд. Торсукова; 1755–1842) — сестра Ардалиона Александровича Торсукова, обер-гофмейстера двора вел. кн. Александра Павловича; жена Петра Ивановича Новосильцева (1744–1805), действительного тайного советника, сенатора, генерала-провиантмейстера, в 1783–1785 гг. занимавшего должность орловского вице-губернатора. Блестящей карьерой Новосильцев был обязан не только своим способностям и трудолюбию, но и родственным связям жены. По всей видимости, у Тургеневых были давние отношения с Е. А. и П. И. Новосильцевыми, владевшими именьями по соседству со Спасским. Портреты обоих супругов хранились в Спасском и были представлены на выставке 1909 г., где под портретом Новосильцевой значилось: «Дама в легком белом платье с красной накидкой, с кружевным чепчиком на голове» (*Каталог 1909*. С. 88; как следует из описания, портрет был в собственности у А. Н. Хвостова). Портрет Новосильцевой воспроизводился и ранее: *Mourier*. P. 115 (во втором ряду, слева. Здесь же указано, что в то время он принадлежал О. В. Галаховой). У Новосильцевых было 6 сыновей и дочь Екатерина (в зам. Яковлева).

В 1816 г. действительная тайная советница Е. А. Новосильцева и ротмистрша В. П. Тургенева по манифесту 1814 г. «как старейшины в дворянском роде женского пола» в воспоминание о славном 1812 году были награждены бронзовыми на владимирской ленте медалями (*Апухтин В. П.* Орловское дворянство в Отечественную войну. Очерк и материалы. Орел, 1913. С. 108). Выразительный портрет Новосильцевой оставил Фет, встречавшийся с ней в 1834 или 1835 гг.: «...мы были представлены и старухе матери с весьма серьезным лицом, украшенным огромною на щеке бородавкою. В глаза бросалось уважение, с которым высокопоставленные гости относились к этой старухе, говорившей всем генералам: „Ты, батюшка“...» (*Фет А. А.* Ранние годы моей жизни. М., 1893. С. 80). Подробнее о Новосильцевых см.: *Жидкова С. Л.* «Старые портреты» (К истории галереи фамильных портретов в Спасском-Лутовинове) // Тургениана. Сб. ст. и материалов / Сост. Л. А. Балькова, Л. В. Дмитрихина. Орел, 1991. С. 35–36, а также: *Дрогавцева Е. В.* Новосильцевы — соседи Лутовиновых и Тургеневых // Спасский вестник. 2002. Вып. 9. С. 157–163.

²⁹ *Антон* — крепостной В. П. О «старом буфетчике» Антоне Григорьевиче упоминает в своих «Воспоминаниях» В. Н. Житова, прибавляя, что именно его Тургенев вывел в «Муму» «под именем дядя Хвост». По ее словам, это был человек замечательной трусости» (см.: *Житова С.* 32–33), что действительно близко характеристике в рассказе: «старый буфетчик, по прозвищу дядя Хвост, к которому все с почтением обращались за советом, хотя только и слышали от него, что: вот оно как, да: да, да» (*ПССуЛ(2)*. Соч. Т. 4. С. 256). Возможно, впоследствии послужил прообразом старика Антона в «Дворянском гнезде», который встречает Лаврецкого в Васильевском. Примечательно, что Тургенев упоминает о «певучем голосе» Антона: «Ему <Лаврецкому>. — *В. Л.* наконец захотелось есть; <...> пришлось обратиться к Антону. Антон сейчас распорядился: поймал, зарезал и ошипал старую курицу; <...> когда она, наконец, сварилась, Антон накрыл и убрал стол, поставил перед прибором почерневшую солонку аплике о трех ножках и граненый графинчик с круглой стеклянной пробкой и узким горлышком; потом доложил Лаврецкому певучим голосом, что кушанье готово, — и сам стал за его стулом, обернув правый кулак салфеткой и распространяя какой-то крепкий, древний запах, подобный запаху кипарисового дерева» (Там же. Т. 6. С. 63). Как следует из воспоминаний Фета, в описании Васильевского отразились подлинные впечатления от поездки, предпринятой ими в имение Тургенева Топки Малоархангельского уезда Орловской губернии. «Описание старого флигеля, в котором мы останавливались, верное в тоне, весьма преувеличено пером романиста. По раскрытии ставней, мухи действительно оказались напудренными мелом, но никаких штофных диванов, высоких кресел и портретов я не видал. А в одной из пустых комнат, вместо упоминаемой кровати под пологом, я увидал ткацкий станок, на котором крепостной ткач работал прекрасную пестрядь. Правда, что, худо ли хорошо ли, нам приготовили обед, и старый слуга Антон, принарядившись в старый сюртучок, надел белые вязанные перчатки. После отмены даже крепостного права граф Л. Толстой говорил: „Едете в заглазное имение, ни о чем не хлопочите. Садитесь только за стол в ваш определенный час, и вам подадут ваших обычных пять блюд“. Действительно так и было во время крепостного права. В заглазное имение обыкновенно отправлялись на покой заслуженные старики — слуги, повара и т.д. Приезд господ, как звук трубы для бракованной лошади, был призывом к старинной деятельности и случаем отличиться» (*Фет. МВ.* Ч. 1. С. 278).

³⁰ В. П. перефразирует выражение, ставшее популярным благодаря комедии Мольера «Плутни Скапена». Подробнее см. примеч. 1 к п. 9: *Письма В. П. Тургенева*. Ч. 1. С. 577–578.

³¹ Речь идет о детях дяди И. С. — А. Н. Тургенева, которых воспитывала Е. П. Тургенева, — Михаиле (р. 1829— после 1870), Николае (р. 1832) и Елизавете (в замуж. Хрущев; 1830–1852). См. о них примеч. 19 к п. 5: Там же. С. 561.

³² Имеются в виду дети болховского помещика В. Я. Лаврова — Николай и Александра (см.: Чернов Н. М. Спектакль в Спасском-Лутовинове по пьесе А. А. Шаховского // Спасский вестник. 2000. Вып. 7. С. 78).

³³ Имеются в виду супруги Лагривые Авдотья Ивановна (урожд. Губарева) и Сергей Петрович. О них см. примеч. 24 к п. 1 и примеч. 5 к п. 6: *Письма В. П. Тургеневой*. Ч. 1. С. 523–524, 566.

12

8(20) — 10 (22) декабря 1838 года. Спасское

Mon cher Jean.^a

Ne soyez pas inquiet, je vis toujours et pense à vous.^b

Не пройдет ни одной пятницы, в которую бы я не написала к тебе сих строк, пока буду жива.

Je vis toujours — et pense à vous — mais vous mon cher ami!.. Vivez vous?..^c Вот чего я не знаю. — Жив ли ты! — Потому что месяц я от тебя писем не получаю. — Еще почта... Еще... Еще... То такое оправданье придумаешь, то другое... Однако чтобы месяц писем не было, никакие резоны рассудка не помогают. — Чего же скотина твой Порфирий¹ меня не уведомляет, что ты так болен, что писать не можешь, других резонов быть не может. — Ах! боже мой, и еще почта пришла, а писем нет! — Пропала я. — Я получила последнее письмо 12-го ноября. Нынче 8-е. Мое рожденье.² Для чего не день моей смерти. Писать сил нету!

Я буду в Берлине так скоро, как позволит путь — скорей, чем ты ожидаешь, ежели ты жив. А умер — не замешкаю свиданьем во всяком случае. Je vous bénis, au revoir

votre mère В. Т.^d

Я уверена, что при отце не смел бы ты написать, что тебе нечего писать всякую неделю. — Разве тогда пишут, когда денег просят? — Да и то ты не вправо. — Тебе есть за что благодарить.

<Рукою Н. Н. Тургенева:>

1838 года. Декабря 10-го.

Милый друг Ваня,

тебе, быть может, неизвестно, как трудно переносить разлуку, когда и писем не получаем. 5-ю почту мы от тебя не имеем ни одной строчки. Мамаша так огорчена, что я не имею способу успокоить, да и сам не

^a Мой дорогой Иван (*франц.*).

^b Не беспокойтесь, я все еще жива и думаю о вас (*франц.*).

^c Я все еще жива — и думаю о вас — но вы, друг мой!.. Живы ли вы?.. (*франц.*).

^d Благословляю вас, до свидания ваша мать (*франц.*).

придумаю, какая бы могла быть причина твоему молчанию. Что с тобой случилось, ты всегда так аккуратно писал во время твоего путешествия, а теперь, когда уже ты на постоянной квартире,³ следовало бы более соблюсти свою обязанность, особенно к такой нежной матери, какую вы имеете, она всем для вас жертвует, терпит нужду и скуку лишь бы вам доставить все возможные удовольствия. Я ума не приложу причине твоего молчания, к тому же ты не один, если что с тобой случилось, то мог бы твой человек нас уведомить. Я в таком горе, что изъяснить не могу. Надеялся, что к брату писал в Петербург, а тот тоже пишет, что очень огорчен, что не имеет от тебя ответа на письмо и на отправленные деньги,⁴ одним словом, я лишился совершенно рассудка и не знаю, чем успокоить мамашу, несчастная беспрерывно плачет, каково же дожидаться еще 7-мь дней быть в неведении.

Верный твой друг
Ник. Тургенев.

Печатается по подлиннику: РНБ. Ф. 795. № 91. Л. 25–26 об.

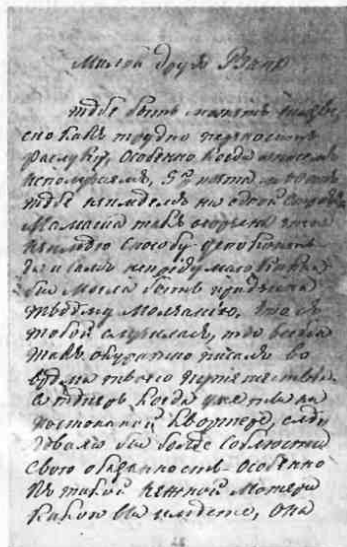
Письмо написано на сдвоенном листе почтовой бумаги с филигранью в виде рамки с гербом в верхнем левом углу и надписью «ВАТН».

¹ Речь идет о Порфирии Тимофеевиче Кудряшове, сопровождавшем Тургенева в Берлин. См. о нем примеч. 18 к п. 1: *Письма В. П. Тургеневой*. Ч. 1. С. 521–522

² Согласно записи в церковной книге села Спаское-Лутовиново за 1780–1812 гг., «в 1787 году родилась 30 декабря у капитанши вдовы Петра Ивановича Лутовинова дочь Варвара. Восприемниками были майор Иван Иванович сын Лутовинов, поручица Анна Иванова дочь Сергеева» (*ГАОО*. Ф. 231. Оп. 1. Д. 321. С. 38).

³ По всей видимости, в сентябре 1838 г. И. С. нанял постоянную квартиру в Берлине на Линден Аллее, № 24. Чертеж своей квартиры он выслал матери в письме от 10 сентября, на который В. П. отозвалась неодобрительно, посчитав квартиру слишком роскошной (см. п. 7: *Письма В. П. Тургеневой*. Ч. 1. С. 571–572). Очевидно, на эту квартиру И. С. переехал от Я. М. Неверова, который впоследствии вспоминал: «По возвращении в Берлин <из Эмса, где Неверов познакомился с Тургеневым. — В. Л.> мы не могли найти такого помещения, какое имели прежде, а потому каждый поместился на особой квартире, и при этом Тургенев несколько времени жил вместе со мною <...>» (*РСт*. 1883. № 11. С. 417).

⁴ Вероятно, речь идет о той 1000 рублей, которую Н. С. Тургенев выслал брату еще 25 октября (см.: *РНБ*. Ф. 795. № 90. Л. 1). Ответ И. С. он получил только 12 декабря, как следует из его ответного

Письмо Н. Н. Тургенева
к И. С. Тургеневу
от 10 декабря 1838 г.
Первая страница

письма от 16 декабря: «Четвертого дня получил я твое письмо. Как оно меня обрадовало, описывать я не стану — потому что мое прозаическое перо не умеет высоко парить и писать громкие-нежные слова, ты знаешь и без того, что я тебя люблю и потому можешь легко себе представить мою радость при получении твоего письма. — Давно, очень давно не писал я к тебе, а именно с тех <пор> — как я к тебе послал 585 талеров, которые, я слышал, а за верное не выдаю — пришлось очень кстати тебе <...>» (Там же. Л. 3). В том же письме Н. С. советовал брату учредить «получше свою канцелярию» и сообщал: «Мамаша сетует на тебя за: *неаккуратность писания писем!*!» (Там же. Л. 4 об.).

13

16 (28) декабря 1838 года. Спасское

1838-го года. 16 ноября^а — 28 декабря. С. Спасское.

Mon cher Jean.^б

Еще бы пятница без письма от тебя и к тебе бы написали. — Матушка помешалась. — *J'ai été sur le point...*^с Для меня такое положение хуже смерти! — Нынче я получила письмо, писанное тобою от 6 дек<абря>^д 24 окт<ября>, и повестку на письмо, писанное в Орел. — Хорошо ты делаешь, что пишешь редко. — Я могу теперь думать, что не пишет, да и только!.. Что же Кривцов Павел напишет к матери на Святой,¹ а письмо пошлет в Крещенье. Она уже к этому привыкла. — *C'est un bon fils pourtant...*^е

Насчет твоих оправданий на мои требования скажу: ты можешь не записывать расход. — Можешь мне сказать, что из посланных мною тебе денег *расходы знать твою, а не мое уже дело.*²

Сейчас играют у меня квартет. — Старые музыканты. — Кто в лес, кто по дрова. — Я говорю капельмейстеру. — Разве ты не слышишь, Петр, что оне отстали. — «Догонят... — сказал он мне в ответ, — потому что я с такты не сбиваюсь. — Мое дело играть в каданс. — *Я капельмейстер.*»

Я капельмейстер.

А что у вас неладно пойдет денежная музыка, ежели неверно будете брать в кошельке и не считать *такты* — т. е. рубли. — А мне какое дело. — Я говорила: считайте... считайте. — Не слушаетесь. — *Я права, виноваты вы.*

Прощишь прощенья. — *Pardon c'est un mot trop solennel pour en abuser jamais!..*^ф

^а Так в подлиннике.

^б Мой дорогой Иван (франц.).

^с Я была на грани... (франц.).

^д Так в подлиннике. Должно быть: «5 ноября».

^е И все же он хороший сын... (франц.).

^ф Прости — слишком высокое слово, чтобы им злоупотреблять!.. (франц.).

Делай, что хочешь!.. — говоришь ты...

Разумеется, тем кончу, что замолчу. — Но! — ты мне напомнил об отце, очень кстати. — Потому что при его необыкновенных достоинствах — денег не любил считать. — Так. — Но! на тебе бы взыскал и так же, как я!.. а может быть, и более меня счету бы потребовал... Он не любил баловать — да и мне заказывал. — А мое искомое в том, чтобы ты мне не сказал, как насчет музыки. Маман... била бы ты меня, а играть бы заставляла. — Насчет же публикации, ежели мой сын задолжает.³ — Я точно не знаю, сделаю ли это, но! ежели сделаю — то вина не моя, я предупредила, довольствуйтесь доходами... что получаете. — А долги — короста. — Нужно сесть *прыцу*, все тело скоро покроется (другое дело), — говорит Васильевна.⁴ — Я дала совет, а вы делаете из этого, что хотите, *des choux ou des gaves*.⁵ А я занимаюсь теперь *de betteraves*.^h — Не рифма к книжке — коврикка. — А точно я с Нееловым, управителем Шаховского,⁵ толкуем о предбудущих прожектах. — Свеклу садить — сперва. — А там, а там и сахар варить.⁶ — Я там был...⁷ и пр<о>ч... Кстати, о сахаре — давай-ка говоришь о чем-нибудь по-слаще... о конце твоего письма... о твоих любовишках, о m-me T...f...⁸ Вот новости... я прежде прочла в твоём сердце, чем ты сам, и сама начала к тебе писать...⁹ Разве я мать, как другие. — Я всегда с вами, и вся для вас, и вся ваша.

Ну!.. Слава Богу, что я не толстомясая... Мне кажется, ты бы и мать жирную не любил... а иногда мне кажется, что как первая твоя любовь натурально началась матерью... бледною, желтою, нервическою. — То ты и привык любить желтеньких. Это хорошо в любовных интрижках... а жена желтенькая не очень вкусна. — Тем более что ее видишь, целуешь без покрова шведских перчаток. Итак, ты любишь. Любовь в малолетстве, конечно, это самое приятное время. — Но! не продолжительно. — И после первого поцелуя в перчатке ручку — захочется поцеловать без перчатки... а там!.. Не верь женщине, которая будет тебя уверять в любви, а перчаточки не снимет... Нет! Знай, что она тебя не любит!.. Знай, что она только кокетствует... женщина, которая чувствует какие-нибудь резоны перчаточки не снять. — Но!.. когда любит тебя, *vous fuira, mon cher*,ⁱ но! не станет мучить ни тебя... ни себя... *Si une femme aime, elle est à l'homme, qu'elle aime. Si elle n'aime pas, c'est trop de souffrir les soins et les assiduités*.¹⁰ — *Dans l'amour il y en a toujours un, qui aime, et l'autre, qui est aimé; je crois que le plus heureux de deux est celui qui aime*...^j.¹¹

Впрочем, это хотя писано согласно с моими мыслями. — Но!.. выбрано из романчика «Eunerley» par Alphonse Carr.^k ¹² — Я тебе рекомен-

³ что на ум взбредет (*франц.*).

^h свеклой (*франц.*).

ⁱ убежит от вас, мой дорогой (*франц.*).

^j Если женщина любит, она принадлежит мужчине, которого любит, если не любит, переносить заботы и ухаживанья — это уж слишком. — В любви всегда один любит, а другой позволяет любить; думаю, более счастлив тот, кто любит... (*франц.*).

^k Альфонса Карра (*франц.*).

дую его взять и в I-м томе отыскать страницу 32. — О ручках.¹³ А я читаю «Les plaideurs»!... т. е. перечитываю и ищу места, где говорит *petit Jean*.^m ¹⁴ — Потому что мне все то мило, что... да не о том дело. А вот что. Я, сударь, располагаю ехать к вам по первому внешнему путечку. — Я где-то читала, что из Гамбурга ходит пароход в Берлин в 4 дни. — Покорно прошу написать мне маршрут — водяной и земляной, самый кратчайший и удобнейший... Ты скажешь: да зачем же, тапан... ведь меня не будет, я поеду в Италию...¹⁵ Да затем-то, *para*... что я уже обживусь. Порфирий, которого, надеюсь, уже ты не будешь с собою таскать, поможет мне нанять квартиру зимнюю, теплую, в которой буду я дожидать сына, да обживусь пока, да привыкну к климату... и пр<о>ч... и пр<о>ч...

Опять о счетах!.. Проклятые счета, — скажешь ты. — А one для всего хороши... для справки, для поверки... для сравнения прошлого года с нынешним... и пр<о>ч... и пр<о>ч... И, право, не могу я тебе как друг не посоветовать хотя приказать их вести Порфирию. Положим, будет неверно. — Да разве ты казенный казначей... в ссылку что ли тебя сошлют за неисправность. — Попробуй-ка с 1839-го года, с января. — Примерно. — А... стол, квартера — и еще кой-что домашнее, а я уже по этому и подумаю, сколько же денег-то нужно... На нужное, необходимое. — Прихотное... Ну!.. да я об этом напишу Порфирию, чтобы тебе не надоедать.

Очень рада, что у тебя есть мой подарочек — часы.¹⁶ — Ты видишь, что Жуковский прав, что не дорог подарок, а любовь всего дороже и память.¹⁷ — Итак, благодарю за подарочек, с книгами посланный, кому бы он послан ни был. — Посуди, Ваня, что все подарки опоздали, а твоя цепочка Биби пришла накануне именин очень кстати. Ах! как я рада, что перстень отцов цел. Ах!.. слава Богу. — И мое благословение, и да будет над тобою благодать Господня.

Обо всем буду писать *пространственно*, как говорит Черкасов,¹⁸ впредь. — А теперь сумерки. — Так ты жив, Ваничка... Так ты жив. — Ну!.. как же я засну нынешнюю ночь. — А то была бессонница 5 недель... 5 недель без писем. О ради Бога, не мучь меня, пиши... Пиши или я не ручаюсь за жизнь, за рассудок.

Семечки получила... Сам ты *Sasa*... *Conchifolia*.ⁿ ¹⁹ — Завтра посею — и буду сама поливать и лелеять. — Пожалуйста, не забывай. Ну!.. прости же, дружок. Бог тебе простит. А я твой верный друг.

<На полях первой страницы:>

Бабушка со всем семейством уехала отсюда 13-го декабря.²⁰

<На полях второй страницы:>

Дядя здоров, хотел сам к тебе писать, не знаю, напишет ли?²¹

¹ «Сутяг» (франц.).

^m маленький Жан (франц.).

ⁿ раковинолистная (лат.).

<На полях оборотной стороны второй страницы:>

Биби учили танцевать.²² Она очень мила, привезу ее с собою в Берлин.

Печатается по подлиннику: РНБ. Ф. 795. № 91. Л. 27–28 об.

Отрывки впервые опубликованы: *PM(1)*. С. 105; *Т Сб. 1915*. С. 34–36; Литературная мысль. Пг., 1923. Вып. 2. С. 227.

¹ Речь идет о *Вере Ивановне Кривцовой* (урожд. Карповой) и ее сыне *Павле Ивановиче Кривцове* (1806–1844), который в это время занимал должность старшего секретаря русской миссии при Святейшем престоле в Риме (впоследствии советник, поверенный в делах, глава императорской Дирекции русских художников в Риме). За год до этого (в ноябре 1837 г.) Кривцов женился на княжне *Елизавете Николаевне Репшиной*. Как отмечает М. О. Гершензон, это была «партия блестящая, на какую он, по своему скромному происхождению и званию, никак не мог рассчитывать» (*Гершензон М.* Декабрист Кривцов и его братья. М., 1914. С. 272). На неаккуратность Павла в ведении переписки жаловалась и его сестра Анна И. Кривцова: «...недавно <август 1828 г. — В. Л.> пришли от него сразу три письма в одном конверте, одно от марта, другое от апреля, третье от мая, и в майском он пеняет, что ему не ответили на его мартовское письмо» (Там же. С. 228). О Кривцове см. также: Там же. С. 281–284; *Капитанова Е. В.* Начальник над русскими художниками в Риме П. И. Кривцов // *Вопросы истории*. 2006. № 9. С. 146–151.

² В. П. перефразирует цитату из «Модной жены» И. И. Дмитриева (см. п. 1, примеч. 21): *Письма В. П. Тургенева*. Ч. 1. С. 522–523).

³ О своем намерении поместить в газетах объявление о том, что она не несет ответственности за долги сына, В. П. писала в п. 7: Там же. С. 570.

⁴ *Наталья Васильевна* — няня В. П. В своих воспоминаниях В. Н. Житова упоминает о том, что с помощью «преданной ей няни» В. П. удалось «бежать из дома вотчим», С. А. Сомова (*Житова*. С. 23).

⁵ Очевидно, речь идет об управляющем кн. *Ивана Леонтьевича Шаховского* (1777–1860), имение которого Большое Скуратово находилось в Чернском уезде неподалеку от Спасского-Лутовинова и с которым Тургеневы были знакомы. Так, жена И. Л. Шаховского Софья Алексеевна (урожд. гр. Мусина-Пушкина) находилась на пароходе «Николай I» вместе с И. С., впоследствии Тургенев неоднократно бывал в доме Шаховских в Петербурге (см.: *Назарова Л.* Здесь бывали И. С. Тургенев и М. Ю. Лермонтов // *Нева*. 2003. № 11. С. 251; *Чернов Н.* Скуратовы — предки Тургенева // *Чернов Н.* Дворянские гнезда вокруг Тургенева. Тула, 2003. С. 195).

⁶ О намерении заняться разведением свеклы и сахароварством В. П. сообщила сыну и ранее (в п. 2, рассчитывая на помощь В. Н. Чапкина, а также в п. 10). Интерес к производству сахара в это время, как видно, был повсеместным. На страницах журналов регулярно появлялись статьи, посвященные данному вопросу, многие из которых сохранились в *Б-ке Тургенева*: <*Левенгайн А. Е.*> Доказательства, что честь первоначального производства сахара из свекловицы принадлежит России // *ОЗ*. 1840. Т. 8. № 2. Отд. VII. С. 36–38; <*Очаповский М.*> Возделывание свекловицы по новейшим опытам // Там же. Т. 13. № 11. Отд. IV. С. 1–20; № 12. Отд. IV. С. 21–38; Снаряд для извлечения сока из свекловицы и сахарного тростника // Там же. 1841. Т. 18. № 9. Отд. VII. С. 16–17 и др. «Отечественные записки» помещали также рецензии на новые книги, рассматривавшие различные аспекты сахароварства.

⁷ Возможно, намек на окончание «Сказки о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне лебеди» (1832) Пушкина:

Я там был; мед, пиво пил —
И усы лишь обмочил.

Ср. окончание «Сказки о мертвой царевне и семи богатырях» (1834), а также окончание «Посвящения» к «Руслану и Людмиле» (1820):

И там я был, и мед я пил;
У моря видел дуб зеленый;
Под ним сидел, и кот ученый
Свои мне сказки говорил.
Одну я помню: сказку эту
Поведаю теперь я свету...

⁸ Имеется в виду *Элеонора Федоровна Тютчева*, которой И. С. был, по-видимому, увлечен. См. о ней примеч. 43 к п. 1: *Письма В. П. Тургенева*. Ч. 1. С. 528.

⁹ О Тютчевой В. П. писала сыну в п. 6, рекомендуя прочесть «*La femme de quarante ans*» (см.: Там же. С. 563).

¹⁰ Эти слова завершают следующие рассуждения героя (Людвига) о женской любви: «У женщин в сердечных делах всегда твердая поступь, не позволяющая ни сократить, ни изменить ход событий; разрыв происходит по правилам, как и начало связи; всякое слово должно быть на своем месте, должно в точности следовать по *карте Страны нежности* мадемуазель де Скюдери. Следовало остановиться в деревне *угождений*, дабы прибыть к горе *склонности к уважению*; отсюда лежал путь к *любезностям*; следующим этапом было *скромное признание*, и т. д.» (гл. III: *Histoire de la grande brune vêtue de blanc* (История белых сумерек)).

¹¹ В доступных нам изданиях романа этих строк обнаружить не удалось. Однако в более позднем издании «*Contes et nouvelles*» А. Карра (Р., 1852. Р. 196) эти строки встречаются в новелле «*Un homme et une femme*» («Мужчина и женщина»), которая, очевидно, изначально входила в состав «*Einerley*».

¹² Двухтомное издание романа «*Euperley*» (в более позднем начертании «*Einerley*», написанного в слегка философствующем тоне) молодого, но уже приобретшего известность французского писателя немецкого происхождения *Жана Альфонса Карра* (Karr; 1808–1890) впервые вышло в Париже в 1838 г. Это издание в *Б-ке Тургенева* не сохранилось (оно могло погибнуть вместе с той частью книжного собрания, которая пострадала во время пожара 1839 г.), однако в ней имеются другие произведения писателя, в том числе более поздние с владельческим штампом брата И. С. — Н. С. Тургенева (указано Л. А. Бальковой). Поставив в качестве заголовка немецкое слово («*Einerley*» — «Одиночество»), автор счел необходимым обратиться к читателям с предисловием, где читаем: «Что касается нашего заглавия, то прежде чем взяться за работу, мы дважды безуспешно пытались найти другое: следует признать, что никто не может считать его более неудачным, чем мы сами. „*Einerley*” — это немецкое слово, которое мы решились выгравировать на нашей печати лишь два года тому назад» (см. иллюстрацию на с. 457).

¹³ В. П. обращает внимание сына на следующий фрагмент из романа А. Карра: «Красивая рука — это замечательная вещь, в которой можно усмотреть некие отличительные знаки. Нога, на которую столько людей обращают внимание, это ложь, и никто не решится сказать, сколько болей, мук, гримас, уродства скрывается в некий утренний час под пронелюю или атласом, сколько крупных ступней втискивается в маленькие башмачки. Нога лишь имеет форму, которая не всегда ей принадлежит; рука же, которой некуда скрыться, обладает чем-то большим, нежели формой, или внешним видом: она обладает физиономией. Есть такие руки, из-за которых умная и чувствительная женщина могла бы умереть от горя, если бы обладала ими» (Гл. II: *Histoire de la voisine à la robe grenat* (История соседки в гранатовом платье)). Возможно, это суждение отразилось на взглядах самого Тургенева (см., напр.: *ЛССИП(2)*. Письма. Т. 3. С. 93).

¹⁴ Имеется в виду комедия в 3-х актах Ж. Расина «*Сутяги*», одним из персонажей которой является маленький Жан.

ИЛИ 404

ROMANS POPULAIRES ILLUSTRES

EINERLEY,
PAR
ALPHONSE KARR.

SUR LE TITRE.

Nous vivions une époque plus fertile en grands hommes qu'aucune autre époque de notre histoire.

A en croire les divers morceaux de papier qui se publient chaque matin sous le titre d'organes de l'opinion publique, tout romancier aujourd'hui réunit en lui le génie, le talent et toutes les facultés de J.-J. Rousseau, de Richardson, de Voltaire, de Sterne, de Cervantes et de la Fontaine. Il n'est guère de vaine vanité qui ne se blâsse d'être mis en balance avec Voltaire, si pour exalter le poids, on n'ajoutait à l'auteur du *Tartuffe* Marivaux et Beaumarchais.

Nous avons écrit spécialement notre éditeur pour le prier de ne réveiller à notre sujet aucun de ces illustres morts. Si cependant, dans l'intérêt de sa publication, il croyait devoir nécessairement établir, dans les annuaires des journaux, que nous l'emportons à tous égards sur les grands hommes de tous les siècles et de tous les pays. — comme tout le monde, — nous prions les lecteurs de ne pas nous accuser de complaisance.

Quant à notre titre, nous avons, mais à en chercher inutilement un autre deux

fois plus de temps qu'à écrire le présent ouvrage; c'est avouer que personne ne trouvera ce titre aussi mauvais que nous le trouvons nous-même. *Einerley* est un mot allemand que nous n'avons osé faire graver sur notre cachet que depuis quelques années.

A. K.

Il est bon, cependant, dit-on, que les hommes d'argent aient une étiquette complètement il y a un an, il restait pendant l'air d'un prête-à-peigner; mais l'ouvrage pris pour un fouet ou plutôt à dénouer avec les morts, et toujours prêt à se terrer lui-même.

SOUS LES TILLEULS, 10 VOLUMES, ÉTAT. XXXIII.

LE TRAVAIL-INDUSTRIEL OUVRIER

SOUS LES TILLEULS.

I.
A peu de distance de la ville, non loin de la demeure de Stephen, mais sur la rive opposée, existait une maison de campagne appartenant à une madame Richeteren; c'était une grande

— Je n'ai jamais su valoir, dit Stephen.

Paris, Typographie Plus l'écrit, rue de Valenciennes, No.

Роман А. Карра «Einerley»
в серии «Romans populaires illustrés»

¹⁵ О своем желании провести летние каникулы в Италии И. С. сообщал матери и ранее (см. п. 10, примеч. 41: *Письма В. П. Тургенева*. Ч. 1. С. 585). В дальнейшем этот вопрос еще неоднократно обсуждался, однако в 1839 г. поездка так и не состоялась. В Италию Тургенев отправился в начале 1840 г. вместе с П. И. Кривцовым.

¹⁶ Деньги на часы — подарок ко дню рождения И. С. 28 октября (9 ноября) — В. П. обещала выслать «из своего опридчего» в п. 5: *Письма В. П. Тургенева*. Ч. 1. С. 548.

¹⁷ Очевидно, Жуковский перефразировал вошедшие в повседневный обиход слова популярной песни «По улице мостовой...», заканчивающейся следующими словами:

Мне не дорог твой подарок, —
Дорога твоя любовь.
Не хочу перстня носить,
Хочу так дружка любить!

(Русские песни / Сост. И. Н. Розанов. М., 1952). Возможно, В. П. повторяет здесь слова, сказанные Жуковским молодому И. С., когда он посетил его в 1834 г. в Зимнем дворце с подарком от матери, — эпизод, описанный писателем впоследствии в «Литературных и житейских воспоминаниях» (*ЛССиП*(2). Соч. Т. 11. С. 68–69).

¹⁸ В. П. имеет в виду, по-видимому, барона Петра Ивановича Черкасова. См. о нем. примеч. 52 к п. 1: *Письма В. П. Тургенева*. Ч. 1. С. 529.

¹⁹ Скорее всего, В. П. подразумевает семена бегонии раковинolistной (*Begonia Conchifolia*), которые ей прислал И. С. Возможно, однако, что присланные растения принадлежали к роду *Sasalia* и В. П. обыгрывает неправильно указанное сыном название.

²⁰ О пребывании Е. П. Тургеневой в Спасском см. п. 11 и примеч. 27 к нему.

²¹ Письмо Н. Н. Тургенева неизвестно. Возможно, оно так и не было написано.

²² Речь идет о воспитаннице В. П. — В. Н. Богданович-Лутвиной (Биби). См. о ней примеч. 37 к п. 1: *Письма В. П. Тургенева*. Ч. 1. С. 527.

14

28–31 декабря 1838 г. (9–12 января 1839 г.). Спасское

1838-го года ст. ст. 3 [1 декабря]
н. ст. 12 ге[нваря]
Втор[ник. С. Спасское].

Ваничка, здравствуй!

Вчера отправила я письмо к тебе, но! в Петербург, прежде [к] брату, он прочтет и к тебе отправит.¹

Мы получаем письма по пятницам, а пишем два раза в [неделю]: во вторник и субботу. — К тебе пишу или буду я писать вс[егда] по вторникам, потому что, получив от тебя письмо в пят[ницу], не успею отвечать иначе как во вторник, ежели что бы очень нужно было. — А ежели не нужно, то на следующей почте. — Всякий день я поздороваюсь с тобою на письмо, как делаю с [пор]третом, который стоит на письменном столике ближе вс[ех] к моим глазам. — И похож... Иногда,² мне кажется, [он] улыбается, иногда суриозен. — Нынче с заплаканными глазами. Я очень страдаю от флюсу, а Биби очень кашляет, что и ме[шает]

¹ Далее было: он

мне спать ночи, она спит в моей комнате. — Нынче я, [только] что за-былась, вижу во сне, что свеча нагорела и бросила на [меня] с треском искры... Так что всю меня осыпало и я про[снулась]. Сегодня получили мы от брата письма, *grande nouvelle*^b он сдел[ан ре]монтером² на 25 лошадей. Под пушки. — В первую минуту мы [так] *étourdis*^c — что не знаем, радоваться ли?.. Огорчаться ли?.. Мы эт[ого] никак не ожидали. Разумеется, материнское мое сердце в п[ервые] минуты радуется, что он будет с нами лето, я поеду [с ним] по нашим деревням в Коренную.³ Только ежели ему дадут [короткий] срок, то нам будет убыточно... Но!.. Он может, каже[тся], просить отсрочку. — Кажется, более не употребить на р[емонт], чем проживет в Петербурге. — А ежели и прибавим [...] он будет год с нами. — Я тебе говорю, что это ещ[е пер]вые наши минуты... Мы думаем так, и сяк, и н[аизнанку].^d

$\frac{28}{9}$, в среду. — *Bon jour Jean!*^d Ты всё суриозен на портрете. — Как я это письмо пошлю в пятницу, т. е. в конце 18[38-го года], то имею многое тебя спросить насчет расположения [твоего] на 1839-й год. — И о себе доложить!

Вопрос 1-й. — Как прошла твоя зима, с успехом ли?.. что го[ворит] тебе совесть. — По университету.

В<опрос> 2-й. — Что располагаешь ты делать весною и лето? — Куда [ду]маешь отправиться на вакационное время?.. Я преду[пре]ждаю тебя, что я как мать, хотя и сочла в обязанности себе напомнить, что ты 1838-й год не по одеж[ке] протянул ножки. — И что, раз изубытчавшись пожар[ом],⁵ мог бы отложить вояж до весны 1839-го года. — Ну!.. Ты моего письма на этот счет не получил [и] иначе рассудил. — И помыкался по белу свету.⁶ Теперь же уже нечего, я думаю, раздумывать. — Усерд[ное] мое благословение... да денег сверх положенья — д[а и] с Богом. — А для этого надо тебе ко мне написать: [именно] куды предполагаешь ты ехать для пользы твоей будущности. Надо, чтобы ты знал и то. — Что многие резоны удержат меня здесь до 1-го сентября.

Во-первых, я желаю знать аккуратно, что могу я дать вам годового вашего доходу. — Как теперь, так и будущность ваша. — Чтобы вы, хотя не отдавали отчетов — но! и не требовали сверх положенья своего. — А когда случайно и должны будете это сделать — как ты погорел — то знать, что это в будущее время из кармана, а не в карман. — И что ежели достатку нет брать дилижанс — то нанимают повозку.

Во-вторых.

Желаю знать аккуратно. — Что могу я израсходовать, собственно я, себе на расход — и с домом, чего до сих пор никак не могла и не умела сделать, и потому вечно без копейки. Приготовлю себе на проезд и жи-

^b большая новость (*франц.*).

^c поражены (*франц.*).

^d Добрый день, Иван!.. (*франц.*).

тье в Москве, ничуть не бывало... Надо послать Николаю С<ергеевичу>, Ивану С<ергеевичу>. — Послала и осталась без копейки, и живи волею или неволею в Спасском. — Пока сделаешься атаманом, а казаку трудно.

В-третьих.

Объявляю тебе, что я долее не могу жить без тебя, как по сентябрь. И так, с 1-го сентября я на твоих руках, как хочешь и где хочешь. Ты уже не ребенок, а я старушка. И так, ты мне должен написать, как мне ехать и куды мне ехать. — По воде или по суше. — Кратчайший и удобнейший путь. — И в таком случае ты ли сам выедешь ко мне на границу — или вышлешь Порфирия меня проводить до Берлина. — Потому что я счету деньгам по-немецки не знаю и совершенно запутаюсь. — И где будет эта граница, по воде... там-то. — На суше... там-то! — Все покорно прошу хорошо и аккуратно это обдумать и меня уведомить. Немедленно.

1-е. О себе тоже уведомить, как о том, куда предпринимаете путь. Берете ли Порфирия или оставляете — или ко мне высылаете.

2-е. Когда начнутся вакансии, т. е. когда ты поедешь, с которого числа и по какое. — На счет мой ты свободен по 1-е сентября — или даже по 15-е, потому что я из Спасского прежде 1-го не тронусь, то ты все на точку *встречи* успеешь приехать, где бы ты ни был. — Ежели ты Порфирия пришлешь по воде в Петербург, то обдумай хорошенько, как?.. когда? — Что выгодней и что дешевле.

А потом. — Я полагаю тебе в год 8 тысяч ассиг. — что по-нашему 10-ть на монету. — И так, это выйдет на месте твоего житья в месяц по 833. — То сколько же тебе прибавить на каждый месяц на проезд и пр<о>ч. — Я думаю, что тебе будет достаточно 4, т. е. 12 тысяч в год на монету, т. е. с чем-то 10 <тысяч> ассигн. Кажется, что ежели к этому приложить экономию, то будет тебе очень достаточно. — Это мое мнение... а ты мне напиши свое. — Ты знаешь, что я никогда в нужном вам не отказываю. — Да и... в надобном... да и... в прихотном все отказу не было. — А теперь сами хозяевы. — Я твою часть предоставила брату. — От него и требуй, он тебе и пересыл[ать бу]дет, тем более что он, живя в деревне, будет сам видеть, [какой] доход и что можно тратить. — А как вы друзья и братья, [то] от него ни строгости, ни скупости тебе бояться нечего.

В 1839-м году пришло аккуратною записку, что у нас или у вас урочая, какие цены хлебу — т. е. какие в 1839-м году могут быть приход[ы и] что надо на расход — и что на обороты, т. е. поддержание имен[ия]. Хотя тебе это и скучно — но!.. было бы с моей стороны все сделано, а [там] как хотите.

29, в четверг.
10

Здравствуй, Жан. Здоров ли ты? — А мы все, женский пол, хвораем. У Биби коклюш, всю ночь прокашляла с визгом, жар и рвота, [а] между тем такой умный ребенок, беспокоится, что я не почи[ваю]. А у меня флюс, и я очень страдаю. — Мавруша занемогла нынче ночью, рвота и зноб. Посылаем за доктором, к которому, одн[ако], не имеем никакой веры. — Он пресмешной и предобрый [ори]гинал, но! этим не лечат...⁷ Вот что скверно в дере[вне]. К вечеру жар Бибиши усилился, послали опять за докторами. [Я очень] трусила, дядя ругал всё и всех. — А я плакала, вообраз[ив, что] у меня отымают под старость куклу — которая меня [очень] утешает. Такая девочка, какую я не могла бы лучше слеп[ить] из воску и одушевить. — Боюсь, умрет... и на меня нападет скука, которой я болезни очень боюсь и по ее милости изб[авлена].

30-е, в пятницу.
11

Дядя спал в гостиной, и мы попеременно ходили к [ней] в отцовом кабинете. Жар был ужасный, поутру док[тор] приехал. Ей лучше, слава богу!.. Но! все она слаба, кажется, [од]нако опасности нету, и доктор уверяет. Дай то бог. Я [буду не]утешна.

Вечер. — Ну!.. Слава богу, вот от тебя и письмо. — И семена [вроде] тех, которые мною были посеяны... в тот день... в [тот] день... как зачался ты — т. е. *Aquilegia Vulgaris*,^{*} [кажется,] ты понимаешь по-латыни, пустозвонный колокольчик. — Да у нас этой дряни в России хоть пруды пруди, стоило посылать в Берлин — или, бишь, присылать из Берлина.*

А!.. Так ты изволил гневаться на меня и пропустил 5 почт, не писав. — Между письмом от 10-го сентября до 26-го [октября] ни слова. — 5 почт. — Извольте слушать. 1-я почта прошла — я вздохнула. — 2-я — я задумалась очень. 3-я — меня ста[ли] уговаривать, что осень... реки... почта... оттепель... Поверила. 4-я почта — пришла — писем нет!.. Дядя, испуганный сам, старался меня успокоить. — Нет!.. Ваничка болен, — говорила я. Нет!.. он опять перломил руку...⁹ Словом, не было сил меня ур[езонить]. Вот и 5-я почта. — Все перепугались... Думали, я с ума сошла. И текущую неделю я была как истукан: все ночи без сна... д[ни без] пищи... Ночью не лежу, а сижу на постели и приду-

* Не обидься моему шуткою, душенька — а отмсти мне, спроси самых новых, редких цветочных семян. — А не *Aquilegia Vulgaris*. — Объясни, что посылаю-де в письме по несколько семечек в Россию — то не стоит посылать дряни. — Купи самое лучшее и пришли в капсюлечках одно-два семечка — или, смешав, пришли разных сортов семян мелких. — Поручи это Порфирию, он не берет лекций и делает это для барыни на досуге. — Не правда ли? Да еще пришли или присылай, а особенно из Италии огородных семян — то то крупные, редисы, да сладкие какие, да семечки в аршина 1½ тыквы — т. е. тыква в 1½ аршина, не семечко. Цветочных летних семян.

мываю... Вани[чка мой] умер, его нет! на свете... Похудела, пожелтела. — А Ваничка изволил [гневаться]. И хотя мое зелененько письмо¹⁰ лучше тебе нравится беленького... напрасно видишь ты снег... Между мною и вами холоду быть не может. Но!.. повторю тебе, что кто хочет не обчесться, тот должен считать. А иначе будешь всегда нуждаться. Употребя деньги на ненужное, в нужном себе отказывать. Наешься сладко, выпьешь — и потом сходишь в ретираду. — А выехать... выйти — страм головушке. Но! — все это уже сказано-пересказано, на меня уже не пеняй. — Но! знай, что, ей богу, ты не столько богат, сколько ты предполагаешь и сколько тратишь. — Хуже будет, когда нужнее будет — да не будет. — Брат — ремонтер, отказаться было нельзя. — Что это станет? — А у нас родился вместо хлеба пух. — Даром не берут. — Зачем же я живу в Спасском, чтобы Коле достало на ремонт, чтобы тебе не отказывать на чужбине. — Я для вас это делаю, дети милые, — и вы меня поберегите, не будьте пасынки, войдите в дела свои. — Помогите мне, вы теперь подросли и имеете рассудок, действуйте же им.

На письмо твое от 4-го я буду отвечать на будущей неделе. — С сею почтою дядя послал тебе 3000, чтобы ты деньгами не нуждался. — Как ты хочешь, а я прошу тебя как друг, уже не приказываю как мать — ежесечно *me tenir au courant de vos affaires.*^e — С 1839-го года вкратце *такo: Chère maman*^f — с 1-го генваря было денег у меня столько-то... Потом высыпъ на стол свой мешок и сочти — и напиши искренно правду. — На февраль и долее осталось столько-то? — Спрашиваю тебя? — Трудно ли что тебе. — Положим, тебе трудно расход вести. — Но!.. высыпать деньги на стол, счесть наличность и сказать мне: денег я имею столько-то еще. Ей богу, это не трудно! — Почему?.. я у тебя это прошу, резон самый простой. — Чтобы, заглянув в твой кошелек, могла бы я видеть, сколько еще времени могу я остаться, не пересылая денег. — Это для тебя же — дурак... дурак... Много ли матерей будут об этом просить своих детей. — Дети просят, просят... не допросятся... Покажи-ка письмо своим товарищам. Много ли найдутся таковых родителей... да даже управителей. А ты еще гневаешься... Ну!.. так так-то, Ваничка... Так-то, милый друг. — А!.. так-то. — Ведь ты напишешь мне в ответ следующее:

Maman. — По 1-е генв<аря> 1839-го года оставалось у меня на прожиток — 000... да ты прислала 3000. — А теперь из всего этого на 1-е число февраля *dans ma gousset*^g — гамзы^h в наличности. Когда бы я ни получила сие письмо — но!.. ты закончишь свой месяц. — Последнее число, как я говорю. — И поверь мне... поверь честному моему слову... упреку не получишь боле за прожиток. Сам рассчитывай, сам себе выговаривай. — А я не доведу, чтобы мой сын имел на меня негодование за деньги... Будут деньги — пришлю, не будут — скажу нету. — Те-

^e держать меня в курсе своих дел (франц.).

^f Дорогая маменька (франц.).

^g в кошельке (франц.; очевидно, от *gousset* — жилетный карман).

перь, в начале года, я тебе скажу, что могу тебе дать. — Теперь посылаю 3000 — *генварь-февраль-март-апрель*. — К 14-му маю получишь ты 4000 на *май-июнь-июль-август*. — К 10-му с[ентя]брю пришло еще 3000 последние — на сентябрь-[октябрь]-ноябрь-декабрь. [Ты меня] знаешь, [мое слово свято. Те]перь распорядись, как умеешь. — [Оставайся в Берлине или ступай в Италию, в [...]] — насчет денег *cela ne [me] regarde [plus.^h [...]]* душа моя — *à jamais.ⁱ* Твой друг искренний, верный, нежная и снисходительная мать благословляет тебя].

<На полях оборотной стороны первой страницы:>

[Ты] увидишь в моих письмах повторенья. — Я позволяю считать меня состаревшеюся, но! не по этим приметам, [а] *от старости и лет.¹²* — Я повторяю, пришли маршрут... я еду... я приеду... к тебе... Пришли Порфирия — и пр<о>ч. [...] тоже! — Увы! я по[хожа на того] несчаст[ного] старика, который в при[вязанной] лодке целые дни [...] [шедший на одном месте... К сыну, к сыну, взятому в морскую слу]жбу. Cher [George...^j твердил он [...] завтра опять садился в [...] в Берлин... в Берлин. О! — в Берлин].¹³

<На полях первой страницы:>

Не знаю, что за причина, что ты получаешь от меня по два письма вдруг. Это досадно. — А я пишу раз в неделю. Я прошу тебя не отговариваться, что нечего писать, два слова, что ты здоров, и я буду покойна. — Утешь меня, пиши.

Печатается по подлиннику: РНБ. Ф. 795. № 91. Л. 29–30 об.

Отрывки впервые опубликованы: *Т Сб. 1915. С. 36–38*; Литературная мысль. Пг., 1923. Вып. 2. С. 226.

Дата в начале письма — 31 декабря 1838 г. (12 января 1839 г.) — не соответствует указанному дню недели — «вторнику», так как 31 декабря ст. ст. в 1838 г. приходилось на субботу. По всей видимости, письмо было закончено в субботу, а отправлено позже — 3 (15) января, во вторник. Возможно, это было указано самой В. П. сразу же после первой даты в той части верхнего уголка письма, которая в настоящее время утрачена.

^h это меня больше не касается (*франц.*).

ⁱ навек (*франц.*).

^j Дорогой Жорж... (*франц.*).

¹ Это письмо В. П. неизвестно, поскольку предыдущее, датированное 16 (28) декабря (пятницей), было отправлено самое позднее во вторник — 20 декабря 1838 г. (1 января 1839 г.). Упомянутое же здесь В. П. письмо было отправлено накануне, во вторник — 27 декабря 1838 г. (8 января 1839 г.). Возможно, именно его Н. С. Тургенев переслал брату вместе со своим письмом от 17 января 1839 г.: «При сем я препровождаю тебе письмо — от мамыши, писанное к нам двум. Но так как оно огромно, то, чтобы не писать то же самое в другой раз, мамаша приказала к тебе его отправить» (РНБ. Ф. 795. № 90. Л. 8).

² *Ремонт* — заготовка лошадей, пополнение ими полков по мере нужды; *ремонтёр* — офицер, отправленный из полка для закупки лошадей.

³ Речь идет о поездке для покупки лошадей на *Коренную ярмарку* — одну из крупнейших ярмарок страны, располагавшуюся в 30 км от Курска на территории, принадлежавшей мужскому монастырю Курская Коренная Рождества Пресвятой Богородицы пустынь. Красочное описание ярмарки, «составлявшей в то время самое замечательное годовое событие не для одних жителей средней России», оставил в своих воспоминаниях А. А. Фет: «В Коренной мы заняли один из множества домиков с широкими дворами с навесами для помещения лошадей и экипажей. Дома эти, построенные на скорую руку, в большинстве случаев отличались от крестьянской избы средней руки — разве отсутствием печей и дощатыми полами. Все они вереницей тянулись с одной стороны ярмарочной площади в конном бегу и предназначались для сдачи внаймы только на две недели ярмарочной поры. <...> После обеда мы с братом пустились осматривать ярмарку. Конечно внимание наше главным образом было привлечено конною площадью, по которой тянулся ряд невысоких столбов, обозначавших отдельные станки для приводных лошадей. Бесконечный ряд лоснящихся на солнце крупов всевозможных лошадей обращен был к дороге, на которую продавцы то и дело выводили напоказ лошадей. По другую сторону дороги в громадных загородах из крепких жердей находились степные, дикие лошади. <...> Ярмарочная площадь кончалась полуверстным бегом с ярмарочным павильоном посредине. Каждый вечер здесь происходили состязания рысаков, а иногда и лошадей, возящих тяжести. На следующее утро имена победителей становились общим предметом разговоров» (Фет. МВ. Ч. 1. С. 17–20).

⁴ Н. С. Тургенев был командирован «за ремонтom» почти на год, до 25 ноября 1839 г. (фактически он выехал в Петербург только в начале 1840 г.), о чем сообщал брату в упомянутом письме от 17 января 1839 г.: «Я отправляюсь на днях в деревню в Спасское за ремонтom. Что чрезвычайно мне неприятно, но что же делать <...>» (РНБ. Ф. 795. № 90. Л. 6). В дальнейшем отношении В. П. к ремонту сына было резко отрицательным, поскольку он был сопряжен со значительными денежными затратами. О неблагоприятном исходе ремонта см.: *Кртова И. В.* Письма Н. С. Тургенева к брату как биографический источник // Спасский вестник. 2000. Вып. 6. С. 43–45.

⁵ Речь идет о пожаре на пароходе «Николай I». См.: *Письма В. П. Тургеневой*. Ч. 1. С. 514.

⁶ В. П. намекает на путешествие по Германии и Швейцарии, которое И. С. предпринял перед приездом в Берлин, несмотря на большие издержки, вызванные пожаром. О письме, в котором она настоятельно советовала сыну направиться из Гамбурга сразу же в Берлин и которое не было получено И. С., см. также п. 7: Там же. С. 569.

⁷ По всей видимости, речь идет об И. Беневоленском. См. о нем примеч. 17 к п. 6: Там же. С. 567.

⁸ *Aquilegia Vulgaris* — водосбор обыкновенный — многолетнее растение семейства лютиковых, широко распространено в Западной Европе.

⁹ О переломе руки летом 1833 г. Тургенев упомянул в «Мемориале»: *ПССиП(2)*. Соч. Т. 11. С. 197. Еще раз он сломал руку накануне отъезда из Спасского в конце августа 1837 г., упав с дрожек (см.: Там же. *Письма*. Т. 1. С. 137;

письмо к А. В. Никитенко от 13 (25) сентября 1837 г.). Возможно, именно этот случай описывает в своих воспоминаниях В. Н. Колонтаева: *Колонтаева*. С. 57.

¹⁰ По всей видимости, имеется в виду п. 8, написанное на бумаге зеленоватого цвета, или какое-то другое, не дошедшее до нас письмо.

¹¹ *Гамза* — деньги.

¹² Возможно, намек на «Шильонского узника» (1822) Байрона в переводе Жуковского:

Взгляните на меня: я сед,
Но не от хилости и лет.

¹³ Какое произведение имеет в виду В. П., установить не удалось.

1839

15

1 (13) января 1839 г. Спасское-Лутовиново

1839-го года $\frac{1-\text{го}}{13}$ генваря. С. Спасское.

Здравствуй. — Ваничка.

Здоров ли ты. Поздравляю тебя с новым наступившим [годом.] Написав эти строки, я рассмеялась. Это по-твоему гораз[до] писать поздравленья в самый тот день, чем придумыв[ать], [<чтобы?>] оне пришли — к тому дню. — Хотела отвечать тебе [<на?>] твое письмо, писанное от 4-го декабря¹ — да флюс... [<Бибишин?>] коклюш... братнино намеренья ремонтировать² — все [это] помешало.

Прекрасно пишешь ты — от 12-го декабря — прибавляя: «на сей год последнее». — От 12-го до 1-го — 19 дней. Прекрасно. А когда тебе точно нечего писать к матери, то при сем посылаю тебе братнино письмо на образец.³ — Я и тем довольна... Но!.. жить в Спасском, чтобы прив[одить] дела в такой порядок, чтобы детей можно было [содер]жать... одного в гвардии,⁴ другого в чужих краях [...], неделю мучась скукою, тоскою, счетами... в п[ятницу] в] награждение сказать опять дурака Левону Александрову.⁵ Дождаться опять пятницы... и опять не получить письма... О!.. vous êtes plus que cruel... ingrat... vous êtes un monstre!^a Вот тебе и еще распекательное письмецо. — Нет! Н[ет,] сударь. — *Не позволим* по-польску. — Извольте писать [хоть] через 2 недели. — И прямо в Спасское, куда письмо приходит через 26 дней. — Понимаете... А то, право... право. — Прогневаюсь. — Насчет писем *aigre-doux*^b — я, право, этого не понимаю. Это не в моем вкусе... Ты, верно, это по себе судишь, я не имею нужды брать этого тону с моими детьми. — О!.. это уже последний ресурс родителей

^a вы больше, чем жестоки... неблагодарны... вы чудовище! (*франц.*)

^b раздраженно-нежных (*франц.*)

с детьми, выбивающихся из послушанья. — А у меня такие правила: сказав, я делаю свой долг. — Сею семена — а взойдет ли?.. Воля божия. Я добрила землю, но!.. вороны, галки истребят семя, так богу угодно. — Вот тебе и притча во языще...⁶

Что касается до твоего откровенья с швейцарочкою в Берне... или ты глуп!.. или ты плут!.. — сказал помещик мужику. — Как тебе угодно, — отвечал мужик.

Я, подозревая, что ты не довольно экономен... да и зная, что и к страстишкам способен, — просила, *каково беда не мера*,* не таи... от своего друга. — И я скажу, как в «Коньке-Горбун[ке]», это не служба — службишка... служба будет впереди... Молись-де Богу... ложись-де спать, все будет исправно.⁷

[<Что ты?>] мне порешь дичь... Да как же ты, бывши у меня в Спасском [<юны?>]м ястребенком, прельстился на старую ворону на даче... [де]лался старым коршуном и не умел заклевать голубки — [<как?>] Мазепа в Пушкине.⁸ — Экой ты «болван» — за неименьем [дру]гого слова.

Ответ твой Рибопьеру,⁹ что ты очень занят науками, он мог стать фанфаронством студентика. — Ты мог не быть, а отвечать эдак... невежливо — посланнику. — Что ты не был у Озерова, у Мансурова¹⁰ — я понимаю. — На что ты им?.. а в свете это первая мысль... На что он мне?.. на что я ему?.. Итак, дитятко, учись... учись... а будешь ли ты кому... и для чего-нибудь нужен, это докажет время. — Самому умному... и ученому человеку... можно сказать, как швейцарка в Берне: *vous êtes une B...*^c Мы с тобою, кажется, всегда сядем верхом на стуло с катком и скотимся от стыда... со всеми нашими знаньями в латыни. И уступим место Теплому¹¹ — который в шараде *Ballon*^d [громки]м голосом прокричал последние слова...

[Ты] не был в Потсдаме...¹² в Шарлоттенбурге...¹³ Да ты, стало, не турист... Правда, теперь не сезон быть там.

За семена, присланные *Centaurea*^e — покорно тебя благодарю. — Но! только воля твоя, не американа — я этого нигде не нашла в моих ботанических книг<ах>.¹⁴ — Прошу тебя еще раз смешивать разные семечки [и] присылать — а я так в этом искусна, что разберу сама их по сортам. Пришли, пожалуйста, редисов, латуки, особенно поищи самый лучший *Romaine* Ромен,¹⁵ — тыквы — дыни. — По семечку все еще поспеет к сеянню.

Я очень сожалею, что ты до сих пор не читал «Contes Fantastiques»¹⁶ et «Contes et Fantaisies», par Hoffmann...^f ¹⁷ Я тебе дарю их на Новый год, купи на мой счет и, прочтя, брось. — Jean Bart...^g тебе полюбится¹⁸

* *Беда не мера* — русское слово, непонятное для тебя... Спроси растолкованье у тех, кто испытал беду не меру — или бедность в деньгах.

^c вы *д<урак?>* (возможно, от франц. «bête»).

^d *Мяч (франц.)*.

^e *василек (лат.)*.

^f «Фантастические истории» и «Сказки и фантазии» Гофмана (франц.).

^g Жан Бар... (франц.).

и «Soirée poétique»...^h 19 О, прелесть. — Вот это стихи, это ворочает и душу и сердце... это чувствуешь в крови. — Это не то, что любимые твои... *ямбы*... и еще как вы их называете. Мое дело темное, а читать вас тяжело и непонятно... Да где же рифма-то... ищешь, ищешь... а смысл... Тьфу... пропасть. — Непонятно. — Посылаю отрывок из комедьи «Первый ярус».²⁰ — Насчет же рекомендованных мною тебе книг ты знаешь, Жан... ты знаешь, что ты не оттого их читаешь, что я рекомендовала... Нет! — Смело скажу, тебе полюбится отменно.

Ты хотел писать по-латыни ко мне комплимент. — Я замечаю, что все твои письма писаны ко мне по-русски. — «А русский мне язык, как *кляп* во рту» — из... из... «Хвастуна» что ли.²¹ Пиши, по-каковски хочешь... хоть по-англистски... Ей богу, Ванино письмо все мило. — А *groros*,ⁱ а что английский язык? — Забыт.²² Цалую и благословляю тебя. — Наверное, превсерное я зимую в Берлине. Ежели только буду жива — в сентябре я у тебя... я с тобою. *Верю*.

В. Т.

Печатается по подлиннику: *РНБ*. Ф. 795. № 92. Л. 1–1 об.

Отрывки впервые опубликованы: *PM(1)*. С. 106; Литературная мысль. Пг., 1923. Вып. 2. С. 227.

¹ О намерении «на будущей неделе» отвечать на письмо сына от 4 декабря В. П. сообщила в предыдущем письме (№ 14). Однако к этому времени, очевидно, было получено еще одно письмо от И. С. — от 12 декабря (см. ниже).

² О командировке Н. С. Тургенева за ремонтом см. п. 14, примеч. 4.

³ Письмо Н. С. неизвестно В письме к И. С. от 17 января 1839 г. он также сообщал о недовольстве В. П.: «Скажу тебе 1-е) мамаша ужасно на тебя сердита и, правду сказать, есть за что — ты не пишешь, что мамашу убивает, огрызаешься, *vous voulez* <вы желаете. — *франц.*> и пр. *et vous savez pourtant que maman* <но вы знаете, что маменька. — *франц.*> очень раздражительная и все берет к сердцу». Далее Н. С. в шутку добавлял, что употребляет больше бумаги «на корреспонденцию» из Петербурга, чем И. С. из Берлина (*РНБ*. Ф. 795. № 90. Л. 6).

⁴ Речь идет о Н. С. Тургеневе, служившем в Гвардейской конной артиллерии.

⁵ *Левон Александров* — почтмейстер.

⁶ Имеется в виду притча Иисуса Христа о сеятеле (Мф. 13: 1–23, Марк. 4: 1–25, Лук. 8: 4–15).

⁷ В. П. перефразирует слова из сказки в стихах П. П. Ершова «Конек-Горбунок» (1834):

Сказать по дружбе,
Это — службишка, не служба;
Служба все, брат, впереди!
Ты теперя спать поди;
А завтра, утром рано <...>

^h «Поэтическая вечеринка»... (*франц.*).

ⁱ Кстати (*франц.*).

⁸ Наменяя, по всей видимости, на какое-то романтическое увлечение сына, В. П. вспоминает любовную интригу поэмы Пушкина «Полтава», в которой Кочубей, лелея мысли о мести за поруганную честь увезенной дочери, сравнивает Мазепу со «старым коршунном», заклевавшим голубку:

Нет, дерзкий хищник, нет, губитель! —
Скрежеща мыслит Кочубей, —
Я пощажу твою обитель,
Темницу дочери моей;
Ты не истлеешь средь пожара,
Ты не издохнешь от удара
Казачей сабли. Нет, злодей,
В руках московских палачей,
В крови, при тщетных отрицаньях,
На дыбе, корчась в истязаньях,
Ты проклянешь и день и час,
Когда ты дочь крестил у нас,
И пир, на коем чести чашу
Тебе я полною наливал,
И ночь, когда голубку нашу
Ты, старый коршун, заклевал!..

Отмечено Л. А. Павловой: «Недаром я мать поэта...» (Жуковский и Пушкин в письмах В. П. Тургеневой к сыну) // Спасский вестник. 2009. Вып. 17. С. 117.

⁹ Речь идет о графе (с 1856 г.), обер-камергере, члене Гос. совета *Александре Ивановиче Рибопьере*, в это время посланнике при Прусском и Мекленбургском дворах. Замечательный портрет Рибопьера оставил А. А. Васильчиков, опубликовавший в 1877 г. его «Записки»: «Всякий, кто бывал лет 14 тому назад в петербургском обществе, помнит этого сановитого, изящного и любезного старца, бодро одолевшего свое осмидесятилетие и внезапно, почти без болезни, угасшего. Как забыть его живые речи, острые анекдоты, восторженную хвалу великой царице? Граф Рибопьер был в полном смысле то, что в блестящую эпоху Парижских салонов называлось un causeur <собеседник. — франц.>. И в самом деле, бывало, не заслушаешься рассказов его, и по мере того, как перед воображением проходили последние годы прошлого столетия, не чувствовалось, как летело время. Граф Рибопьер был типом изящного маркиза; в нем живы были все старинные предания учтивости и утонченности, и странное дело, под этою французскою наружностью сильно билось чисто-русское сердце, чутко относившееся ко всему родному; с этих уст, так красиво закруглявших французские фразы, потоком струилась живая русская речь, искрившаяся всею красою родных пословиц и поговорок» (Записки графа Александра Ивановича Рибопьера // *РА*. 1877. Т. 1. № 4. С. 460). См. о нем также примеч. 9 к п. 7: *Письма В. П. Тургеневой*. Ч. 1. С. 574.

¹⁰ По всей видимости, речь идет об *Иване Петровиче Озерове* и *Александре Павловиче Мансурове*, состоявших при русской миссии в Берлине (см.: примеч. 14 и 15 к п. 10: Там же. С. 583).

¹¹ Сложно сказать, кого из *Тепловых*, родственников Тургеневых, В. П. имеет здесь в виду. Возможно, речь идет о двоюродном брате И. С. — *Алексее Николаевиче Теплове* (1816–1891), сыне Федосьи Николаевны (урожд. Тургеневой) и Николая Алексеевича Тепловых, служившем в кавалергардах (впоследствии полковник). По всей видимости, именно о нем с неодобрением сообщал в письме к брату от 16 декабря 1838 г. Н. С. Тургенев: «Я бываю у них <у Хитрово. — В. Л.> раз в неделю — а Тепл<ов> ежеминутно à la lettre <в буквальном смысле. — франц.>! <...> Ainsi va le monde et les choses! <Таков свет и таковы дела! — франц.> Корчит миллионера, а вчера занял у меня 160 р<убле> в 30 к. на — о! ужас! кавалерг<ардский> офицер — на лосинцы: *Ki ko go!*!! Поверь мне, il finira mal <он плохо кончит. — франц.>. <...> Сейчас получаю от него записку! Пришли мне еще 25 р<убле>в! Voici le jeune homme à la mode, le fashionable <Вот модный молодой че-

ловек, франт. — франц.»» (РНБ. Ф. 795. № 90. Л. 4). О «молодом, красивом кавалергарде» А. Н. Теплове упоминает в своих воспоминаниях Колонтаева: Колонтаева. С. 59. О Тепловых см.: Чернов. С. 140–147.

¹² Потсдам — небольшой город, расположенный на юго-западной окраине Берлина, резиденция прусской королевской семьи (ныне столица земли Бранденбург), с большим количеством достопримечательностей, здесь в том числе находится Павлиний остров, посетить который, как и сам Потсдам, В. П. настоятельно советовала сыну в п. 10.

¹³ О Шарлоттенбурге см. примеч. 24 к п. 10: Письма В. П. Тургеневой. Ч. 1. С. 584.

¹⁴ И. С. прислал матери семена *Centaurea Americana* (американского василька), представляющего собой двулетнее травянистое растение из семейства астровых с цветками белого, бледно-сиреневого или пурпурного цвета.

¹⁵ Речь идет об одной из разновидностей салата-латука — салате ромен, или римском салате.

¹⁶ Ранее В. П. рекомендовала сыну прочесть сборник «Contes fantastiques et contes littéraires» Ж. Жанена, в частности особенно ей понравившуюся новеллу «La Soirée poétique». См. п. 10, примеч. 21: Письма В. П. Тургеневой. Ч. 1. С. 583–584.

¹⁷ Имеется в виду книга «Contes et fantaisies de E. T. A. Hoffmann, traduits de l'allemand et suivis de sa vie par M. Loève-Weimars», изданная в Брюсселе в 1834 г. Эта книга сохранилась в Б-ке Тургенева. По всей видимости, В. П. рекомендовала ее сыну в том самом письме, конец которого утрачен (см. п. 10, примеч. 19: Письма В. П. Тургеневой. Ч. 1. С. 583).

¹⁸ Упомянутый Жан Бар — это, очевидно, герой еще одной новеллы Ж. Жанена «Le Haut-de-chausses» («Штаны»), который должен был «полюбовиться» Тургеневу, по всей видимости, прежде всего за свой независимый, свободолобивый характер, а также за равнодушие к материальным благам. Как следует из новеллы, Жан Бар — моряк, командир королевской эскадры, оказывается в таверне «Два лебедя» после посещения королевского дворца. Вместо тяжелых, украшенных чистым золотом штанов и куртки, расцарапавших ему до крови тело, он надевает поношенные, залатанные штаны и чувствует себя совершенно счастливым. Пребывание во дворце, куда он попал на прием к королю, навело на него тоску: королевская кошка его оцарапала, выругавшись от боли, он узнал, что во дворце нельзя ругаться, а также сидеть, курить, насвистывать и т. д. Уходя из дворца, Жан Бар взял с короля слово к следующему его посещению приказать привратнику не запрещать ему делать то, чему он «научился на королевской службе». Когда же король спросил, как ему удалось победить неприятельскую эскадру, Жан Бар показал это, начав теснить придворных, и вызвал у короля и маркизов смех.

¹⁹ В п. 10 В. П. послала сыну несколько стихотворений о любви, выписанных из новеллы «La Soirée poétique» (не сохр.). Среди них, возможно, было и стихотворение «Oh! c'est un noir plaisir, à cette heure funeste...», которое не раз еще станет предметом диалога матери и сына зимой и весной 1839 г. О других стихотворениях, которые могли понравиться В. П., см.: Лукина В. А. Жюль Жанен в семейной переписке И. С. и В. П. Тургеневых // Тургеневский ежегодник 2008–2009 года / Сост. и ред. Л. В. Дмитриухина, Л. А. Балькова. Орел, 2010. С. 79–80.

²⁰ Имеется в виду анекдот-водевиль П. А. Каратыгина (1805–1879) в двух картинах «Ложа 1-го яруса, или последний дебют Тальони» (СПб.: тип. А. Плюшара, 1838). Возможно, зная об увлечении обоих братьев М. Тальони, В. П. выписала для сына следующие строки:

Тальони прелесть, удивленье,
Так неподдельно хороша,
Что у нее в простом движенье
Заметна дивная душа...
Об ней не рассказать словами,
Не обсудить ее умом;
Что говорит она ногами,
Того не скажешь языком.

Этот водевиль был отмечен в первом номере «Московского телеграфа» за 1839 г. В. Г. Белинским: «Впрочем, этот водевильчик недурен и в чтении, как забавная шутка» (*Белинский*. Т. 3. С. 41).

²¹ Как установлено Л. А. Павловой, В. П. перефразирует здесь слова из комедии в стихах Я. Б. Княжнина, — но не «Хвастун», а «Чудаки» (1790), герой которой легкомысленный Ветромах, человек знатный, но бедный, пренебрежительно отзывается о русском языке, отдавая предпочтение французскому:

Считаю наш язык за подлинный jargon.
И экспримировать на нем всего не можно
Чтоб мысль свою сыскать, замучишься безбожно
По нужде говорю я этим языком
С лакеем, с кучером, со всем простым народом,
Где думать нужды нет. А с нашим знатным родом,
Не зная французского, я был бы дураком.
Скажите, как бы мне влюбиться было можно?

<...>

Je vous jure <Клянусь. — франц.>, мадам! что русский мне язык
Как будто кляп во рту, притом же очень вреден.
Вы не поверите, я сколько с русским беден!

(Действие 2, явление 2; см.: *Княжнин Я. Б.* Избр. произведения / Вступит. ст., подготовка текстов и примеч. Л. И. Кулаковой. Л., 1961. С. 458 (Б-ка поэта)). См.: *Павлова Л. А.* Русские и зарубежные авторы в письмах В. П. Тургеневой // *Спасский вестник*. 2008. Вып. 15. С. 189. В Б-ке *Тургенева* сохранилось «Собрание сочинений Якова Княжнина» в пяти томах (М., 1802–1803), с многочисленными пометами, свидетельствующими «о работе над постановкой драматических пьес Княжнина на домашней сцене» (см.: *Каталог Б-ки Т. С.* 109–111).

²² Изучать английский язык Тургенев начал в детстве, хотя и позже, чем французский и немецкий. В 1830-е гг. он много читал по-английски, пробовал переводить.

16

16 (28) — 17 (29) января 1839 г. Спасское-Лутовиново

1839-го года $\frac{17}{29}$ ген[варя]
С. [Спасское.]

Mon cher Jean.^a

Ежели ты будешь судить мои письма по цвету бумажек, [<то?>] будешь ожидать читать письмо самое небесное¹ и очень грубо

^a Мой дорогой Иван (франц.).

[оши]бешься, потому что найдешь письмо самое земное... и все о том же... и все-таки *пекунияльное*, или денежное. Я вижу, что ты морщишь брови и хочешь мне напомнить [мое] обещанье прекратить эту материю. Но! вини ты в том не [меня], а судьбу в артиллерийском мундире в виде Ганичева.² — Т[ебе] это не ясно, так слушай же пояснения.

Планы мои и намеренья, которые так часто слышал и [уж] мог наизусть выучить, приведены были к исполнению сего [18<39-го года?>], т. е. именье разделено на четыре равные части.³ 1-я и 2-я на уплату казенных долгов — и на необходимые [<издержки?>], опять обращающиеся на домашний расход... по ко[нторе], жалованья управляющим и пр<о>ч... и пр<о>ч.

3-я — на содержание меня и дому — и

4-я — вам, мои вселюбезнейшие дети.

Весь наш доход состоит сего 1839-го года из 4-х [раз] 26 000, чего мне показалось довольно достаточно, я было [...] и расположила.

26 тысяч в уплату... 26 тысяч — жалованья и содерж[ание] огромного количества дворовых скотов.

26 тысяч — мне, смиренной рабе божией, вдове-полковнице и 26 тысяч — г-ну прапорщику конно-артиллерии 14 тыс<яч> асс., а 10 <тысяч> ассигн. блудному сыну — и кандидату,⁴ залетной и отлетной птице.

Смирно наняла домик во Мценске^b у такой же бедной вдовицы, как и сама, и, отвезя туда дров, муки и крупы, — хотела порхать из Спасского во Мценск, а там и опять в старинный приют. Хорошо сказка сказывается, да не так, друг, дело делается. Во Мценск я еще не ездила, привился к Бибише ужаснейший коклюш... Сижу и дрожу... да молю бога, чтобы бог ее помиловал. Бух, из Петербурга от прапорщика грамота. — Я-де *ремонтёр*.⁵ — Вот тебе, бабушка, Юрьев день... А!.. я уже была ремонтёрша... Я уже знаю, что такое ремонт ставить и доставить в полк.⁶ — И по тому расчету Николай Серг<еевич> не 12 тысяч употребит на расход сего 1839-го года. — Итак, милостивый государь, нам более неоткуда более взять, как всякий из своего положенного убавит. — Николай не мог отказаться от покупки ремонту, велено... и едет. — Ты можешь судить, что с моей части, что могу убавить, отдам... Теперь ты.

Мы послали тебе денег на треть, 3000 ассигн. Но! теперь мы сделать этого не можем и всякий из нас должен только то тратить, без чего он никак уже обойтись не может. — И потому я в последний раз тебе говорю серьезно, чтобы ты не говорил, что ты тратишь или истражишь, много ли мало ли мы тебе пришлем. Такой ответ доказывает мне справедливость слов дяди и брата, которые противились твоему отпуску за границу, говоря, что ты еще молод, сам собою не жывал и не справишься с хозяйственными делами, деньги будешь сорить, как попало и куда попало, не давая никому ни в чем отчету... Я виновата, не послушалась

^b во Мценске — *вписано над строкой*.

их. — Сказала, что, пока он научится, денег у него достанет. — А там поневоле будет беречь денежку, боясь — ну!.. как не пришлют, да не достанет.

Твоими письмами никто из нас, твоей семьи, не доволен, потому что ты не пишешь о том, что нас всех более всего интересует. — О!.. расходах своих. — Положим, что в дороге, путешествуя, вырвась из домашнего быту, ты этим заниматься не умел, потому что дома расходы ты свои сочинял, а прочим заведовал Михайла.⁷ До приезда твоего в Берлин я понимаю, что ты мог и не очень заниматься расходами по непривычке. — Но! с 10-го сентября ты живешь уже на месте, у тебя же есть еще помощник, вроде Михайлы.⁸ — Я его не для медицинских занятий отправила — а просто тебе в услуги — то мог он быть твоим казначеем. — И тебя бы это облегчило, а потом ты бы сам уже с помощью его увидел, что у вас в месяц à peu près^c выходит. Хотя ты ко мне и писал с первых пор, что тебе [<нужно?>] на квартиру... и на стол тебе и человеку. — Но!.. все [...] не ясно и не аккуратно. — Пришел октябрь... ни [...], точно властелин безотчетный... Ноябрь... Декабрь. В три месяца ты мог узнать, что тебе необходимо [ну]жно, без чего не можешь ты быть, как без воздуха, т. е. квартера, пища, освещенье, отопленье, тебе и [чело]веку. — После сего уже надобные расходы: одежда... и лекции и пр<o>ч... и пр<o>ч... Чего хотя нельзя уравновесить, [но] можно по примеру прошлого месяца счесть и текущий. Теперь ты видишь, mon cher Jean^d — что ты не прав и что ты мне можешь сказать теперь ясно и корот[ко], что тебе надо необходимо на твой прожиток с челов[еком]. Судя по 4-м прошедшим месяцам, а, получа это письмо, [по] прошедшему почти полугоду, — ты мне напишешь о[<тчет?>], так как я уже знаю, что место твоего пребывания [бу]дет до августа месяца все в Берлине. — Следственно [...] месяц на месте — где ты уже и жил, ознаком[ился], то уже не смотри на то письмо, что я прежде к [тебе] писала о присылке тебе мною денег.⁹ Обстоятельства [пе]ременились... и теперь уже не то надо знать, что я м[огу] прислать... Но!.. ты должен сказать, чего менее ты в Берлине до августа не проживешь вдвоем с человек[ом], чтобы я могла столько тебе денег приготовить выслать[ть].

Я тебя предупреждаю загодя, что я уже тебе более денег не пришлю, потому что я не беспокоюсь, теперь у тебя деньги есть. Я тебя загодя предупредила, и потому рассчитывай сам, да не опаздывай, потому что я кладу около 80 дней для получения обратно ответа на письмо. Сие

письмо пойдет завтра $\frac{17\text{-го}}{29\text{-го}}$ января, $\frac{17\text{ февр}<аля>}{29\text{-го мар}<та>}$ придет в Берлин. —

Ты будешь отвечать $\frac{24\text{-го}}{8}$ февраля. — А я получу около 1-го апреля. — Суди сам, как это долго. А как я решительно тебе денег не пришла, не получа на это письмо аккуратно и желаемого мною отве-

^c приблизительно (франц.).

^d мой дорогой Иван (франц.).

та, — то я, стало, тебе денег не могу выслать прежде конца апреля, а ты получишь в конце мая, — то так и рассчитывай. — Или выбирай любое. — Не угодно ли *цурик*,¹⁰ когда за столько мы не умеем по сей части с тобою уладить *à l'aimable*.^с [Хо]тя ты и далеко захал, но!.. все еще нить твоей жизни пока [в] моих руках — т. е. деньги. — Без них, как без воздуху, жить [ни]где невозможно. — А как я уже теперь ясно вижу, что могу [ва]м дать сего напитоку... то и не прогневайтесь... на нет... и [су]да нет — русская пословица. — Я могу на счет твой сказать даже и по-латыни. — *Barbarus hic ego, quia non intellegor illis*^{г, 11} — или спеть Вадковской¹² песенку — Не хочешь ты меня понять.¹³ — А мне нужно в твоих письмах одно... Счет... счет... счет... без чего и без того мои расстроенные дела придут в совершенный упадок — и разоренье. — Тогда, по-моему, в Петербурге дорого жить... и в Москве дорого... и в Орле дорого... и во Мценске дорого уже... И так одно осталось Спасское, приют бесприютной... Холодно, скучно... а делать нечего, живу... зиму — потому что один из вас в гвардии, другой в чужих краев <sic!>.

Ты пишешь к дяде: приготовьте маман, что она не увидит меня [до] будущего 1840-го года весны.¹⁴ — Погоди, батюшка, мною располагать. — [Я] *самовластна*, вы от меня пока зависите. — А я ни от кого. — Ты, конечно, мог бы меня удержать в России, но! не так ты взялся. [Когда] ты ехал, у меня спрашивали, поеду ли я в Берлин. — Не знаю — отвечала я. — Это будет зависеть от Ваниных писем — т. е. довольна ли я буду тобою... судя по письмам — или недовольна. [Я] не многого требовала от тебя, снабдя тебя сверх моей возможности. Во-первых, что когда ты потребуешь денег, то в тех, что ты истратил, дай мне понятие — куда. — *Итак*. — Стало, я недовольна твоим ответом: дайте, сколько можете, только отчету не требуйте. Этому время придет еще. — Когда ты ляжешь вдоль лавочки,¹⁵ т. е. будешь иметь свою собственность — и поступишь в службу царскую, т. е. станешь в ряд людей. — А теперь пока ты все еще мальчик, ученик, залетная голова, вся твоя казна у камердинера. — Обьедаешься... упиваешься... не смотришь *au fond de la bouteille*, а как в нее подливаю я — из моего собственного, — то надо, чтобы я сказала: стойте. — *Можно и меньше*. — Не над твоим поведением еду я наблюдать. — Но!.. быть твоею экономкой. — Вы будете пресыщаться, а я во всем себе отказывать, живя в Спасском. — Нет, господа, се *n'est pas là mon compte*.^h — Вы понуждайтесь... вы молоды... а я взяла уже складку. — Мне трудно расправиться наизнанку. Насчет писем скажу тебе — и это не много, раз в неделю — *pour nous tenir au courant l'un de l'autre*ⁱ — в такой дали. А как пройдет две... три недели... то мы совсем раззнакоимся. Вот. — *И этим недо-*

^с поллюбовно (франц.).

^г Здесь я варвар, так как они меня не понимают (лат.).

^h на дно бутылки (франц.).

^h не на то я рассчитывала (франц.).

ⁱ чтобы нам друг друга держать в курсе дел (франц.).

вольна. — Итак... до свиданья. В Берлине я буду. Пока благословляю тебя заочно. — Мать и друг

В. Т.

<На полях первой страницы:>

Я не в тебя, я стараюсь писать все, что тебя может интересовать о нас.

1-е тебе интересное — твой Наполь¹⁶ жив, здоров, умен, любит очень дядю, а я у него второе лицо. На отца очень похож.¹⁷

Лошади англичанином поведены на продажу в Москву.¹⁸ 4 продано, прорешевали даже против назначения. Вороной, купленный, на дороге помер. Самый дорогой. Прочие все что-то нынешний год хворы. — На коров падеж. — У нас их нет в заводе.

<На полях оборотной стороны первой страницы:>

Фабрика все еще в надежде будущих благ.¹⁹ — Дядя прибавил ее — и потому и рук надо было прибавить. — Стало быть, учить. — Пока еще плохо ладится.

[Иван] Матвеев отослан. — Матусевич оказался и глуп и пьян.²⁰ — Дядя едет [...] [ло]вить на удочку — управителя и гувернантку. — Елизавета²¹ все более халда [...] [кого-нибудь [...]] по франц]узскому и для Мавры. — Анета²² сносно [...].

<На полях второй страницы:>

Дядя здоров. — Я тоже. — У Биби коклюш.

Лагрия²³ на свадьбе, Володимирова наконец вышла замуж за генерала Белевцева.²⁴ Она все там, я ее не видала с моих именин.²⁵ — Колонтаева все тоже в фаворе.²⁶ Софья Дунаевская²⁷ — говорит все также навыворот — и катается из Орла и в Орел. Петровские старухи²⁸ и Васильевна²⁹ живы. — И весь дворовый и придворный штат.

Печатается по подлиннику: РНБ. Ф. 795. № 92. Л. 2–3 об.

Датируется по содержанию: В. П. упоминает, что отправит письмо на следующий день — 17 (29) января, во вторник, следовательно, письмо было начато накануне, 16 (28) января.

¹ Письмо написано на бумаге голубоватого цвета (в настоящее время сильно выцветшей).

² Имеется в виду командир Гвардейской конной артиллерии — *Петр Яковлевич Гатичев*, командировавший Н. С. Тургенева за ремонтom. О нем см. примеч. 38 к п. 10 *Письма В. П. Тургеневой*. Ч. 1. С. 585.

³ О планах разделить имение В. П. неоднократно писала сыновьям, однако речь шла лишь о распределении доходов, а не о фактическом разделе. См. также примеч. 13 к п. 4 Там же. С. 551–552.

⁴ Степень кандидата первого отделения философского факультета была присвоена Тургеневу 24 июня (6 июля) 1837 г. См.: *Летопись (1818–1858)*. С. 32.

⁵ О командировании Н. С. Тургенева, находившегося все еще в звании прапорщика, для закупки лошадей см. примеч. 4 к п. 14.

⁶ В. П. имеет в виду своего мужа, С. Н. Тургенева, который в 1817 г. был командирован от полка для закупки лошадей на 19 000 рублей (см.: *Чернов Н.* Спасско-Лутовиновская хроника (1813–1883). 1999. С. 12). По предположению Чернова, дорогостоящий полковой ремонт способствовал получению следующего звания штабс-ротмистра, присвоенного С. Н. 9 апреля 1817 г. (см.: *Чернов. С.* 45).

⁷ Имеется в виду *Михаил Филиппович Лобанов* (р. ок. 1802), служивший до этого в течение ряда лет камердинером С. Н. Тургенева. По всей видимости, в это время находился при Н. С. Тургеневе в Петербурге. Так, 17 января 1839 г. Н. С. сообщал брату: «Михайло Филлипов-плешивый тебе кланяется и благодарит тебя за память и за поклоны, которые ты ему посылаешь в твоих письмах ко мне» (*РНБ. Ф.* 795. № 90. Л. 7 об.). О М. Ф. Лобанове см.: *Чернов. С.* 91.

⁸ Речь идет о П. Т. Кудряшове.

⁹ О первоначальном намерении выделить сыну 10 тысяч ассигнациями В. П. сообщала в п. 14.

¹⁰ *Цурик* — очевидно, от нем. искаж. *zurück* — обратно, т. е. В. П. грозит вернуть сына домой.

¹¹ В. П. цитирует «Скорбные элегии» Овидия (Кн. V: X, 37).

¹² Возможно, имеется в виду жена (с 1820 г.) Н. И. Кривцова — *Екатерина Федоровна* (урожд. Вадковская; ?–1861), сестра декабристов Ф. Ф. и А. Ф. Вадковских. С. И. Кривцов, видевшийся с ней в 1836 г., писал брату Павлу, что «она сделалась рассудительнее, не утратив оригинальности и живости, которые составляют прелесть ее характера» (цит. по: *Гершензон М.* Декабрист Кривцов и его братья. С. 271). По воспоминаниям Б. Н. Чичерина, «Екатерина Федоровна была женщина, которая с высшим изяществом форм соединяла тонкий, живой, наблюдательный и несколько насмешливый ум, а вместе с тем и глубокие чувства. В молодости она была очаровательно собеседницей и всегда была искренним другом» (*Чичерин Б. Н.* Из моих воспоминаний. По поводу дневника Н. И. Кривцова // *РА.* 1890. № 4. С. 507). Любопытно, что Е. Ф. Вадковской посвящена «Песня» («Минувших дней очарованье...») (1818) В. А. Жуковского. По признанию самого поэта, она «написана для Вадковской, которая и лицом, и голосом (когда поет) похожа на Анну Ивановну <Плещееву, тетьку Е. Ф. Вадковской. — *В. Л.*>» (см.: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч.: В 20 т. 2000. Т. 2. С. 516, коммент. О. Б. Лебедевой). Не исключено, что речь идет о ее старшей сестре *Софье Федоровне Вадковской* (в перв. браке Безобразова (до 1819), во втор. Тимирязева; 1799–1875). Обе сестры отличались красотой и незаурядным умом, имели знакомства в литературном мире, в частности, с В. А. Жуковским, А. С. Пушкиным и др.

¹³ Речь идет об одноименном популярном романсе на слова поэта, драматурга и переводчика Михаила Александровича Офросимова (1797–1868) (муз. Н. С. Титова, СПб., 1829):

Не хочешь ты меня понять,
Но где ж сыскать мне выраженье,
Коль каждый взор мой и движенье
Тебе о страсти говорят,
Когда без трепета не смею
Коснуться мыслию тебя!
Склонишь ли взор — я вне себя,
Услышу ль речь — благоговею.

Я в жизни много потерял,
Гонимый с юности судьбою,
И счастье обладать тобою
Не мне назначено в удел.

Богатства чуждый, я не знатен,
Далек вниманья твоего.
И вот, быть может, отчего
Язык любви моей невнятен.

Другой романс на слова этого поэта и музыку Н. А. Титова, двоюродного брата Н. С. Титова, — «Уединенная сосна» (СПб., 1820) — Тургенев приводит в рассказе «Татьяна Борова и ее племянник» (см.: *ПССиП(2)*. Соч. Т. 3. С. 194).

¹⁴ Это письмо И. С. явилось, по всей видимости, ответом на взволнованный запрос Н. Н. Тургенева от 14 ноября 1838 г.: «...одно еще меня ужасно беспокоит, что она <В. П.> собирается будущим летом к тебе в Берлин. Не знаю, какая будет польза, а быть может, большие неприятности, кроме денежных издержек, ущерб здоровья, в сем ее намерении я еще нисколько не противор[ечу]. Время еще достаточно обдумать <...> на сие письмо я бы желал твоего ответа, но! только не вздумай писать к мамаше, ты можешь ее очень огорчить, написавши, чтоб она к тебе не ездила. Я уже тебе сказал, что время достаточно успеть обдумать к лучшему, а тебя прошу особо ко мне написать, как ты собой располагаешь. Лекции продолжают несколько зимних месяцев, остальное время года чем же ты будешь занят, если намерен быть в Италии и еще где в других странах света, то в таком случае, где ж тебя отыщет мамаша, если же с нею тебе путешествовать, то недостанет денег на издержки. Все сие меня очень беспокоит и хотя предположительно, но! желал бы знать твое мнение. Но! прошу тебя быть осторожну в письмах к мамаше. Прежде времени не выводи ее из приятной мечты жить с тобой за границей. Она столь много вас обеих <г. е. Ивана и Николая. — В. Л.> любит, что никак не может себя преодолеть быть разо с вами, что весьма затруднительно исполнить, вот почему я и желаю знать твое суждение, притом ты уже на половине пути своего предприятия можешь почти безошибочно назначить, чему быть должно. Итак, не мешкав, пиши ко мне особо, чем премоно меня утешить» (*РНБ*. Ф. 795. № 89. Л. 2 об.—3).

¹⁵ Ср.: «Не учили, покуда попереk лавочки ложился, а во всю вытянулся — не научишь» (*Даль*). В Орловской губернии были распространены и другие варианты этой поговорки, напр.: «Учи, пока попереk лавки укладывается, а как вдоль станет ложиться — не выучишь» (указано Е. Н. Ашихминой). Ср. у Тургенева в «Часах»: «Тебя, любезный мой, — обратился он ко мне, — я выпорю непременно, но сомневайся, хоть ты попереk лавки уже не ложишься» (*ПССиП(2)*. Соч. Т. 10. С. 93).

¹⁶ О легавой собаке И. С. по кличке *Наполь* (Наполь 2-й) см. примеч. 35 к п. 1: *Письма В. П. Тургенева*. Ч. 1. С. 527. Н. Н. Тургенев ранее также сообщал племяннику: «Наполь твой жив и здоров, егеря я на время отпустил, а до возвращения его я сам за ним имею присмотр, преумный пес и так ко мне привязан, что с глаз меня не спускает» (*РНБ*. Ф. 795. № 89. Л. 3 об.).

¹⁷ В. П. говорит о том, что Наполь 2-й был похож на своего отца — Наполя 1-го.

¹⁸ Речь идет об управляющем конным заводом в Спасском.

¹⁹ Имеется в виду бумажная фабрика, находившаяся под управлением Н. Н. Тургенева. О ней см. примеч. 27 к п. 1: *Письма В. П. Тургенева*. Ч. 1. С. 524–525.

²⁰ В. П. выражает недовольство нанятыми управителями — Матусевичем и Иваном Матвеевым.

²¹ Гувернантка воспитанниц В. П. — Е. А. Сорокина. О ней см. примеч. 38 к п. 1: Там же. С. 527–528.

²² А. Я. Шварц. О ней см. примеч. 27 к п. 2: Там же. С. 538.

²³ Имеется в виду подруга В. П. *Авдотья Ивановна Лагровая*. См. о ней примеч. 24 к п. 1: Там же. С. 523–524.

²⁴ *Володимирова* (Владимирова) *Екатерина Семеновна* (в замуж. Белевцева; ок. 1816–1898) — дочь С. А. Володимирова, знакомого и соседа Тургеневых по Болховскому уезду; сестра Н. С. Володимирова. О Володимировых см.: *Жидкова С. Л.* Реальный комментарий к трем письмам И. С. Тургенева // Тургениана. Сб. ст. и материалов. Орел, 1999. Вып. 2–3. С. 104–109. Муж Е. С. Володимировой — *Белевцев* (Белевцов) *Дмитрий Николаевич* (1800–1883) — генерал от инфантерии, участник русско-турецкой войны

1828–1829 гг. и Крымской войны 1853–1856 гг. (командовал одной из дружин курского ополчения, где особенно отличился в битве при р. Черной). В 1843–1849 гг. — курский уездный предводитель дворянства. В дальнейшем Тургенев бывал в их имении Однолуки Болховского уезда. Интересный факт, связанный с творческой историей «Хоря и Калыныча», приводит в своих воспоминаниях В. Н. Колонтаева: именно «на бале у генерала Белёвцева», по словам мемуаристки, она «указала Ивану Сергеевичу ту самую девицу», которой Н. А. Голофеев после неудачного сватовства прислал огромный поднос с кислыми персиками» (*Колонтаева*. С. 65). Этот эпизод, как известно, нашел отражение в характеристике Полутыкина, «страстного охотника и, следовательно, отличного человека»: «Водились за ним, правда, некоторые слабости: он, например, сватался за всех богатых невест в губернии и, получив отказ от руки и от дому, с сокрушенным сердцем доверял свое горе всем друзьям и знакомым, а родителям невест продолжал посылать в подарок кислые персики и другие сырые произведения своего сада <...>» (*ЛССиП(2)*. Соч. Т. 3. С. 8).

²⁵ Именины Варвары отмечались 4 декабря ст. ст.

²⁶ *Колонтаева Варвара Николаевна* (1820– после 1887) — соседка В. П. и А. И. Лагриной (принадлежавшее ее отцу Н. Л. Колонтаеву сельцо Колонтаево находилось в 4 верстах от принадлежавшего Лагриной сельца Лутовиново, Дичково тож, Болховского уезда; указано Р. М. Алексиной. Неподалеку от Дичкова Лагриных находилось также село Струково (Богородицкое тож) Володимировых), впоследствии компаньонка В. П. (см. примеч. 26 к п. 2: *Письма В. П. Тургеневой*. Ч. 1. С. 537–538).

²⁷ Речь идет о *Софье Александровне Дунаевской*, дальней родственнице Тургеневых. О ней см. примеч. 4 к п. 1: Там же. С. 516.

²⁸ В. П. подразумевает «старух», проживавших в богадельне в с. Петровском, находившемся в версте от Спасского. «Во то время, — вспоминала В. Н. Житова, — маленький петровский домик уже давно был обращен в богадельню, где оканчивали свой век пять или шесть старушек разного звания» (*Житова*. С. 35). В этот дом, по свидетельству Житовой, В. П. отправилась после пожара в Спасском. О Петровском см.: *Волчихина В. П.* К истории Спасской богадельни // Тургеневский ежегодник 2008–2009 года. Орел, 2010. С. 157–158.

²⁹ О няне В. П. *Наталье Васильевне* см. примеч. 4 к п. 13.

17

31 января (12 февраля) 1839 г. Спасское-Лутовиново

1839-го года.
31-го генваря.
С. Спасское.

Mon cher Jean.^a

27-го числа получила я твое письмо, писанное от $\frac{3\text{-го}}{15}$ генваря. —

Ты пишешь, что полагаешь, что я *наверное* знаю о твоей болезни. О болезни-то я знаю, но! не знаю *наверное*, какая же болезнь? — Потому что дядя от тебя по сию пору никакого письма не получал. — А недели две тому получил от Порфирия уведомленья, что ты недели две уже страдаешь болью при испущенья «urine». ^{b, 1} А как писал об этом Пор-

^a Мой дорогой Иван (*франц.*).

^b мочи (*франц.*).

фирий, то мы... т. е. дядя, большой беды в этом не видали.² — А подумали, что ты захватил *молодецкой* болезни и сам посовестился о сем написать, поручил Порфирию... Но!.. сердце матери и такой, как я, не могло быть покойно... Ох!.. эта болезнь... Да не отцова [ли?]³ — Вот что я твердила. Меня бранили, надо мною смеялись. Но!.. теперь, после твоего письма, и сами призадумываются. Что же у тебя за болезнь такая?.. Мы разочли, что ты болен с 1-го декабря, по письму Порфирия. — А ты писал 3-го. Поневоле задумаешься.

А потом и другая болезнь очень нас обеспокоила, *кошельковая*. Да по сколько же ты проживаешь на месяц?.. Ведь по нашему счету ты с 8-го октября^c получил 3000. А третьего генваря ты без копейки, с одним кредитом. — Non... mais vous plaisan[tez] peut-être.^d — В числе трех месяцев один ты не выходишь из [дому] сам друг с Порфирием. — Это для меня такая загадка, что я и разгадать не умею. — Я не удивлюсь, ежели тебя в тюрьму посадят... Можно видеть, что делается в луне посредством микроскопа, можно через телеграф скорые вести получать из одного края в другой, но!.. за столько верст нет возможности vous fournir du vivre!^e На маневры осенние заготавливают теперь уже фураж. И потому надо, чтобы и ты расчел дни с того числа, как напишешь требованье... Положил бы срок на сборы, которые не «тяп да ляп», да на отправленья. И потому-то и надо было, чтобы ты покорился (пока) абсолютному образу правленья — и *правителя* уведомлял ежемесячно: получил-де я от вас денег столько-то!.. коими расплотился, и имею на 1-е число столько-то. По этому я уже à peu près^f могу и расчесть. — А то почему же мне знать, я не свят дух! — Я и этого не пойму, что тут тяжелого, — деньги вынуть, пересчитать и написать: столько-то налицо. Ведь это упрямство, друг сердечный, которого я не умею понять и ни к чему не припишу. Есть много денег — проживу много... Дашь мало — мало проживу. — А отчету не спрашивай.

Ну! как я, боясь, чтобы ты не прожил более чем нужно, да пошлю мало. — А тебе случится нужда кровная... теперешняя. — Доктора да аптеки, а ты сиди да денег жди, которые и не думали высылать. — Ведь ты за честь материхватишь. — Ежели не посадят тебя в тюрьму — то ведь ты должен будешь просить у посланника.⁴ — А ведь это худой знак. — Знают, что я денег не жалею, даю достаточно. Припишут или моей женской беспечности, чего бы я не хотела, или твоему мотовству, что тоже не честь. — Эх!.. Иван!.. Иван!.. Дурно. — Опомнись. — С самого твоего отъезда я тобою недовольна. — А это нехорошо. — Я не люблю быть вами недовольной. — Насчет же Порфирия. — Я ему готовлю награжденье... Да и не ему, а семье его. — Оне еще в моих руках.⁵ — Правда, вы достойны похвалы, нечего сказать. — А еще жалу-

^c Было: декабря

^d Нет... но вы, возможно, шутите (*франц.*).

^e снабдить вас необходимым (*франц.*).

^f приблизительно (*франц.*).

ешься на *распекательные* письма. — Лучше попеть, да сберечь. А то, право, будет всем нам плохо.

Брату навязали ремонт. — 30 лошадей. — Что это будет стоить, из казны дают только по 275 рубл<ей>. — А лошадей надо купить по 1000, да брак — да провод. — Разоришься.⁶ — Ты!.. тратишь, не по приходу расходуешь. — Плохо, дети, ей богу, плохо.

Но! между прочим пришла беда — растворй ворота. — Уже денег не нажить нам — брату ремонт купим. — А тебе, блудная овца, — послали денег. 31-го декабря выслали 3000 — через Петербург — но!.. там вышла какая-то пуганица. Письмо переводное... Разные глупости или скупости дяди. — А теперь охает. Вчера послали еще две. — Кажется, тебе будет достаточно. Докторам не жалей. Возьмешь дешевых — оне тебя испортят. Да как отец, и пропачкают сряду несколько лет! — Ты пригласи самых хороших на совет! — И что оне присудят, так и действуй, а нас уведоь загодя — чтобы мы могли взять свои меры загодя же.

Что до меня касается — то я не могу быть покойна, как ты меня о сем просишь. Мне не дают покою упреками, зачем-де отпустила ребенка... Он не умеет справиться, он ничем никогда не управлял и пр<o>ч... и пр<o>ч... Вот попался... вот и пропал. — Клянусь себя. — Зачем в самом деле отравила, нашел бы службу, служил бы препокойно в Петербурге и там бы выдержал экзамент на магистры.⁷ — Нет-де, Ваничка годится в *министры*. Залетела ворона в барские хоромы. — И убили ворону барские холопы. — Где нам высоко и далеко летать. — Ползти бы вместе за улитками.

Ты мне обещал писать еженедельно. — Но! скоро соскучился. Когда ты был здоров, мне было несносно получать письма через три и две недели, а теперь это будет нестерпимо. — Итак, любо ли... не любо вам — но! первый путек сухой я выезжаю из Спасского. — И, побыв недельку-другую в Мос[кве], отправляюсь сухопутным путем 7-го мая за границу. Где бы вы ни были, я вас отыщу — и обратно с вами возвращусь. Живую или мертвую вы привезете меня в Россию, живого или мертвого доставлю вас в семейство и отдам на руки брату. Et... adieu Monseigneur.⁸ — Более я не хочу мучиться светскими пустяками. — Пора, пора мне на смирение.

Я кладу на крест руку — и да будет мне по глаголу.

Аминь.

Теперь, вот тебе ответы на все, что ты знать хочешь.

Брат! не поручик еще, да и вряд ли по экзаменту когда и будет.⁸ — С чего отец посадил его не в свои сани, он тоже ворона, куды ему гоняться за ястребами. — Едет и прибудет на днях ремонт покупать на

⁸ И... прощайте, сударь (*франц.*).

матушкины денежки. — Своих положенных так же, как и тебе, не достанет. Года плохи, доходы малы, а расходует полными горстями.

Дядя постарел 20-ю годами и совсем оглупел. Не только свекловицу затевать да патоку, он свою фабрику пустил на картофельную тряпку⁹ — т. е. подмешивает выжимки. На тряпку денег не хватает, выжимки у Чапкина¹⁰ выброшенные подбирает — и дергает род некоей рожи.

Я. — Жила славно. — Бывало, день настанет, встану да поем. — День пройдет, и спать пойду. — А как эдак везде жить нетрудно, я было так угнездилась в Спасском. Тепло да сытно. — Вот в чем находила единственно свое блаженство. — Ни в Москву, ни в Орел. — А наняла лачужку во Мценске и желала туда изредка выезжать проветриться. — Теперь. — Все сие оставляю. — Мавру отдаю в пансион,¹¹ Лизету отправляю в Питер.¹² — А я, Биби — Анна,¹³ Дуняшка,¹⁴ Гаврила и Савелий в купленном третьегондем корабле еду... еду... Путь далек. — Пока найду Ивана Цар... Дуралевица. — Трое чебот истопчу, три просвиры изгрызу... явлюсь перед тобой, как лист перед травой.¹⁵ Брат с помощью дяди и добрых людей останется до зимы — т. е. до декабря, ремонт покупать и полухозяйничать, полувалаться по свежему сену. — Вот и все тут.

О Протасовых¹⁶ я ничего не знаю. С Авдотьей Ив<ановой>¹⁷ почти не вижу никогда. — Дунаевская¹⁸ надоедает довольно часто. — Книжки твои в библиотеке давно, шкапы вновь наделаны, любо смотреть. Собака твоя, Наполь, чуть ли не умней самого хозяина. — От дяди не отходит.

Что ты, наконец, читал Jules Janin...^h или все еще моими выписками довольствуешься.¹⁹ — А я читаю, как ползают раки. — Книг много, да глаз нет! — Твержу наизусть «Les Salons» — par la duchesse d'Arbantesse.ⁱ ²⁰ — Так, кажется.

Все хорошо начиналось, да дурно ты кончил. — Все остановилось... цветы... певчие птицы... свекловица. — Прямая ты пареная репа. — Никуда <не> годная — вылить в траву — что прибыли. — Прости. — Еще месяц, еще месяц, еще два, а там — здравствуй, здорово живи. — Вот и свиданье бог даст. — Пока заочно прими мое благословение и негодующий поцелуй, негодное чадо. — Нежная мать

В. Тургенева.

<Рукою Н. Н. Тургенева:>

Милый друг, Ваня. Про письмо твое, писанное ко мне от 3-го ген<варя>, мамаша еще ничего не знает. Она в таком раздражительном положении, что я опасаясь ей объявить, к тому же жду от тебя подтверждения о твоей болезни, которая меня вовсе сокрушила. Едва таскаюсь в ожидании получить от тебя пагубного известия. Кто мог ожидать по-

^h Жюль Жанена (франц.).

ⁱ «Салонь» — герцогини д'Арбантес(франц.).

добного с тобой несчастья. — Жду на днях приезда брата из Петербурга. — Без него я от мамы буду скрывать о твоей болезни, ибо сам на себя не надеюсь перенести ужасное известие.²¹ — И какой могу я тебе дать совет. Ты пишешь, чтоб я был покоен, что ты ни в каком случае не пропадешь. Я считаю, что сие самонадеяние тогда только быть может хорошо, когда ты пользовался совершенным здоровьем, а больной, страждущий не в силах ручаться за всегдешнее присутствие здравого рассудка. Одна надежда на всемогущего создателя. От него ты должен просить всещедрую руку помощи, — а от меня польза быть может одна — высылать к тебе деньги, о коих мама с негодованьем к тебе пишет, что ты не исполняешь ее волю, не уведомляешь, куда именно проживаешь, что очень справедливо. Тебе необходимо и самому нужно знать, сколько тебе нужно на твой прожиток. Ответом твоим довольствоваться невозможно, пишешь: пришлете много или мало, все проживу. Сии твои слова непростительны благоразумному человеку. К тому же мама от тебя требовала не так, как от ребенка, который боится показать свой расход. — Ты сам днесь быть можешь хозяин своей собственности и будешь требовать отчет от своих подданных. — А к тому же в теперешнем твоём положении ты сам причину, что без денег. Если б ты заблаговременно написал, что у тебя остается в наличности мало, тогда бы мы поспешили к тебе выслать. Опять ты не в России, где чрез несколько дней [*почта прин*]осит известие, прежде двух месяцев ты от нас не получишь ответа.

Каково же тебе так долго быть без денег. Мамашино назначение к тебе высылать каждую треть по 3000 р. — а в последнюю треть прошлого года было к тебе выслано тысячу рублей лишнего против назначения, — и не имев от тебя никакого известия, полагали, что у тебя на генварь денег будет достаточно. Вот почему и опоздали выслать, а вдобавок деньги были адресованы в Петербург чрез купца, который умер и денег брата в свое время не получил. С прошедшей почтой выслал из Москвы 2000 р., да брат из Петербурга должен к тебе выслать 3000 р.²² Всех денег ты получить должен 5000 р., коими ты заблаговременно разочтешь, чтоб вперед не терпеть нужды.

Печатается по подлиннику: *РНБ*. Ф. 795. № 92. Л. 4–5 об.

Отрывки впервые опубликованы: *PM(1)*. С. 106–107.

¹ По всей видимости, это был первый серьезный приступ хронической болезни, о которой Тургенев впоследствии будет говорить как о «*catarthe de vessie*», — термин, который именовались в то время боли и нарушения работы (любого происхождения) в области мочевого пузыря и мочепускающего канала. Как отмечает П. Уоддингтон, болезнь, регулярно доставлявшая И. С. немало мучений на протяжении всей дальнейшей жизни, началась в результате связи с женщиной в Берлине в ноябре 1838 г. и была правильно диагностирована только много лет спустя. Судя по симптомам и дальнейшему развитию, это, вероятней всего, был хламидиоз или неспецифический уретрит (см.: *Waddington P. Turgenyev's Mortal Illness from its origins to autopsy*. Pinchaven (New

Zealand), 1999. P. 4–5). Запись о болезни внесена в «Мемориал» за 1838 г.: «В конце года болезнь в пузыре (cataghe)» (*ИССИП(2). Соч. Т. 11. С. 198*).

² Как следует из письма Н. Н. Тургенева от 21 января 1839 г., незадолго до этого он получил от П. Т. Кудряшова краткое извещение о «трехнедельной болезни» И. С., которое его сильно беспокоило. «... Судя по его <Порфирия. — В. Л.> глупому и невнятному письму, — писал Н. Н., — [ты] не так болен, чтоб сам не в силах был бы ко [мне] откровенно написать. — Письмо его в сих словах — *Барин мой третью неделю страдает воспалением мочевых путей и при испускании мочи чувствует сильные боли, к нам на дом ходит доктор Ашерсон, — и с помощью [Бо]жью должно ожидать скорого выздоровления. Вот все [его] письмо*». И далее: «Вникни, мой милый друг, сим, если б ты [от] нас получил подобное уведомление, был бы ты оным [до]волен. Отчего же ты сам не мог совершенно откровенно [ко] мне написать, чем именно ты болен. — Судя по письму [Пор]фирия, быть может твоя болезнь очень серьезная — и очень легкая. [Ежел] и ты занемог от излишней шалости с девками, это [...], нужна только одна во всем осторожность <...>. Очень прошу тебя самим Богом в подобном случае не жалей денег, пригласи лучшего доктора и плоти им щедро, — особенно если ты занемог не от шалости, а от каких-либо других причин, о чем ужасаюсь и думать. — По сему неведению я вовсе лишился рассудка, воображаю, что ты болен и страдаешь, подобно твоему отцу, что у тебя камень, что ты без помощи и без надзора, ну! одним словом, я бы лучше желал смерти, чем быть в подобном неведении, а вдобавок ты вовсе не уважаешь моей просьбы — сколько раз я просил тебя писать каждую почту хотя несколько строк — и что за труд, я вовсе не понимаю» (*РНБ. Ф. 795. № 89. Лл. 5–5 об.* Здесь и далее в письмах Н. Н. в квадратных скобках по смыслу восстанавливаются утраченные фрагменты текста). Не располагая никакими подробностями о характере болезни племянника, Н. Н. остерегся поначалу сообщать о ней В. П.: «О болезни твоей я мамаше не сказывал, да и сам не знаю, что сказать. Она т[ак] слаба в своем здоровье, что не переживет, особенно двусмыслен[ное] известие. Боже сохрани и помилуй, если у тебя камень, ужасаюсь от одной мысли, а если мамаше сказать — то ее так убьешь, что ничем не поправишь» (Там же. Л. 5 об.). Несмотря на то что письмо датировано 21 января, отправлено оно, по всей видимости, было уже позже, вместе с п. 18. Об этом, в частности, свидетельствует приписка В. П. (см. примеч. 2 к п. 18).

³ С. Н. Тургенев страдал «каменной болезнью», для лечения которой предпринял несколько поездок за границу и в 1831 г. перенес мучительную операцию, не принесшую облегчения. См. примеч. 9 к п. 1 и примеч. 1 к п. 9: *Письма В. П. Тургенева*. Ч. 1. С. 517, 550.

⁴ Имеется в виду гр. А. И. Рибоьер. См. о нем примеч. 9 к п. 15.

⁵ О семье крепостных Кудряшовых см. примеч. 18 к п. 1: *Письма В. П. Тургенева*. Ч. 1. С. 521–522, а также: *Митракова Л. А. Дворовый Тургеневых П. Т. Кудряшов // Спасский вестник. 1997. Вып. 4. С. 40–45; Чернов. С. 96–98*. О подаренных матери Порфирия деньгах на новую избу см. п. 18.

⁶ О командировании Н. С. Тургенева от полка для закупки лошадей см. п. 14 и примеч. 4 к нему. Сам Н. С. 26 января писал брату: «...дела так меня измучили, что я решительно не знаю, куда прислонить голову, довольно, если я тебе скажу, что я завтра отправляюсь за ремонтом в Спасское. А потому ты легко можешь себе представить, как ужасно шпигован я со всех возможных сторон» (*РНБ. Ф. 795. № 90. Лл. 8*).

⁷ В это время Тургенев серьезно думал об ученой карьере и намеревался держать экзаме́н на степень магистра философии с тем, чтобы в дальнейшем преподавать в университете. Как известно, экзамены на степень магистра философии он выдержал в 1842 г., но в дальнейшем не любил вспоминать об этом. Сохранилось позднейшее высказывание И. С., записанное в 1880 г. М. И. Семевским: «Тогда у меня бродили планы сделаться педагогом, профессором, ученым. Но вскоре я познакомился с Виссарионом Григорьевичем Белинским, с Иваном Ивановичем Панаевым, начал писать стихи, а затем и прозу, и вся философия, а также мечты и планы о педагогике оставлены были в стороне: я всецело отдал русской литературе» (см.: Иван Сергеевич Тургенев на вечерней беседе в С.-Пе-

тербурге 4-го марта 1880 г. // *Рст.* 1883. № 10. С. 206. Продиктовано Семевским стенографу по памяти на другой день после встречи с Тургеневым). См. также: *Егунов А. Н.* Письменные ответы на магистерском экзамене // *Т Сб.* Вып. 2. С. 91–92.

⁸ В. П. выражает недовольство тем, что Н. С. не продвигается по службе и через три года после окончания Артиллерийского училища остается прапорщиком. О неприятной истории в Конной артиллерии, затруднившей чиновничество, см.: *Чернов Н. М.* Источники трех повестей Тургенева: Альтернативные версии // *Спасский вестник.* 1997. Вып. 4. С. 74–75; *Кретьева И. В.* Письма Н. С. Тургенева к брату как биографический источник. С. 42–43.

⁹ В. П. имеет в виду бумажную фабрику, которой в это время управлял Н. Н. Тургенев. О фабрике см. примеч. 27 к п. 1: *Письма В. П. Тургеневой.* Ч. 1. С. 524–525.

¹⁰ Речь идет о *Чапкине Василии Никитиче*, владельце сахароваренного завода в Черномском уезде, с которым В. П. собиралась выращивать свекловичу. См. о нем п. 2 и примеч. 21 к нему: Там же. С. 537.

¹¹ Из-за пожара Спасского это намерение В. П. удалось осуществить только позднее. В конце 1839 — начале 1840 г. М. Т. Сливичья училась (на правах полупансионерки) в московском пансионе г-жи Кноль, а позднее была помещена в пансион г-жи Севенард в Москве на Старой Басманной.

¹² Имеется в виду Е. А. Сорокина. О ней см. примеч. 38 к п. 1: *Письма В. П. Тургеневой.* Ч. 1. С. 527–528.

¹³ Подразумевается А. Я. Шварц.

¹⁴ *Авдотья Кирилловна Тоболева* (в замуж. Лобанова; 1818?– после 1884) — любимая горничная В. П. См. о ней в воспоминаниях В. Н. Житовой, а также: *Понятовский А. И.* Тургенев и семья Лобановых // *Т Сб.* Вып. 1. С. 271–272.

¹⁵ В. П. намекает на русскую народную сказку «Сивка-бурка».

¹⁶ Скорее всего, речь идет о семье *Якова Петровича* (1781–1857) и *Александры Сергеевны* (урожд. Дохтуровой; ум. 1868) *Протасовых*, соседях по имению (принадлежавшее им село Катущицево Мценского уезда располагалось недалеко от Спасского) и близких знакомых Тургеневых. У Протасовых было три сына (Николай, Сергей, Петр) и пять дочерей (Варвара (в замуж. Гагарина; 1811–?), Александра (в замуж. Семенова; 1813–1896), Анна (в замуж. Мацнева), Анастасия (в замуж. Теплова) и Софья (в замуж. Зацепина)). Имена трех сестер Протасовых — Варвары, Александры и Анастасии — не раз упоминаются в письмах В. П. Неоднократно бывал Тургенев и в московском доме Протасовых. Так, имя Александры Протасовой внесено в «Мемориал» за 1835 г. Об отношении Тургенева с Протасовыми см.: *Чернов Н.* Дворянские гнезда вокруг Тургенева. Тула, 2003. С. 15–17; *ПССУП(2).* Соч. Т. 11. С. 446 (коммент. Д. М. Климовой); *Новикова Е. Б.* 1) «Катущицские барышни» // *Спасский вестник.* 2000. Вып. 7. С. 109–112; 2) И. С. Тургенев и семейство обер-прокурора Протасова // Там же. 2004. Вып. 11. С. 294–295.

¹⁷ Имеется в виду А. И. Лагрява. См. о ней примеч. 24 к п. 1: *Письма В. П. Тургеневой.* Ч. 1. С. 523–524.

¹⁸ О С. А. Дунаевской см. примеч. 4 к п. 1: Там же. С. 516.

¹⁹ Книгу Ж. Жанена «Contes fantastiques et contes littéraires» В. П. рекомендовала читать сыну еще осенью 1838 г., выписав из нее несколько стихотворений о любви. См. п. 10, примеч. 20 и 21: Там же. С. 583–584, а также п. 15, примеч. 16, 18, 19, и п. 18, 22.

²⁰ Речь идет о книге: *Duchesse d'Abrantès. Histoire des salons de Paris. Tableaux et portraits du grand monde sous Louis XVI, le Directoire, le Consulat et l'Empire, la Restauration, et le règne de Louis-Philippe Ier. P., 1837–1838.*

²¹ Узнав от Н. Н. Тургенева о болезни И. С., Н. С. писал брату в Берлин: «Теперь, любезный Жан, скажи ты мне, пожалуйста — я решительно не знаю наверное и ничего не разберу. Говорят, ты болен? Правда ли? Скажи — что же тут — боится будто бы венерий — или правда; так это неопасно — и нечего этим алармировать маман — <...>. Пустое, но важное, если хочешь? Кто же из молодых людей не был с всеми 4-мя honneur'ами <достоинствами; от франц. honneurs — фигуры, старшие карты (в карточной игре); в пе-

реносном смысле выражение *со всеми онёрами* — со всем, что полагается» Пустое — оно потому, что в XIX-м столетии вылечиться решительно ничего не значит. А лечиться необходимо нужно и хорошенько — радикально — сиречь совершенно. / Будь эта штука с тобою в Спасском — нехорошо и опасно — яко бо, поелику бо Беневоленский не может вылечить тебя. Это так — а в чужие края нарочито ездить лечиться — кстати, если ты уже там — да притом еще в Berolini — город мыслей, ума, проницательности-учености. / Чего же легче. — Я тут ничего не скажу ни дурного, ни хорошего. — А опять-таки повторяю — лечиться необходимо потребно. / Я еду в Спасское к мамаше сейчас же — а первым делом буду считать советовать не ездить к тебе. Коломенская ты верста, длинная-предлинная, если бы ты знал, как ты тамап тревожишь различными проказиями. Напр<имер>, сам не пишешь, а доносит о тебе Порфирородный и то пребестолково — и все полагают, ты что-либо скрываешь, а у тебя и в уме сего греха нет! — А тут все рехнулись с последнего рассудка». И далее передавал «слово в слово» наставление дяди: «Напиши ты к брату, чтобы он вел себя исправно — да из харчевни в харчевню денег не переносил бы, с большим трудом и потом доставляемых и добываемых! — Далее: чтобы занимался делом более как можно — меньше бы лежал пупом книзу на диване, что ему знамо вредно» (РНБ. Ф. 795. № 90. Л. 8 об.-9 об.; п. от 26 января).

²² В упомянутом выше письме Н. С. сообщал: «...при сем — препровождаю тебе *billet doux* <любовную записку; имеется в виду вексель. — В. Л.> от приятеля твоего Штигица в 3000 р<убле>в, — который можешь получить во граде Берлине или Berolini, как ты пишешь — от вашего банкира Мендель Зона и С^с» (Там же. Л. 8).

18

7 (19) февраля 1839 г. Спасское-Лутовиново

1839-го года $\frac{7}{19}$ ген[варя]
С. Спасское.

Mon cher Jean.^a

Я думаю, что ты уверен уже, как больно мне знать о твоей болезни. Дядя скрывал твое письмо, пока не получил другого, в котором ты пишешь, что серебряный зонд не нашел камня. Это воскресило дядю. — Но!.. не меня. В первый раз, когда зондирова[ли] отца, также не нашли камня, но!.. камень вырос через 7 лет спустя.¹ — Сохрани тебя бог от сего несчастья. — Но!.. ежели уже назначено предопределением несчастье, то имей в виду твердость покойного отца — который 11 лет страдал, а умер мученик[ом] морально и физически. — Многое можно сказать... но! писать не должно. — Будь тверд духом, поверь мне, что страдать самому не так трудно, как мучиться страданиями мил[ых] нам людей. — С 23-го году я страдаю. — Вот скоро 20 лет, с самого возвращения из Парижа, и физически, и морально. — Страдания детей всего в мире мучительней матери. — Когда мать говорит дитяти своему: терпи, дитятко, так тебе, видно, бог велел, — она 1000 раз терпит более муче[нья], чем ее ребенок. — О! Мать — великое слово. — Но! —

^a Мой дорогой Иван (франц.).

я бед[ная] мать, все заключается у меня в вас двух. — Я не имею [ни] сестер, ни братьев, ни матери, ни тетки, никого... ни д[рузей]. Вы... вы... и вы с братом. — Я вас обеих люблю страстно. Но! различно. Ты мне особенно болен... Ежели я могу объяснить примером. — Ежели бы мне сжали руку — больно. — А ежели бы мне наступили на мозоль — нестерпимо. — Столько раз уже судьба наступала мне на мозоль... что я уже желаю, чтобы с меня голова с плеч скатилась, чтобы не ощущать то, что столько раз повторялось... И разmozжило нервы мои до неопи-санной чувствительности. — Ни физической, ни моральной боли я уже сносить не в состоянии. Я берегу себя от простуды, от расстройства желудка, не выезжаю, сижу в Спасском и всячески стараюсь удалить от себя всякие неприятности. Завидую скотам: пьют, едят и спят, как нынче, так и завтра. — Вот чего я единственно *j'ambitionne*^b — дожить до того... Но!.. нет. — Страдаю. — И, кажется, не доживу до покою. Тебя уговариваю терпеть, а сама ропщу. — *Не будь мой сын таков.*

Теперь хочу я тебе сказать мое решенье насчет моего вояжу. — Дядя прежде, нежели узнал о твоей болезни, написал к тебе преумное письмо. — Да недописал и не послал. Кажется, оно у него цело, и я прошу его послать к тебе, недописанное хотя; в нем изложены все наши планы и намеренья. — Рассужденья и предположенья.² — Не знаю, чем богу будет угодно решить твою болезнь. — Но! — Знаю одно, что мое не-пременное намеренье уже с тобою не расставаться по-прежнему. Я буду ждать твоего уведомленья. — Не нахожу нужным ехать тебе в Италию. — Это не по деньгам нашим. — Нет! жертвы, какой бы я не сделала для твоего здоровья. Лечись, бери докторов лучших и сыпь золото, для здоровья ничего жалеть не надо. Поскупись заплотить хорошему доктору — ампирик³ испортит. — Но! без болезни, а на удовольствие тратить деньги сверх доходов будет безрассудно. И извини меня — я не могу этого позволить. — Надо беречь монету белую про черный день.⁴ — Дни твоей жизни все впереди. — Будет время на путешествия, когда будут способы. Я уже писала — ваше состояние и все наше, как на ладони. 10 тысяч ассигнациями — имеешь ты в год, ни копейки более. *C'est honnête... Mais ce n'est pas le Pérou,*^c — как говорят французские мужики. — Ты поехал за границу... — А я — в Спасское. — Погорел ты, незачем было вояжировать.⁵ — Дай бог, чтобы достало на нужду — чтобы натянуть убылое. — Ты, не считая, деньги тратил. — А чтобы достало и тебе, и брату в гвардии, который, впрочем, очень бережлив, — я жила от мая до генваря в Спасском, где могу экономить более. — А от генваря... все-таки живу в Спасском — и — признаюсь... это жертва. Ты знаешь меня, Иван. — Я люблю и театр, и музыку, и литературу, и новости, и вистик, и городской воздух. — Rien... Rien... Mais tout à fait rien...^d За что же это. — Вы будете пить

^b я желаю (франц.).

^c Это прилично... Но не бог весть что (франц.).

^d И ничего... Ничего... Как есть ничего... (франц.).

ренвейн.⁶ — А я — и зодовой воды в деревне не имею. — Ежели уже чего невозможно — то уже вина не наша. — Например, брат: уже ему делать нечего, ремонт дали, израсходует и по неопытности, и по необходимости. — Он не виноват! — Но! — когда можно в общую кассу... ведь это эгоизм, Иван... *Был бы я сят.* Например, ты этого не знаешь, может быть, а брат тебе своих собственных послал 500, добавил к моим 500 — чтобы составить 1000. — Иван, я тебе уже начинаю, может быть, надоедать этим, но! — я не могу иначе — пока ты мне не скажешь: *Chère mère,*^с — чтобы я жил стерпимо, благородно и с Порфирием, я не могу проживать *того-то менее.* — Я тебе поверю. И тогда во всем себе откажу — но! — тебе присылать буду, думая: Иван мне сказал, что *менее этого нельзя.* — Но! ежели ты будешь мне писать: пришли много — много проживу, пришли мало — мало проживу, — ну!.. не прогневайся, душа моя, может случиться, и без денег насидишься — что очень неприятно и в своей зем[ле]. Помнишь ли Петербург — и письмо мое к дяде.⁷ — А уже в чужих-[то] краях — смерть. — Ты имеешь 10 тысяч на свой прожиток. Но! в это число не включается пожар... и прочие таковые непредвидимости! — Это уже я плочу, что и прошлого году я тебе послала. — Ежели наше несчастье так велико будет, что тебе надо будет ехать в Париж, то денег к тебе послано *пять тысяч.* О денег <sic!> в таком случае ни слова, и еще пошлем, и еще, пока ты будешь довольно снабжен. Ты уже нас не дожидай, а делай, что тебе посоветуют. Только одна моя просьба: как можно чаще о себе уведомляй. Ну! сколько можешь часто. — Все будет казаться редко. — Деньги на почту особенно приш[лю], вычтя, что она тебе стоит. — Почта на мой счет, чтобы одна [лень] была твое оправданье — а не догоовизна.

Деньги мною, первые три тысячи, давно были отправлены — но!.. но!.. ты знаешь дядю. — Скупость. Переводное письмо... Пошло... не дош[ло,] вернулось... Я этого не знала. — А все фабрика... На фабрике совсем он помешан. — Я боюсь этого ужасно. Теперь кладет в тряпку карто[фель,] и хорошо сходит. — Ну!.. он там... и все кончено. — А потом сам сознался, что она его совсем от всего отвлекает и потому [*едет?>*] в конце сей недели в Москву... *coûte que coûte*^г — берет к имению хорошего управителя — и уже, как говорит, на свое место.⁸ — Уже не Матусевича или подобного. — А сам удаляется восвосяси, куда и сейчас опять уехал, т. е. в *Тургенево.* — Ну! совсем помешан тряпкой на тряпке — хотя еще не видим никакой прибыли...⁹ А все авось и небось — русское слово.

Мы ждем брата на днях с командой за ремонтом почти на год. Ежели ты, т. е. твоя болезнь обойдется без вояжу... в Париж или на воды — и прекрасно, приезжай к нам повидаться и меня возьми с собою или оставь, пока найдешь ненужным. — Ежели же ты по болезни обязан бу-

^с Дорогая матушка (франц.).

^г любой ценой (франц.).

дешь ехать на воды или в Париж, или хотя только на воды, — то на север тебе не езда, а ты оставайся в Берлине или как и где знаешь. — Но! уже тогда меня жди к себе. — Повидавшись, я могу и опять расстаться — а не видавшись, не могу остаться в России и не видеть тебя два года. Это сверх моих сил. — И не думай... и не говори. — Тогда я в августе отправляюсь. Итак, вот тебе последнее мое слово, и *быть по сему*. — Ну!.. этой матерье конец. — Теперь уведомлю тебя о наших новостях... о житье-бытье, о всем, что найду интересным для тебя. Слушай же.

Я не знаю только, с чего начать? — Да! Тебя очень интересует знать, вышла ли замуж Новосильцева за Нарышкина. — Да!.. да, вышла, но! не Марья, Катенька.¹⁰ — *Marie se meurt de dépit.*^g — Продолжать ли о петербургских или брат пишет к тебе. — Ипполитушка Зыбин умирает... Бедная мать.¹¹ — Теплов волочится...¹² *Таво*... Надеются. — Ганичеву...^h Лихачев... *Паф*... Отнесли белой горячке.¹³ — Не провись ты. Лиев женится и угнездывается в бывшем моем гнезде.¹⁴ — Левон Александров, дурак, женился и все ездит за письмами и получает от меня *Паф*...¹⁵ Наполь похож очень на отца и любит меня после дяди. — Но! воняет, отец не вонял.¹⁶ — Биби читает по-русски и очень кашляет, вот 2 месяца. — Волк ворвался во Мценск и перегрыз многих, мне сказывал Катачкин.¹⁷ Я наняла во Мценске домик для приезда — и отделала, как дачку. Была один раз часа на два. — Масленицу в Черни собрание, во Мценске маскарады. — Анета и Дунаевская¹⁸ блестят, как тухлые звезды, там и сям. — Лизеточка все грубит, все ворчит, все замуж хочет.¹⁹ — Авдотья Ив<ановна> у меня под гневом, занялась свадьбой Владимировой²⁰ и меня забыла... Я ее всю зиму не видала. — Она же боится ко мне приехать, Тришка у нас проявился вроде Пугачева²¹ — т. е. он в Смоленске, а мы трусим в Болхове. — Более-то я и не придумаю, что писать. Кажется, более новостей-то и нету. — Разве опять выписывать *extraits*ⁱ от нечего писать. Я бы желала знать твое мнение, да достал ли ты, наконец, я бы очень [жел]ала прочитать твой перевод «*Oh!.. c'est un noir plaisir...*»^j Так ли тебе это пондравилось, как мне!²² — Для меня это лучше Пушкина: «спящего врага толкнул»...²³ Пушкина волосы целы²⁴ — а что Jean Bart...^k А!.. Хорошо!²⁵ — Хоть бы ты мне спасибо сказал — ежели по вкусу. — Да напиши же, душенька, ведь это мне интересно. Я купила и положила в твой шкаф-библиотеку. Порфириеву мать я видела, подарила ей избу или денег на избу... да... да.²⁶ У меня по комнатам летают в память тебя птицы-синицы... и попевают и разбойничают. — А сверх того у меня кенарка, а в птичнике сныгирь — 4 чижа, из коих один кривой, 3 щегла, овсянка и зяблица. Чижи поют, щеглы забиячут. — А щегол ворчит.

^g Мария умирает с досады (франц.).

^h Было: Ганичев...

ⁱ отрывки (франц.).

^j «*О!.. радость черная...*» (франц.).

^k Жан Бар (франц.).

Крыс у нас завелось тьма — и так стали фамильярны, что перепугали Биби. Вскочила одна престрашная на стол, где она играла. Тут стоял стакан воды — она напилась, как лошадь. Бибичка всю ночь пробредила. Крыс отравили, оне померли, и вонь по всему дому. — Уф... Гадко, отвратительно. — Да вот и все, кажется. — Старухи все умирают и потом отживают, и все живы по сию пору.²⁷

Да... да... да... батюшка, что это за вздор пишешь ты к дяде!.. о Евпраксии.²⁸ — Такие ли мы люди... Я... я... я дама светская. — Ну! я стану мучить девку за то, что ты... что она... что вы... поганые, опоганили мою дачу. — Никогда ни минуты не была она под наказаньем. Я придралась отослать ее к отцу, чтобы Васька не женился. Ваську женила на твоей красавице-кружевнице, Матрющкиной дочери, от него беременную. — А Евпраксия живет да стареется беспечно. — Какой ты, какой же ты уморительный Иван. — Все еще не хромаешь...²⁹ Да за что же тут награждать и вольную давать старой девке, которая и прежде и после управляла ремесло свое, блед...ла — рожала. — Дать ей ассигнацию и полно. Мучить ее не за что, награждения не стоит, не девством своим она тебя подарила. — Вот мое мнение. — Впрочем, я об ней совершенно и забыла — да я ее и не знала. — Вины я не видала ни твоей, ни ее... Похоти физические — высс...лся — и полно. — Сердилась за дачу, да се n'est pas l'amour qui nous perd mais la manière de la faire. Греховодник ты, ввел ты меня в грех. Пишу на первой неделе поста, в понедельник, экой вздор. — Я бы должна imposer à mes enfants par mon autorité douce mais grave.³⁰ А я как старшая сестра, а не то что мать... И вспомнишь Варвару Ив<ановну> Хитрову.³⁰ Она мне говорила: «Vous n'imposez pas as[<sez?>] à vos enfants»...³⁰ Пф.. и дунь, и плюнь... [Прости,] душа, будь здоров[ов и весел] [...] [Лю]би, люби ту, которая без ума любит вас и благословляет заочно. Друг и мать

В. Т.

А семечек-то, Иван, семечек — да преогромной тыквы одно — да laitue gomaine.³⁰ [Когда] будешь присылать сем[ечек, то] [...] только хороших самых сортов.

Печатается по подлиннику: *РНБ*. Ф. 795. № 92. Л. 6–7 об.

Отрывок впервые опубликован: *Т Сб*. 1915. С. 30.

¹ В. П. имеет в виду путешествие за границу, предпринятое семьей Тургеневых в 1822–1823 гг. для консультации с европейскими врачами в связи с тяжелым состоянием здоровья С. Н. Тургенева. Именно тогда он, по всей видимости, и был в первый раз в Париже подвергнут зондированию, не выявившему камня. Камень был обнаружен во время следующей поездки в Париж, которую С. Н. Тургенев совершил без семьи в 1829–

¹ не любовь нас губит, а то, каким манером мы ее творим (*франц.*).

²⁸ наставлять своих детей своей нежной, но суровой властью (*франц.*).

²⁹ «Вы не довольно влияете на своих детей...» (*франц.*).

³⁰ салат ромен (*франц.*).

1830 г. Однако прежде чем подвергнуться тяжелой операции, С. Н. вернулся в Россию для устройства личных дел. Весной 1830 г. он вновь выехал в Париж, где настоял на операции, вопреки решению консилиума (см. письмо С. Н. Тургенева к А. И. Тургеневу от 14 (26) марта 1831 г.: *Громов В. А.* Секретное наблюдение за С. Н. Тургеневым и его письма к А. И. Тургеневу // *Т С В.* Вып. 3. С. 213).

² Речь, по всей видимости, идет о письме Н. Н. Тургенева, датированном 21 января. О том, что оно было отправлено позднее, говорит приписка В. П.: «[...] ты можешь судить, что это письмо писано очень давно, не получая [письма] Порфириева о твоей болезни. — Но! плану сего письма мы располагаем держаться — т. е. если мы будем так счастливы, что твоя болезнь пройдет совершенно — ты к нам осенью приедешь повидаться. — В противном случае 17-го августа я выезжаю в Берлин. Ты получишь сис мос письмо все еще великим постом. Утешь меня, друг мой, прошу тебя материнскую просьбу, причастись. — Ты это должен сделать во всяком случае или благодарить Бога, что он тебя исцелил. — Или просить подкрепить дух — не твой, а бедной твоей матери. — Утешь меня, сокровище. — Да будет над тобою мое благословение и пошлет Господь тебе свою благодать» (*РНБ. Ф. 795. № 89. Л. 6–6 об.*). В том же письме Н. Н. настойчиво и обстоятельно советовал племяннику отказаться от путешествия по Италии и приехать на летние каникулы в Россию: «Ты описываешь план своего пребывания в Берлине. — Начну с того, что как цель твоего путешествия, и цель братниной службы, равно и цель маминого уединения в деревне — все сие составляет общ[ую] цель к достижению каждого к назначенному предприятию. — Например, ты отпущен за границу учиться в университете берлинском, достигая предприятия быть магистром и, определяясь на службу, быть полезным. — Но не путеш[ество]вать и не наслаждаться праздной бесполезной жизнью. <...> Брат твой тоже самое определен в военную службу с цельюю достигая чинов, почестей и быть полезным как себе, так и всему семейству! — Мамшино уединение в деревне и[меет] главную цель сберечь для вас же ее собственность, доставл[ять] вам обоим возможность достигая каждому своего предприя[тия], и потому надо помышлять об общественной пользе, а не каждому особо. <...> Тебе известна неограниченная любовь к тебе матери, она, несмотря на свое слабое здоровье, несколько раз решалась ехать к тебе, что сопряжено, не говоря о больших издержках и о здоровье. Одним лишь спокойствием и телесным — мамаша существует. При малейшей тревоге она бывает так больна, что при всем семейном спокойствии едва переносит. — Кто же ее будет так покоить и беречь во время дороги и даже во время пребывания с тобой. Как ты сам пишешь, что ты так уже занят, что мамаша по целым дням тебя не увидит. — И потому прошу тебя обдумать [хо]рошенько — и принять все соображения к общей пользе. — Ты пишешь, что в июле кончится курс лекций, а в августе [ты] едешь наслаждаться в Италию, в Рим и так далее, [с] тем чтоб в октябре возвратиться в Берлин. Все [с]и было бы очень хорошо, если б ты был один на сем свете. [А как] у тебя есть нежная мать, есть друг и брат — да и я не [ме]нее люблю тебя — и потому по окончании курса мой [со]вет тебе возвратиться в Россию. На тот же самый [тер]мин, как бы ты уехал в Италию <...>. — В Италии еще всегда успеешь быть, [а на]м доставишь большое удовольствие, в особенности больной, [с]лабой мамаше. Ты ее можешь своим приездом воскресить, [сам] же ты ничего не потеряешь, к началу лекций ты опять [буде]шь в Берлине. Одно, что ты в 39 году не увидишь Италии, [но] сим можно пожертвовать к общему и даже полезному [удов]ольствию. — Насчет же денежных издержек — все тоже [подума]ть тебе стоит. — По Италии даром не возьмат и не кормят, а если б ты даже и лишнее издержал — то не [твоя] беда, а наша. Мы во всем будем уметь тебе воз[нагр]адить. — Я уверен, что ты совершенно будешь согласен [с] моим мнением, даже и в том уверен, что и [сам] оного желаешь — особенно, когда еще протечет несколько [меся]цев твоего отсутствия, еще более будет для тебя [чувст]вительна разлука» (Там же. Л. 5 об.–6).

³ От *эмпирик* — тот, кто следует одному опыту, практике, отвергая науку. В этом значении слово употреблено, напр., А. А. Фетом в рассказе «Семейство Гольц» в описании барона Карла Федоровича Б...: «Строгий рационалист во всем остальном, он делался в области конного лазарета каким-то эмпириком, чуть не колдуном. Вполне доверялся об-

разованному и примерному молодому ветеринару, барон тут же из-под руки пичкал больным лошадям Бог знает откуда почерпнутые секретные средства, и, надо сказать правду, весьма часто с неожиданным успехом» (*Фет. Соч. и письма*. Т. 3. С. 99).

⁴ Возможно, В. П. намекает на следующие строки стихотворения Г. Р. Державина «Стрелок» (1799):

Я охотник был измлада
За дичиною гулять:
Меду сладкого не надо,
Лишь бы в поле пострелять.
<...>

Но вечер вдруг повстречалась
Лебедь белая со мной,
Вмиг крылами размахалась
И пошла ко мне на бой.

Хвать в колчан, ан стрел уж нету,
Лук опущен; стал я в пень.
Ах! беречь было монету
Белую на черный день.

Существует также пословица: «Береги (паси) денежку про черный день» (*Даль*).

⁵ В. П. укоряет сына за то, что после пожара на пароходе «Николай I» он не поехал сразу же в Берлин, а отправился путешествовать по Германии и Швейцарии, потратив при этом значительную сумму денег.

⁶ В. Н. Колонтаева упоминает о том, что рейнвейн был любимым вином В. П. (*Колонтаева*. С. 53).

⁷ Очевидно, речь идет о периоде обучения И. С. в Петербургском университете после смерти отца, когда В. П. была за границей, а Н. Н. Тургенев был фактическим опекуном обоих братьев.

⁸ О нанятом в Москве новым управляющим голландце Шмидтене см. п. 20, а также п. Н. С. Тургенева к брату от 10 марта 1839 г.

⁹ В Тургеневе располагалась бумажная фабрика, которая находилась в ведении Н. Н. Тургенева (см. примеч. 27 к п. 1: *Письма В. П. Тургеневой*. Ч. 1. С. 524–525).

¹⁰ *Екатерина Николаевна Новосильцева* (1817–1869) — младшая дочь Екатерины Ивановны (урожд. гр. Апраксиной; ум. 1864) и Николая Петровича Новосильцевых (см. о них примеч. 10 к п. 5: Там же. С. 560–561), с семейством которых Тургеневы поддерживали соседские отношения. У Новосильцевых было четверо сыновей: Ардалион (1816–1878), Василий, Петр, Иван и две дочери — Мария и Екатерина. В ноябре 1838 г. Е. Н. Новосильцева вышла замуж за *Эмануэла Дмитриевича Нарышкина* (1813–1901), впоследствии обер-камергера, известного тамбовского мецената. *Мария Николаевна Новосильцева* (1815–1865) — фрейлина.

¹¹ Речь идет об *Ипполите Афанасьевиче Зыбине* (ум. 1893), с 1837 г. корнете лейб-гвардии кирасирского полка, талантливом музыканте-виолончелисте, сыне Екатерины Ивановны Зыбиной (урожд. Рибопьер). См. также примеч. 9 к п. 7: *Письма В. П. Тургеневой*. Ч. 1. С. 574. В п. 20 В. П. сообщала о выздоровлении Зыбина.

¹² Возможно, А. Н. Теплов (о нем см. примеч. 11 к п. 15) ухаживал за одной из дочерей В. И. (урожд. Кривцовой) и Н. А. Хитрово (см. о них примеч. 9 к п. 4: Там же. С. 551).

¹³ Об оскорблении, нанесенном полковнику П. Я. Ганичеву поручиком *Аполлоном Федоровичем Лихачевым*, Н. С. Тургенев писал брату еще 17 января 1839 г.: «Честь имею уведомить тебя, Жап, что 31-го декабря 1838-го года в 6 часов пополудни полковник Ганичев [по]лучил пощечину от поручика Лихачева 2-го. Б[ольшее] ничего не говорю — а представляю тебе самому представить себе всю суматоху, которая теперь идет в конной артиллерии. Это ужас! что [...] надо же было этой чепухе случиться ровно во время мое-

Е. И. Новосильцева с детьми
Портрет К. И. Барду (?).
1830-е гг.
(Музей Тургенева, Орел)

го отправления за ремонтом». И далее также просил быть осторожным и никому не рассказывать об этом происшествии: «Но прошу никому о том ни слова не говорить. Это болтовня может быть ужасная беда. Что больше всего нас, офицеров, поразило, так это то, что эту выходку сделал [...] добро бы первый <Ростислав Лихачев, брат Аполлона. — В. Л.>, он вспыльчивый — а этот Аполлон Бельведерский, как мы его кликали — никак казался не способен к такому поступку <...>» (*РНБ*. Ф. 795. № 90. Л. 6 об.—7). Хотя подробности этой истории неизвестны, для А. Ф. Лихачева они, судя по всему, имели плачевные последствия: он был разжалован в солдаты. По мнению Н. М. Чернова, некоторые черты Лихачева нашли отражение в рассказе Тургенева «Стук...стук... стук!...» (1870). О Лихачевых см.: *Чернов Н. М.* Источники трех повестей Тургенева: Альтернативные версии. С. 74–75; *Кретова И. В.* Письма Н. С. Тургенева к брату как биографический документ. С. 42–43.

¹⁴ В. П. имеет в виду *Логина Ивановича Линева* (1811–1863) — штабс-ротмистра, сына полковника И. Л. Линева, дом которого на 2-й Итальянской улице (современный адрес: ул. Жуковского, дом 18) в Петербурге Тургеневы снимали после смерти С. Н. Тургенева (см. примеч. 15 к п. 4: *Письма В. П. Тургеневой*. Ч. 1. С. 552). Л. И. Лиев женился на художнице *Кисловской Марии Александровне* (1820–1863). См.: *Пионтковская Ю. Е., Чичкова Е. В.* Воспоминания М. Н. Билибиной (1885–1942) как исторический источник в контексте региональных генеалогических исследований // *Труды регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук*. Калуга, 2008. Вып. 9. С. 113.

¹⁵ *Левон Александров* — почтмейстер.

¹⁶ О двух легавых собаках Тургенева по кличке Наполь см. примеч. 16 к п. 16. По воспоминаниям Житовой, «Варвара Петровна, не терпевшая собак, позволяла Наплю, предшественнику известной у нас Дианки, постоянно присутствовать на балконе, потому только, что это была Ваничкина собака, и даже удостоивала из своих рук кормить Наплю разными сладостями» (*Житова*. С. 56).

¹⁷ Лицо неустановленное.

¹⁸ Речь идет об А. Я. Шварц и С. А. Дунаевской.

¹⁹ Имеется в виду Е. А. Сорокина. В письме Н. Н. Тургенева к племяннику от 21 января 1839 г. имеется ее приписка:

«Милостивый государь! Иван Сергееч!»

Очень мне было приятно слышать из письма А. Я., что я также нахожусь в вашей памяти, за которое приношу вам [мо]ю чувствительную благодарность, за память и за приписывание [мне] поклона, также и мне позвольте вам засвидетельствовать [мо]е усердное и низжайшее почтение и пожелать вам от искреннего сердца всех благ в мире; итак, в заключение сего письма желаю вам еще раз от души всякого благополучия, а более всего совершенного здоровья. [А за] тем остаюсь готовая к услугам

Л. Сорокина.

И далее следовала игривая приписка на немецком «насчет д<еви>ц», по поводу которой В. П. сурово замечала: «Plus folle que jamais <Еще глупее, чем прежде. — франц.>, непременно сошло. — Совсем помешанная на закорючках <Имеется в виду готическая скоропись, которой написано письмо. — В. Л.>» (см.: РНБ. Ф. 795. № 89. Л. 6 об.).

²⁰ О том, что А. И. Лагрявива помогала в приготовлениях к свадьбе Е. С. Володимировой, В. П. сообщала сыну в п. 16.

²¹ Как отмечает А. Л. Гришунин, «легенда о благородном разбойнике Тришке имела хождение во многих местах, включая Мценскую округу» (см.: *Тургенев И. С. Записки охотника* / Изд. подготовили А. Л. Гришунин, В. А. Громов, Л. М. Долотова Л. Н. Смирнова. М., 1991. С. 612 (Лит. памятники); примеч. 5). Яркое воплощение она нашла в последствии в «Бежином луге», в рассказе мальчика Ильюши: «Тришка — это будет такой человек удивительный, который придет; а придет он, когда наступят последние времена. И будет он такой удивительный человек, что его и взять нельзя будет, и ничего ему сделать нельзя будет: такой уж будет удивительный человек. Захотят его, например, взять крестьяне; выйдут на него с дубьем, оцепят его, но а он им глаза отведет — так отведет им глаза, что они же сами друг друга побьют. В острок его посадят, например, — он попросит водицы испить в ковшике: ему принесут ковшик, а он нырнет туда, да и поминай как звали. Цепи на него наденут, а он в ладошки затрепещется — они с него так и попадают. Ну, и будет ходить этот Тришка по селам да по городам; и будет этот Тришка, лукавый человек, соблазнять народ хрестиянский... ну, а сделать ему нельзя будет ничего... Уж такой он будет удивительный, лукавый человек» (*ПССиП(2). Соч. Т. 3. С. 99–100*). О фольклорных истоках легенды см. также: *Громов В. Предания «Бежина луга»*. Тула, 1969. С. 40–47.

²² В. П. интересуется мнением сына о полюбившемся ей стихотворении из новеллы Ж. Жанена «La Soignée roétique». См. также п. 22, где она приведет его текст целиком. Как следует из дальнейших писем, И. С. выполнил желание матери и перевел это стихотворение, однако перевод остается неизвестным. См. также примеч. 23 и 25 к этому письму.

²³ В. П. сравнивает стихотворение Жанена с признанием Алеко (в «Цыганах») Пушкина), готового вонзить кинжал в сердце неблагодарной, коварной возлюбленной и отомстить более счастливому сопернику любой ценой:

Я не таков. Нет, я не споря
От прав моих не откажусь!
Или хоть мщеньем наслажусь.
О нет! когда б над бездной моря
Нашел я спящего врага,
Клянусь, и тут моя нога
Не пощадила бы злодея;
Я в волны моря, не бледнея,
И беззащитного б толкнул;
Внезапный ужас пробужденья
Свирепым смехом упрекнул,
И долго мне его паденья
Смешон и сладок был бы гул.

²⁴ В. П. имеет в виду прядь волос Пушкина, которую Тургенев хранил в медальоне до конца своей жизни. Вместе с другой пушкинской реликвией — перстнем, полученным И. С. позднее от П. В. Жуковского, — прядь волос поэта была представлена на Пушкинской выставке в Петербурге в 1880 г. со следующей подписью Тургенева: «Клочок волос Пушкина был срезан при мне с головы покойника его камердинером 30 января 1837-го года, на другой день после кончины. Я заплатил камердинеру золотой» (*ПССиП(2). Соч.* Т. 12. С. 375; коммент. Л. Н. Назаровой: С. 696–698). Ныне прядь волос поэта представлена в экспозиции Музея-квартиры А. С. Пушкина в Петербурге (наб. Мойки, 12).

²⁵ О герое еще одной новеллы Жансна — Жане Барс см. п. 15, примеч. 18.

²⁶ Мать П. Т. Кудряшова — дворовая *Прасковья Григорьевна*. См. о ней примеч. 18 к п. 1: *Письма В. П. Тургеневой*. Ч. 1. С. 522, а также: *Чернов*. С. 96–97; *Митракова Л. А.* Дворовый Тургеневых П. Т. Кудряшов // *Спасский вестник*. 1997. Вып. 4. С. 41, 44.

²⁷ По всей видимости, речь идет о женщинах, находившихся в богадельне в Петровском. См. примеч. 28 к п. 16.

²⁸ О связи И. С. с крепостной Евпраксией (Апраксией) Ивановной Лобановой см. примеч. 21 к п. 6: *Письма В. П. Тургеневой*. Ч. 1. С. 567–568. См. также: *Мельник Е. Г.* Евпраксия. К прообразу Лукерьи в рассказе «Живые мощи» // *Тургеневский ежегодник 2008–2009 года* / Сост. и ред. Л. В. Дмитрихина, Л. А. Балыкова. Орел, 2010. С. 108–112.

²⁹ Возможно, В. П. намекает на басню И. И. Хемницера «Земля хромоногих и картавых» (1779), герой которой попадает в страну, где

...не было ни человека,
Который бы, по обычаю века,
Прихрамывая не ходил
И не картавя говорил <...>

Начав учить жителей, как правильно ходить и говорить, герой получает решительный отпор и терпит поражение:

Однако, как он ни старался,
Всяк при своем обычае остался;
И закричали все: «Тебе ли нас учить?
Что на него смотреть, робята, всё пустое!
Хоть худо ль, хорошо ль умеем мы ходить
И говорить,
Однако не ему уж нас перемудрить;
Да кстат ли теперь поверье отменить
Старинное такое?»

³⁰ О В. И. Хитрово (урожд. Кривцовой) см. примеч. 9 к п. 4: *Письма В. П. Тургеневой*. Ч. 1. С. 551.

25 февраля (9 марта) — 1 (13) марта 1839 г. Спасское-Лутовиново

1839-го года. 1-го марта.

С. Спасское.

Mon très cher fils et ami! Jean.^a

Вчера получила я письмо твое, писанное от $\frac{15}{3}$ -го февраля. — Я не [изба]лована еженедельными твоими письмами и потому я более испугалась, чем обрадовалась.¹ Твоя болезнь ужасно меня беспокоит. Ты просишь у м[еня] позволения ехать в Париж на 6-недельные наступающие вакансии, и ехать с Демидовым. — Признаюсь, мне была неприятна и прежде ваша поездка по Германии, и ежели бы ты где-нибудь дождался моего п[исьма], которые мне по сих пор возвращают, то увидел бы, как я не [была] довольна таким товариществом.² — Vous n'êtes pas si grand seigne[ur], pour voyager en commun...^b В чем можно себе отказать одному... в [та]ком товариществе совместно. — Вот почему ты и протратил в вояже столько денег. — Конечно, ты немного прожил в Берлине — 3000. Но! я *total^c* считаю не с приезде твоего в Берлин, а с отъезде из Петербурга, что вышло из моего кармана. — Ты сам знаешь, что, кроме твоих карманных денег, было в кредитиве 7000 у тебя. В Любеке ты получил еще 2000. Это 9000, да от сентября до генваря 3000, итого 12000. Вычтя на погорелое 4000, 8000 осталось с ию[ня] до генваря, в 7 месяцев 8000. Теперь спрашиваю, как же ты будешь жить, имея на 12 месяцев 10000. — Счет кругл. — Покуп[ка] ли часов, лорнеток — что хочешь, а я взяла у себя 12000, да тыс[ячи] три ты мне стоишь до отъезде за границу. — И так 15000 мне тяжело было выдать, а чтобы не сделать опять на именье долгу, я заперлась в Спасское на все эти месяцы, и вот теперь и генварь 1839-го году живу я в Спасском. — Спасское, которое, не прогневайся, гора[здо] скучнее вашего не хваленого тобою Берлина. — У нас нет ни книг, ни спектаклей, ни музыки, ни профессоров. У нас скука смертельная. — У нас смерть, не жизнь. Я писала к тебе стишки... Je dois mourir pour vivre...³ с'est-à-dire, pour vous faire vivre.^d — А как все это мне над[оело], то я... Это не новое, что тебе скажу. — Я разделилась — или отделилась от вас. — Я с братом тебе отдала все лутовиновское именье и ровно взяла себе доходу столько, сколько дала вам с братом, — по 30 тысяч монетою на брата.⁴ — Я не могла взять менее, пока жива. — Дай бог, чтобы недолго лишала я вас своей части. У вас и тогда будет не более, как по тридцати тысяч — но чистых, без долгу... С'est honnête mais... pas riche.^e — А теперь бра-

^a Мой драгоценный сын и друг! Иван (франц.).

^b Вы не такой важный барин, чтобы путешествовать в компании... (франц.).

^c итог (франц.).

^d Я должна умереть, чтобы жить... то есть чтобы вы могли жить (франц.).

^e Это прилично, но... не богато (франц.).

ту как гвардейцу, как ремонтеру нужно более, и потому ты с своего участка не получишь более 10000. Это не жалованье мое, слышишь ли. — Я не даю тебе жалованья. — Вы не наемники мои, вы дети и дети совершенных лет. — Я вас отделила. Мачеха не могла бы сделать иначе после смерти отца. — Я отделила — и сделала твоим опекуном, пока ты возвратишься, не дядю, а брата твоего и друга тебе. — Дяде отдала я его страсть — тряпку и фабрику, т. е. фабрика дает ему доходу, не знаю сколько или то есть не буду знать сколько.⁵ — А сами будем довольствоваться доходами с нее. — Что дядя пожалует — всем довольны. Ничего!.. и за то спасибо. — Видно дать будет нечего — в чем я и уверена. Но! для вас для всех, для дяди и для себя даже j'ai fait ce que j'ai pu.⁶ — Не прогневайтесь.

Что новые твои опекуны опоздали тебе присылкою денег — это тебя бы не должно удивить. — Ты знаешь, какой способ я употребляла в Петербурге, чтобы добиться присылки денег. — Он все тот же, и потому советую тебе поступать, как я писала в прошедших письмах. — Всякое 1-е число высыпать свой кошелек на стол — и, пересчитав гульденны, написать откровенно. — Например. — С 1-го генваря денег я от вас получил 5000, в генваре и феврале я тратил их. — И затем на апрель осталось в кошельке столько-то... Ежели же ты не будешь так уведомлять их аккуратно, то рискуешь жить и опять на кредите. — До 1-го июня денег тебе не пришлют, потому что и не будет их. — Барки пойдут в июне в Москву с хлебом. — К 1-му июлю je serais votre avoué,⁸ и ежели у них не будет, то я своих тебе пришлю пока за оставшуюся^с половину года — 5000. — С оными не только в Италию — но! поезжай хоть в Америку. — Но!.. более уже до будущего 1840-го года, до 1-го генваря — с имения своего не ожидай ни копейки.

Теперь стану я писать к тебе мненье брата твоего и мое насчет твоего вояжу. Боже меня избави отсоветовать лечиться, *la santé avant tout*,^h но! что ты успеешь в шесть недель и зачем же тебе тратиться в Париже, когда обещают тебя доктора берлинские вылечить. — Потерпи, друг мой... Отец твой несчастный 9 лет терпел. — Болезнь твоя не может быть сильна нестерпимо при помощи медицинской. — Придут вакансии, и ежели, чего боже избави, все еще ты будешь страдать, тогда поезжай с богом, у тебя будет в кармане 5000. Рибопьер⁶ увидит, что ты едешь не повеселиться в Париж — а полечиться, откажет ли он тебе. А ежели будет помощь на это моих друзей нужна, я поеду в Петербург и выхлопочу, уверяю тебя, позволение. — Тогда ты проживешь все время вакансий, ежели нужно, не спеша и излечившись совершенно, возвратишься. — И я тогда приеду к тебе, тоже не спеша, по осеннему первому пути. В августе поеду, буду в Вене, у Мальфатия...⁷ поживу в Вене, а к твоему приезду явлюсь в Берлин — en petit trainⁱ — я, моя

^f я сделала все, что могла (франц.).

^g я буду вашим поверенным (франц.).

^h здоровье прежде всего (франц.).

ⁱ с небольшим сопровождением (франц.).

Биби, моя немка,⁸ девка, повар и Гаврила. — Найму квартиру маленькую, уютную, даже особо от тебя, ежели нельзя будет иначе, подешевле да пониже. — Я не могу на лестницы таскаться. — А таковая большая дорогá. — Две-три комнатки... а ты наверху... а ты на одном дворе... Вечером ты будешь приходить en bonne fortune.^j Я привезу русский чай... русский самовар. — Ты будешь чай кушать да Бибинькины вздоры слушать, а она премилая девочка. — Скучно мне будет... Скучно, что ты это говоришь, Иван!.. Разве ты забыл Петербург... мою болезнь.⁹ — Разве ты думаешь, что мне в Спасском весело!.. О! нестерпимо скучно, уверяю тебя. — Иногда повезешь ты меня в театр. — Ты знаешь, что я тоже и люблю музыку, и понимаю ее. — Иногда в марте, в апреле поташу я тебя в Шарлотенбург, в Потсдам.¹⁰ — А весной, не дожидаясь конца курсов, повезу я тебя в Италию. — Полно учиться, повеселимся. — И из Италии мы поедем в Россию на службу. А ежели же бог будет так милостив и берлинские доктора так искусны, что до июля тебя вылечат, — не таскай ты меня, бедную старуху, с места... Я слаба. — Приезжай ты ко мне, из Берлина до Петербурга водою 8 дней езды. — Стыдно тебе трусить bateau à vapeur.^k — Скажи мне пример, кто потонул. Это такая редкость — ваше приключение.¹¹ — А где приключеньев не бывает. — У меня в Спасском был домовый доктор Беневоленский.¹² Все мы его полюбили более Берса,¹³ и весел, и мил, и шутлив. Закашлялся, и дух вон в 32 года в одну минуту. — Ну! не хочешь — приезжай сухим путем на Киев. — Деньги свои спрячь за пазуху — а кати на мой счет. — Пробудь 6 недель с н[ами,] да и бог с тобою. — Я на тебя нагляжусь, и возвратись с богом. Все будем вместе: я, старик дядя, молодой хозяин брат, Биби-невеста, Лиза, Анна,¹⁴ Лагривые,¹⁵ Дунаевская,¹⁶ пожалуй, и баб[ушка] с семейством¹⁷ притащится недели на две, не беда. — И Наполь,¹⁸ и ружье, и рысак, и Саша Купфершмидт¹⁹ — и Иван Казаков. [...] И постреляем, — и поболтаем, и дам тебе спектакль [благо]родный. — И «Филатку»²⁰ 3 части люди разыгрывают, похочешь. А потом проводим тебя — переговора, как быть, как жить. — Ну!.. как ты думаешь. — Согласен ты с нашим мнением. — А я останусь сахар варить из свекловицы да денежек вам, деточки, наживать. — Дядя нанял 4-тысячного управителя.²¹

Покорно тебя благодарю за цветочные семечки, я их нынче сама разобрала по сортам! — Ты спрашиваешь, душа моя, каких мне надо цветочков. Все мне от тебя мило и приятно. Но! ты можешь там лучше это отнесть к самому продавцу семян — прося у него что-нибудь новенького, хорошенького, необыкновенного, что ты за деньги не стоишь. Теперь пришли тоже сальмигонд²² и семечков салат <sic!>, особенно laitue romaine.¹ У нас хороший ужасно трудно достать. Огурчиков разных сортов, — тыквы необыкновенные. Не все в одном письме, но! во

^j при удобном случае (франц.).

^k парохода (франц.).

¹ салата ромен (франц.).

всяком понемножку. Ты знаешь наше лето, оно очень поздно, и ты еще успеешь прислать, а мы успеем посеять, и ежели, даст бог, ты приедешь, то мы можем тебя этим потчевать. — Жаль, что ты, посылая книги... кому ты посылал, не сунул одну ботаническую на мое имя. — Флеромания у меня в Спасском более, нежели где-нибудь и когда-нибудь.²³

Я вся в цветах. Розы... резеда... желтофиоли — полная гостиная. Это несколько удерживает мою скуку... Пишу, читаю, хлопочу. — И ежели бы ты был здоров, я не была бы совершенно несчастлива. — Я с нетерпением буду ожидать ответа на сие мое письмо. — Оно совершенно решит мою участь. Мне неприятно быть в неизвестности. Ты можешь легко вообразить мое положение — не видать тебя еще полтора года... Нет, я не в силах выдержать. — Да ты знаешь, что я не отпустила бы тебя, ежели бы могла только это вообразить. — Мы так условились. — Или я к тебе, или ты ко мне.

Насчет твоей бернской истории. — Я удивляюсь даже, что ты ко мне нашел нужным это написать. — А еще удивительнее, что ты повторяешь еще... Тут нет! для меня ничего ни забавного, ни интересного. — *Je croyais que j'impose à mes enfants par mon autorité... quoique douce, mais grave...*^m И что можно матери сказать... (проболтаться...), то писать некстати. — И это унижает мое достоинство матери. — Мне иногда кажется, будто пароходное приключение à *influer sur votre tête*,ⁿ и я боюсь... сурезно боюсь за тебя и от всего моего сердца раскаиваюсь, что не послушалась ни дяди, ни брата и отпустила тебя за границу. Слишком молод ты, слишком... слишком... и слишком.

Я и сама боюсь, что ты из одной крайности впал в другую. Насчет берлинской истории. — Я не знаю... знаешь ли ты или не знаешь, что отец в тот самый день, как переехал... Нет!.. в тот день, как сделался с ним удар вечером... тот день, волнуем предчувствиями, терзаем тоскою оставить вас сиротами, мальчиков, почти беспризорных никем, — в тот день родительская нежность, страх водили письмом его. О!.. боже, для чего я, отпуская тебя, не показала тебе этих строк, писанных *d'une main égarée avec les larmes!*^o

«*Мой сын...* — пишет он, не называя которого... — бойся заразить кровь свою, бойся почерпнуть *le venin...*^p в през<r>ительных тварях <?>». Так... или почти так пишет он... Он просит... плачет, умоляет тебя... Да!.. да!.. Кажется, он тебе хотел это сказать: беречь твою чистую кровь от заразы... Я боюсь, чтобы ты мне в один день, в день для тебя мучительный от раскаяния — не откусил мне ухо, как вор матери, которого вели на казнь,²⁴ — чтобы ты не упрекнул мне... *Твоя-де любовь сгубила меня.*

---

^m Я полагала, что наставляю своих детей своей властью... хотя и нежной, но суровой (франц.).

ⁿ сказалось на вашей голове (франц.).

^o дрожащей от слез рукой (франц.).

^p яда (франц.).

Ради бога, Иван!.. Что это я пишу... Да закроются глаза мои, прежде чем мой страх, происходящий от моей любви, будет основателен — au nom de Dieu pensez à moi... pensez avant que d'entreprendre quelque folie qui sans être mal honnête tuerais pourtant votre trop tendre mère qui vous bénit à jamais.⁴

Стихи твои мне напоминают некоторого Мерлина, ливенского помещика, которого я знала в Париже.²⁵ — Он был музыкант или считал себя таковым. Созовет, бывало, самых лучших виртуозов парижских и раздаст им свои сочиненья играть... Его Мерлин[а] сочиненья — Лафону... Буальде...²⁶ и заплотит за вечер по 200 рублей каждому. — Оне сами [это нам расск]азывали, [помирая со смеху].

Ты, мой друг, поешь глухой обедню. — Я совершенно не понимаю стихов, где нет вирш.²⁷ — Я уже к тебе писала и послала вырезанный печатный подобный листок из комедьи.²⁸ — Что-то лучше! — как — чи-чи-чи кричит сорока, прилетела издалека...²⁹ — или — Спит иль нет моя Людмила, помнит друга иль забыла.³⁰ — То-то же, не забывай друга и мать

В. Тургенева.

Печатается по подлиннику: *РНБ*. Ф. 795. № 92. Л. 8–9 об.

Отрывки впервые опубликованы: *PM(I)*. С. 107.

Письмо датируется расширительно на следующих основаниях: В. П. упоминает о том, что получила письмо от И. С., датированное 3 (15) февраля, накануне; поскольку корреспонденция из-за границы получалась в пятницу, а 1 (13) марта в 1839 г. выпадало на среду, то ближайшая пятница, в которую могло быть получено письмо от И. С., приходится на 24 февраля (8 марта). Следовательно, письмо было начато в субботу, 25 февраля (9 марта). Это подтверждается и письмом Н. С. Тургенева к брату, также датированным 26 февраля (10 марта), в котором он писал: «Вчера получили мы твое письмо <...>» (*РНБ*. Ф. 795. № 90. Л. 10). См. также примеч. 1.

¹ Яркой иллюстрацией реакции на полученное от И. С. письмо служит ответ Н. С. Тургенева, во многом дополняющий письмо В. П. Приведем его целиком (*РНБ*. Ф. 795. № 90. Л. 10–11 об.):

26-го февраля 1839-го года. С. Спасское.

Любезный Jean!

Вчера получили мы твое письмо — и признаюсь, если бы меня не было при получении, твое письмецо убило бы мамашу совершенно. Что тебе сказать? Право, не знаю, потому что трудно понять тебя. Начну прямо с главного: что ты, Jean, в самом деле болен каменной болезнью — или хочешь ехать с Демидовым в Париж погулять на 10 или 12 дней. — Мое мнение вот какое. — 1-е) Если ты в самом деле болен — и у тебя мгновением искры сделался камень, положим — то скажи ты ради всего святого на свете, как же в премудром Берлине — не найдется ни один доктор порядочный — который мог бы тебе сказать: «Sie haben einen Stein im Magen! <У Вас камень в желудке! — нем.>».

⁴ ради бога, подумайте обо мне... подумайте, прежде чем совершить какую-либо глупость, которая, не будучи бесчестьем, убьет, однако же, вашу слишком нежную мать, которая благословляет вас постоянно (*франц.*).

Если так, то следовало бы тебе написать к мамаше: «Maman, j'ai la pierre et on me conseille d'aller à faire faire l'opération à Paris <Маменька, у меня камень, и врачи мне советуют ехать в Париж и делать операцию. — франц.>». — Ужасно это — это правда — но делать нечего. Ступай, сказали бы тебе, слава Богу, что болезнь открылась в чужих краях — кстати. А то как прикажешь это согласовать! «У меня камень — меня доктор посылает, куда мне *благоусмотрится*, я на 6-недельные вакансии еду в Париж — вырезаваю камень и возвращаюсь опять потом в Берлин на лекции». — Что это такое?

Разве камень вырезать — на охоту сходить, да и на охоту — нельзя в обрез сказать час — когда возвращусь. — А то для операции, шуточное дело — так все окончить в 6 недель.

2-е) Теперь я полагаю 3-и вещи. — 1-е) если у тебя *точно камень, et l'accessoire avec, des douleurs atroces* <и при этом нестерпимые боли. — франц.> — ступай в Париж, да не на 6 недель, а брось всё и лечись — *la santé avant tout* <здоровье прежде всего. — франц.>. — 2-е) Если у тебя — как я наверное слышал, *венерий в сильном градусе* — *да может быть une petite gravelle* <небольшой камешек. — франц.> — то это пустяки — которыми пренебрегать не должно — но можно попробовать пользоваться в Берлине.

3-е) Я полагаю, что... — т. е. боюсь даже это и полагать, что тебе хочется подучиться в Париже — это грех ужасный будет с твоей стороны, Jean. Maman roug vous donner <Маменька, чтобы вам доставить. — франц.> 10 000 р<убле>в, умирает в Спасском от скуки — просто умирает — а ты трудовую копейку будешь проедать с Демидовым-богачом в чужих краях — это грех.

Положим еще, у тебя камень — как же ты с Грановским в театре кричишь и шумишь à tue-tête! <во все горло. — франц.> Лёве — Лёве <имеется в виду София Лёве (Löwe). — В. Л.> — и проч. Это горланство и восторги — суть признаки самого здорового человека.

И вдруг убивши — решительно убивши мамашу своим письмом, ты ее же спрашиваешь не согласишься лечить камень в Париже — а решения: «Ехать в Париж или в Италию. Cela passe remission <Помилуй. — франц.> — либо Париж от Италии в 2½ верстах — либо ты будешь летать на крыльях поэзии небесной?..»

Что человек больной — едет лечиться в Париж — это понятно. — Скажи, пожалуйста, в Италию-то ты зачем хочешь — *qu'est-ce que vous-êtes, monsieur, roête* <кто же вы, сударь, поэт. — франц.> что ли. Я не понимаю! — А вот, что я очень хорошо понимаю. — После пожара осталось у тебя, кроме денег золота в кармане, еще кредитив в 7000, да прислали тебе 2000 р<убле>в еще — итого 9000, а ты пропутешествовал с ними 3-и месяца с июля по сентябрь; только — а в сентябре уже был в Берлине. — Тогда ты после пожара обмундировал себя и Порфирия — и теперь тоже ему фрак и пр. — А все путешествие с добрыми мальми — как Демидов, Розен... Итак, Jean — поезжай, куда ты хочешь — но денег более того, что получил, не получишь — неоткуда взять. Теперь послали к тебе 5000 р<убле>в, я 3-и да Кирилла 2000. — Будь здоров, пиши аккуратнее и не убивай нас всех беспорядочными письмами в Париже и в Италии — с чем же ехать.

Твой навсегда брат и друг

Н. Тургенев.

² Вместе с Александром Григорьевичем Демидовым (1802–1853), ротмистром лейб-гвардии гусарского полка, и бароном Д. Г. Розеном Тургенев путешествовал по Германии, прежде чем отправиться в Берлин, весной и летом 1838 г., что нашло отражение в «Мемориале»: «Путешествие по Германии. (Б<арон> Розен. Порфирий. Демидов.)» (см.: ПССИП(2). Соч. Т. 11. С. 198, 451; коммент. Д. М. Климовой). В своих письмах В. П. неоднократно упрекала сына за этот «вояж». См., напр., п. 5: Письма В. П. Тургеневой. Ч. 1. С. 557–559.

³ В. П. перефразирует последнюю строчку стихотворения г-жи де Жанлис «Et malade et souffrant, un malheureux auteur...», которое она выписала для сына в п. 11. См. также примеч. 4 к п. 11.

⁴ О разделении доходов см. п. 16 и примеч. 3 к нему.

⁵ Имеется в виду бумажная фабрика в с. Тургенево, полностью перешедшая в управление Н. Н. Тургенева. См. о ней примеч. 27 к п. 1: *Письма В. П. Тургеневоу*. Ч. 1. С. 524–525.

⁶ Посланный при Прусском и Мекленбургском дворах А. И. Рибопьер. См. о нем примеч. 9 к п. 7: Там же. С. 574, а также примеч. 9 к п. 15.

⁷ Речь идет об известном венском враче итальянского происхождения *Иоганне* (Джованни) *Мальфатти ди Монтеггио* (Malfatti di Monteg[gi]o; 1775–1859), лечившем, в частности, Бетховена. См.: *Waddington P. Turgenev's Mortal Illness from its origins to the autopsy*. P. 5.

⁸ Очевидно, А. Я. Шварц.

⁹ По всей видимости, в середине — второй половине 1835 г. В. П. в Петербурге удалили полип. Запись об этой операции сохранилась в «Мемориале» Тургенева: *ПССиП(2)*. Соч. Т. 11. С. 197, 446; коммент. Д. М. Климовой. По воспоминаниям Житовой, «когда Варваре Петровне сделали весьма серьезную операцию, я из уст очевидцев слышала, какими нежными заботами он <Тургенев. — В. Л.> окружал мать, как просиживал ночи у ее постели» (*Житова*. С. 27).

¹⁰ Об этих достопримечательностях см. п. 15, примеч. 12 и 13.

¹¹ В. П. имеет в виду пожар на пароходе «Николай I», на котором И. С. отправился в Германию. См. об этом примеч. 1 к п. 1: *Письма В. П. Тургеневоу*. Ч. 1. С. 514–515.

¹² Об И. Беневоленском см. примеч. 17 к п. 6: Там же. С. 567.

¹³ Речь идет об Андрее Е. Берсе, см. примеч. 55 к п. 1: Там же. С. 530.

¹⁴ Имяются в виду Е. А. Сорокина и А. Я. Шварц.

¹⁵ Супруги А. И. и С. П. Лагривые. О них см. примеч. 24 к п. 1 и примеч. 5 к п. 6: *Письма В. П. Тургеневоу*. Ч. 1. С. 523–524, 566.

¹⁶ О С. А. Дунаевской см. примеч. 4 к п. 1: Там же. С. 516.

¹⁷ Речь идет о *Елизавете Петровне Тургеневоу*, на попечении которой находились дети ее старшего сына А. Н. Тургенева. См. о ней примеч. 32 к п. 2: Там же. С. 538–539.

¹⁸ О Наполе (2-м) см. примеч. 35 к п. 1: Там же. С. 527.

¹⁹ *Александр Михайлович Купфершmidt* (1805–1879) — музыкант, по словам Т. А. Кузминской «первая скрипка Большого театра» (см.: *Кузминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне*. Калининград, 2003. С. 72), страстный охотник, приятель Тургенева. Подробнее о нем см.: *Филюшкина О. В.* К вопросу о происхождении «Записок охотника» // *Спасский вестник*. 2002. Вып. 19. С. 135.

²⁰ Речь идет о постановке комической оперы А. Я. Княжнина «Девишник, или Филаткина свадьба, следствие Яма и посиделок» (муз. А. Н. Титова), издание которой (СПб.: Тип. А. Смирдина, 1826) сохранилось в *Б-ке Тургенева* (см.: *Каталог Б-ки Т. С.* 109). Как отмечает Е. В. Проц, к концу 1830-х гг. Спасский театр достиг «особого расцвета»: «...у Варвары Петровны в вечер шли и „благородные спектакли“, как она выражалась (трагедии, драмы), и комедии, водевили, комические оперы» (*Проц Е. В.* *Театральные записки в Спасском* // И. С. Тургенев. *Вопросы биографии и творчества*. Л., 1990. С. 178).

²¹ О нанятом в Москве новым управляющим голландце Шмидтене см. п. 20 и примеч. 11 к нему.

²² *Сальмигонд* — смесь, от франц. искаж. *salmigondis*.

²³ О страстном увлечении В. П. садоводством см. примеч. 36 к п. 2: *Письма В. П. Тургеневоу*. Ч. 1. С. 539, а также сообщение В. А. Макешниной в наст. томе.

²⁴ В. П. намекает на сюжет басни Эзопа «Мальчик-вор и его мать». В *Б-ке Тургенева* сохранилось издание: Басни Эзоповы. Переведенные с греческого Иваном Мартыновым. СПб., 1823, — в которое включена и эта басня (здесь же приведен и текст басни на др.-греч.). «Мальчик, укравши в школе у своего соученика книгу, принес матери. За это она его не только не наказала, но еще похвалила; мальчик, подросши, начал красть и важ-

нейшие вещи. Однажды поймали его на самом воровстве и повели на смерть. И как шла за ним и мать его, рыдаячи, то он просил палачей позволить ему несколько слов сказать ей на ухо. Мать тотчас поднесла ухо ко рту сына; и он откусил его зубами. Мать и другие стали его осуждать, что он не только вор, но даже и с матерью погступил злодейским образом. На это он сказал: мать виною моея гибели. Если бы она, когда я украл книгу, меня наказала, то бы я не дошел до того, чтоб ныне вели меня на смерть.

Басня учит, что кого сначала не наказывают, тот *со временем* навькнет злым делам» (С. 57). Ср. с п. 7, примеч. 19, где пропущены последние строки: *Письма В. П. Тургенева*. Ч. 1. С. 574–575.

²⁵ Кто именно из Мерлинов имеется в виду, установить не удалось.

²⁶ *Лафон* (Lafont; 1781–1839) *Шарль Филипп* — знаменитый французский скрипач-виртуоз; в 1808–1815 гг. — придворный солист-скрипач в Петербурге; с 1815 г. первый скрипач королевской придворной капеллы в Париже; автор 7 скрипичных концертов, многочисленных фантазий, рондо, вариаций и др., а также около 200 романсов и 2 опер. Виднейший представитель французской скрипичной школы первой половины XIX в., игра которого отличалась классической завершенностью и элегантностью стиля, певучестью, виртуозным блеском. В 1816 г. в Милане состоялось состязание между ним и Н. Паганини (победил Паганини, который отметил, однако, в игре Лафона красоту тона). *Буальдьё* (Boieldieu; 1775–1834) *Франсуа Адриен* — французский музыкант и композитор, автор многочисленных комических опер и романсов; в 1803–1810 гг. — капельмейстер придворной французской оперной труппы в Петербурге, с 1820 г. профессор Парижской консерватории. И Буальдьё, и Лафон были очень популярны в России.

²⁷ Можно предположить, что В. П. откликается здесь на присланное ей стихотворение самого И. С. Так, известно, что в это время им были написаны «Грустно мне, но не приходят слезы...» и «Малейший шум замолкнет в мирной [тени]...», черновые автографы которых хранятся в *ОГЛМТ* (записаны на одном сдвоенном листе). Под текстом первого стихотворения сохранилась авторская помета: «Писано 29-го декабря 1838 года. Один в моей квартире, в грустном и тяжелом расположении духа. Страдал жестоко от болезни пузыря». На втором листе автографа имеется еще одна примечательная запись, характеризующая настроение И. С. во время болезни: «В двадцать лет иметь болезнь, которая обещает быть хронической, болезнь самого неприятного разряда — не очень весело. И ниже: «Souffrir?!!!!! <страдать. — франц.>». См.: *ПССуП(2)*. Соч. Т. 1. С. 534.

²⁸ По всей видимости, В. П. имеет в виду отрывок из комедии «Ложя 1-го яруса, или последний дебют Тальони», который она послала сыну с письмом 15 (см. также примеч. 20).

²⁹ В. П. приводит строки из стихотворения И. Пожарского «Червонный колпак» (*БдЧ*. 1836. Т. 16. Отд. I. С. 164). Как отмечает В. В. Виноградов, «в 30-х годах выступают в светлое поле литературной жизни новые стили русского книжного языка, представляющие сложную систему взаимодействий между формами литературно-дворянской речи и разновидностями буржуазного письменного и устно-бытового языка». Этот процесс неоднозначно воспринимался в литературном и журнальном мире. Так, исследователь приводит высказывание И. И. Дмитриева в письме к П. П. Свиныну от 12 октября 1836 г.: «Я и сам желал бы „Современнику“ более журнальных свойств, более живости и разнообразия, более участия в движении нашей и всеобщей литературы. По крайней мере доволен тем, что читаю его не на площадном языке и не встречаю в нем, как в „Библиотеке для чтения“, гениальных несообразностей, подобных следующим <...>». Примечательно, что далее Дмитриев приводит две цитаты из «Червонного колпака», в том числе и «Чи, чи, чи! кричит сорока: / Прилетела издалека», добавляя: «Не правда ли, что эта гениальность самая варварская?» (см.: *Виноградов В. В. Язык Пушкина. Пушкин и история русского литературного языка*. М.; Л., 1935. С. 322).

³⁰ В. П. цитирует строки из поэмы В. А. Жуковского «Людмила» (1808).

14 (26) марта 1839 г. Спасское-Лутовиново

1839-го года. 14/26 марта. С. Спасское.

В субботу $\frac{11}{23}$ марта послала к тебе пресердитое письмо¹ или, лучше сказать, возвратила твое... Три дня прошло, я все еще сердита. Ты приучил меня получать от тебя письма через две недели, я и жду терпеливо... или нетерпеливо... Да, жду... и что же — привезут вечером, зажгу лампу, 5 свечей около себя поставлю, всю силу зренья напрягаю и... ничего не могу прочесть. Так связно, такие слова, что со мною делаются истерики от нетерпенья. Возьми ты свое отосланное письмо и почти фразу о своей болезни. Что ты тут напугал!.. Что ты хотел сказать, — здоров ты совсем или совсем нездоров. — Это 1-ое и главное. Теперь я и напишу тебе, за что я рассердилась насчет этого.

Ты пишешь, как я поняла, что ты не можешь еще сказать, что ты совсем здоров. — Поршка² твой пишет тут же: барин мой совсем здоров. Кому мне верить? — Конечно тебе, — тебе лучше знать, что ты чувствуешь. — Ты не совсем здоров. Опять *калека* в доме... То был несколько лет и мучил меня отец, отравил всю жизнь мою,³ то с рожденья брат урод,⁴ то вот уже 8-ой год я страдалица, — теперь *ты*. Ah!.. mon Dieu, поп...поп...^а Этот крест тяжелей, чем я могу снести. Ты сам упал, а ты — Господь. А я!.. О!.. я с ума сойду. Я похожа на тех несчастных сумасшедших, что все говорят путное и дельное, кроме того пункту, на чем помещаны... Это мой пункт — *больные*. В таком случае я из себя выхожу.

От сего-то и происходит уже весь мой гнев, а от оногo деньги... Что ты мне за путаницу городишь. — Ты все пишешь, что ты прожил в Берлине. А я тебе говорю и упрекаю, зачем ты на вояж много употребил. Зачем ты нигде не подождал моего письма, где я тебе говорила, что судьба переменяла план твой, что ты, погорев, не можешь вояжировать. Зачем ты поехал баричем в коляске с Розеном,⁵ а не пустился пешком, сделав себе вместо гардеробу самую необходимую одежду и посох в руки... и котомку. Поршка тоже, и ступай. Где принанял *ваген*⁶ что ли, а не дилижанс, да где купил кусочек сыру, где — хлеб с маслом. — Вот так, как вояжируют студенты, протягивая проезжающим шляпы. Это тебе не нужно, т. е. шляпы протягивать, а не бариться. Тогда бы ты не писал ко мне, что воротился назад, имея в кармане 150 р. *Vous avez monté trop haut votre instrument*,^б — и струна не выдержала, квинта⁷ лопнула. — Я согласна, что я тебе подарила 1000 на часы и удовольст-

^а Ah!.. Боже мой, нет... нет... (франц.).

^б Вы слишком высоко настроили свой инструмент (франц.).

вия... mais j'ai remboursé^c — не так, как ты считаешь. А что — я обязана была для того, чтобы ты барился и пил *виндеграв*,⁸ — жить в деревне, чтобы иметь возможность... Но! — нет, заняла 8000 тысяч, потому что ты один, кроме брата, стоишь мне, как я писала в письме перед этим,⁹ в 1838-м году — до 20 000 на монету. Да! да... да... вот счета лежат передо мной. От генваря до 1838-го 14 мая у тебя было в кредитиве, кроме карманных, 7 да послано 2000, да 2000, да 1000. Кроме в 1839-м — 5000, это особо. 12 000 — ассигн. да до отъезду издержано тобою, кроме дорожного костюма и пр. и пр. Что это за слово — подарено. Я не считаюсь с вами, все ваше, это одна проформа. Итак... так... так... до 20 тысяч на монету стоишь ты. 16 — брат. А по счету годовом оказалось вновь долгу 15 000. Сказано — передержки. В сем 1838-м году — 15 тысяч. — А... а чем эту дыру заткнуть? — И я напишу стихи, по-твоему, без рифмы, потому что позабыла рифму.

По милости твоей совсем я разможен,
За что такая злость? — кирпич сказал гвоздю.
Гвоздь отвечал: за то, что меня стучит в макушку *молот*
Вяземского.¹⁰

А молот-то — долг, и нужда, и скучное мое пребывание в Спасском, чтобы как-нибудь да натянуть. — Да нет! — Квинта моя тоже лопнула. А упреки-то, упреки-то дяди, который рад вину всю сложить на мое бабловство тебе. Зачем отпускала его... Бесчестного... Чай, везде валяется кошелек... Чай объедается... Чай... чай... чай — меня состарил. — А как приехал Шмидтен, новый управитель...¹¹ O! mon Dieu, oui... Madame... beaucoup de désordre... point de vaches, pas un cochon, votre respect... Pas de brébis... ni bâtiments <?>. O! mon Dieu. Oui... vos affaires ne sont pas en ordre. Il me faut de l'argent... O! mon Dieu. Oui... beaucoup d'argent, Madame, pour réparer tout cela... Touchez votre capitale, Madame... — Mon capitale, mais je n'ai que des dêtes, Monsieur, et je n'en fais pas d'autres... — Alors... Madame, ruine complète... O! mon Dieu. Oui, point d'argent... point de revenus... Pour recolter il faut semer... O!.. mon Dieu. Oui...^d

Итак, мой *кирпич*, не пеняй на твой гвоздь, что тебя мозжит. Макушка моя вся разможена *молотом*. — Je n'en puis plus.^e

Христос воскрес! — Нынче по-вашему 26-го марта — Светлое воскресенье. Христос воскрес! — и в другой раз чок твой портрет, друг друга обнимем. А кто старое вспомнит — тому глаз вон — русская по-

^c но я возместила расходы (*франц.*).

^d O! Боже мой. Да... Сударыня... большой беспорядок... коров совсем нет, ни одной свиньи, ваша милость... Нет ни овец, ни построек <?>. O! Боже мой. Да... ваши дела в беспорядке. Мне потребуются деньги... O! Боже мой. Да... много денег, сударыня, чтобы поправить дела... Готовьте деньги, сударыня. — Мои деньги, но у меня ничего нет, кроме долгов, сударь, и я делаю новые... — Тогда... сударыня, полное разорение... O! Боже мой. Да, нет денег — нет доходов... Чтобы собирать урожай нужно сеять... O!.. Боже мой. Да... (*франц.*).

^e Я больше не могу (*франц.*).

словица. Ни слова уже не услышишь ты от меня более о прошедшем 1838-м годе. Теперь 1839-й год. Ты это письмо читаешь около $\frac{11}{23}$ апреля. Итак, у нас еще есть время на наши летние планы.

Итак, вот мое мнение, а ты мне отвечай на сие, обдумав хорошенько, — так ли я пишу по заочности. Да не спеши, обдумай хорошо и аккуратно и Поршку позови на совет. Все сие клонится к твоему здоровью. Eh!.. bien.^f

Мы послали тебе денег 3000. Ты получил их 17-го февраля, и за расплатою долгу у тебя еще осталось.

Мы послали вслед за этими деньгами вслед 2000. Но! это деньги пока мои собственные. Ты их не трогай, пока со мною спишешься, т. е. ответ на это письмо пришьлешь, или пока решишься, что делать, и меня уведомишь.

Вот тебе наш общий совет: по получении сего письма, чему пройдет месяц, ежели ты все будешь себя чувствовать здоровым *не совершенно*, то ты перестань учиться, примись хорошенько *лечиться*, пока будешь чувствовать, что ты *здоров совершенно*. Болезнь отца меня смертельно напугала, и я боюсь тебя видеть больным. Нет, нет!.. я и не вынесу.

Оставь все, возьми ты все деньги и ступай в Вену, посоветуйся с Мальфатием¹² или хоть в Берлине собери консилиум и поезжай на воды, куда тебе посоветуют доктора.

А потом? — Потом — *mon cher Jean!*^g — Бог не благословил нашего с тобою плана. Но! — были ли мы согласны с тобою! — Зачем ты поехал, зачем я тебя послала, по-русски ты учен довольно. — Но, может быть, наше вам воспитанье данное — или причиною отцова болезнь, а там моя, мой вояж¹³ или что другое. Мы не могли вам дать светскости, и вы с братом — умные, добрые, почтительные ко мне... вышли, не прогневайся, — *чудаками*. — Я не в осужденье говорю! Нет, вы мне милы, как вы есть. Но! — свет требует светскости... Брат военный, это еще не так его страннит, но! — ты, Иван, ты!.. Ах! я желала бы видеть в тебе все совершенство, по крайней мере уже то, что только от тебя зависит. Но! — однако я ничего не желаю более, что вижу в других. — *Soyez comme les autres!*^h *Хромай с хромыми*.¹⁴ — Никогда ты минуты не подумаешь, где ты! — Не посмотришь, что делается около тебя, чего требует пристойность! Например, почему могли заметить *на пароходе* одни твои ламантации...¹⁵ Слухи всюду доходят! — и мне уже многие говорили к большому моему неудовольствию... *Ce gros monsieur Tourguéneff, qui se lamentait tant, qui disait mourir si jeune*...^{i, 16} — Какая-то Толстая... Какая-то Голицына... И еще, и еще... *Веревкин*¹⁷ [...] Там

^f Ну!.. хорошо (*франц.*).

^g мой дорогой Иван! (*франц.*)

^h Будьте, как другие!.. (*франц.*).

ⁱ Этот огромный господин Тургенев, который так причитал, который говорил: умереть таким молодым... (*франц.*)

дамы были, матери семейств. — Почему же о тебе рассказывают. Что ты *gros monsieur*^j — не твоя вина, но! — что ты трусил, когда другие в тогдашнем страхе могли заметить... Это оставило на тебе пятно ежели не бесчестное, то *ридикюльное*.¹⁸ Согласись. — А я, по чести и совести тебе сказать, более тебя не за науками послала, а чтобы ты почерпнул пристойность. Вот почему и больно мне, что ты в Берлине не попал в те дома, где бы мог видеть русских порядочных... Но! — чего не сделалось, то уже поздно ловить. — Лови здоровье, лето употреби на это, т. е. курс вод. — Ты увидишь там порядочное общество. Старайся быть, как другие. Не ори в театрах, как ты хвастаешь. — И потом, окончив успешно свое лечение, приезжай ради Бога к нам.

Я пришло денег на это. Я сама, кажется, не в силах совершить такой вояж, — я слаба очень стала. Ваничка, вспомни наше условие: ежели не я к тебе, ты ко мне. — Теперь и брат за ремонтом, съедем[<ся?>] в первый, а может, в последний раз, подумаем, посоветуемся, что делать. И ежели ты необходимо найдешь нужным опять возвратиться в Берлин, я тебя удерживать не буду. — Дай мне взглянуть на тебя, и я умру покойно. — А ежели ты найдешь возможным, Ваничка, взять меня с собою в Берлин — возьмишь! Не найдешь нужным или удобным — оставь, не бери. Даю тебе мое честное, благородное слово, что я опять буду с твоей стороны и делать то, что ты найдешь к твоей пользе! Только приезжай, кончивши курс леченья. А ежели ты будешь здоров и на воды ехать тебе будет весною не нужно, то приезжай, как только начнутся вакансии, к Петрову дню, стрелять в Спасское. А собаки, охотники, товарищи, т. е. Берс <?>,¹⁹ Купфершм<идт>,²⁰ Ларион и все, сколько могу собрать, — будут готовы. Приезжай, а осенью, ежели будет нужно, и Бог с тобою.

Но! — пожалуйста, твой летний вояж, ежели вознамеришься ехать на воды, соверши скромнее. Порфирия отошли через пароход в Гамбург, а там он найдет дорогу в Петербург, где Михайла.²¹ Или уже как ты сам найдешь выгодней и дешевле. — Нынешний год трудно мне пережить — ремонт брата, ты за границей, управителю жалованья 4000, новые расходы на улучшение имения. Я все еще не на прочном месте, все еще без приюта. — Вот тебе все, что могла написать. — Отвечай мне на сие как можно скорее. Чем ты расположишься, так и я по твоему пути расположу и свои планы и намеренья. Моя жизнь от тебя зависит... Как нитка в иголке: куда иголка, туда и нитка.

Cher Jean.^k — Я иногда боюсь, чтобы тебя не слишком ожесточить своими упреками и наставленьями. — Но! — ты должен принять мое оправдание. Век мой имела я одних врагов, одних завистников. — Я должна была дорого платить за все блага, которые мне посылал Создатель. — *Богатство*... внушало зависть, хорошее супружество — и того более. Теперь — хорошие дети, воспитанные мною почти уже без

^j огромный господин (франц.).

^k Дорогой Иван (франц.).

отца, хорошего поведенья, почитающие меня. — О! какая это в свете вина. Ваничка, положи руку на сердце, ежели бы ты, сын мой, слышал о своей матери. *C'est une femme de très mauvais ton... Elle est ridicule... elle est babillarde, ennuyeuse...*¹ Ну! словом все, что говорится о женщинах моих лет и в моем положении. Ведь тебе неприятно бы было это слушать. — А ты не воспитал меня, на тебя не падает мое ничто. Я горжусь своим твореньем. О, как приятно мне слышать, когда вас хвалят! Зато уже и покор вам... смерть моя, особливо, ежели я чувствую, что точно вы бы могли быть иначе, ежели бы захотели. — Чего же вам недостает перед прочими? Хорошей фамилии, богаты, как думают, не безобразнее других. — На воспитание ваше я ничего не щадила. Чего же я требую? — *Ne soyez pas ridicule*^m — и только, и все тут. Неужели так трудно это исполнить? — Это же не для меня, для вас. Моя карьера кончилась, ваша только что начинается. — Прости, целую и благословляю тебя. Твой друг и нежная мать

В. Тургенева.

Дядя хочет писать.

<Рукою Н. Н. Тургенева:>

Милый друг Ваня, — давно я к тебе не писал, ездил в Москву, проездил 35-ть дней по различным делам, а главное, для продажи лошадей, коих продал изрядно. Всего денег выручил до 12 тысяч рублей. Вырученные деньги годятся брату в прибавок к ремонтной сумме на покупку лошадей. — Со всех сторон неожиданные денежные издержки, одним словом, — беда. А главная та беда — твое нездоровье. Хотя и пишет твой Порфирий, что ты совершенно здоров, а по твоему письму полагаю, что ты все еще болен, вследствие чего вот тебе мой дружеский совет: если ты действительно болен, то не теряй времени, отправляйся в Вену к Мальфат<и>ю как к известному доктору, и что он тебе скажет, то ты в точности обязан исполнить. Наверное, он тебя отправит к минеральным водам, кои в недалеком расстоянии от Вены. По окончании же курса вод, если болезнь твоя тебя не оставит, тогда уже полагать надо, что у тебя есть камень, от коего, кроме операции, нет возможности избавиться. И потому ты должен будешь ехать в Париж, о чем ты должен будешь нас заблаговременно известить, чтобы мы могли бы взять меры к должному исполнению. Теперь противное предположение: если ты по окончании курса вод почувствуешь облегчение, тогда непременно обязан ты возвратиться в Россию. Видеть, быть может, в последний раз страждущую твою мать. Она час от часу становится слабее и сама не в силах к тебе ехать. Наверное, она не перенесет никакого путешествия, и потому ты во всяком случае обязан возвратиться в Россию всенепременно. Благословение родительское дороже всех почестей. — Если ты не будешь иметь надобности в лечении, то по окончании лекций вместо

¹ Это женщина очень дурно воспитанная... Она смешна... она болтлива, скучна... (франц.).

^m Не будьте смешны (франц.).

путешествия по Италии приезжай к матери повидаться, а быть может, и навсегда проститься. Она понапрасну [...].

<Рукой В. П. на полях первой страницы:>

Ради Бога, не забывай мне присылать семена. Ведь ты не поверишь, как мне приятно из такой дали иметь от тебя что-то полуживое. Да пришли огурчиков, хоть семечка два-три. Это еще приятнее, съестное... Вырастет, а мы будем кушать.

Кстати, о живом: мы все бережем, любим и ласкаем твоего Наполя. Однако он не так чист, как отец, воняет псиной. А ласков очень, умен, послушен и, говорят, хорош на охоте. Приезжай, сам его испытай.

Публикуется по копии: *Копия 1*. Л. 10–16. Местонахождение подлинника неизвестно.

Отрывки впервые опубликованы: *PM(1)*. С. 101; *ТСб. 1915*. С. 28, 31–34.

¹ По всей видимости, речь идет о приписке В. П. в письме Н. С. Тургенева от 10 (22) марта, написанной сразу же по получении письма от И. С.: «Письмо от тебя от 14/24-го февраля получено. — В 1838-м году от 1-го января до 1839-го года 1-го января стоишь ты мне 15000. — Погорев, ты вояжировал. Зачем ты вояжировал!.. зачем черт тебя носил на галеру» (*РНБ*. Ф. 795. № 90. Л. 13 об. На л. 12 рукой В. П. также приписано: «Дяди нету, он в Москве»). Письмо Н. С. было отправлено в субботу, 11 (23) марта.

² Имеется в виду П. Т. Кудряшов. См. о нем примеч. 18 к п. 1: *Письма В. П. Тургеневой*. Ч. 1. С. 521–522.

³ О болезни С. Н. Тургенева см. примеч. 1 к п. 18, а также примеч. 1 к п. 4 (Там же. С. 550)

⁴ Младший брат И. С. — *Сергей Сергеевич Тургенев* (1821–1837) был подвержен, по всей видимости, приступам эпилепсии.

⁵ В течение всего 1838 г. В. П. не раз укоряла сына за затратное путешествие по Германии, предпринятое им после пожара парохода «Николай I» вместе с бароном Д. Г. Розеном (см. о нем статью Н. П. Генераловой для «Тургеневской энциклопедии»: И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы. М.; СПб., 2009. Вып. 1. С. 373), А. Г. Демидовым и П. Т. Кудряшовым. См., напр., п. 3 и 5.

⁶ От нем. *Wagen* — зд. тележка. Ср. с п. 3: «Найми тележку, да возьми посох, да и ступай» (*Письма В. П. Тургеневой*. Ч. 1. С. 541).

⁷ *Квишта* — зд. последняя, самая тонкая струна на смычковых инструментах.

⁸ Очевидно, от франц. *vin de Graves* — вина, получившие название Грав по названию одноименной винодельческой области Бордо.

⁹ Речь идет о п. 19.

¹⁰ В. П. вольно цитирует стихотворение П. А. Вяземского «Молоток и гвоздь» (1823):

— По милости твоей я весь насквозь расколот, —
Кирпич пенял гвоздю, — за что такая злость?
— За то, что в голову меня колотит молот, —
Сказал с досадой гвоздь.

¹¹ О нанятом Н. Н. Тургеневым в Москве новом управляющем — голландце *Андрияне Ивановиче Шмидтене* (Schmidten) 10 марта брату писал также Н. С. Тургенев, дав ему следующую выразительную характеристику: «Человек с большим запасом сведений по агрикультурной части — и к тому же сахарный заводчик — *avant tout* <прежде всего. — франц.>. Человек, который *a fait les epreuves* <зареккомендовал себя. — франц.> — жив-

ши почти 6-ь лет у Свербеева, у кн. Гагарина. — Все ближние деревни от Спасского он осмотрел — и многое нашел не так — многое хорошо. Одно, что он очень не хвалит, так это то, что нигде нет скота — et les terres ne sont pas famées du tout <и земли совсем не обработаны. — франц.>; и то и дело говорит о коровах, о быках — об овцах — а когда говорит о свиньях, что очень часто бывает, то он всегда прибавляет: les cochons, votre respect, sont etc... <свиньи, ваша милость, и т. д. — франц.> и это votre respect <ваша милость. — франц.> говорит часто — скороговоркою, впрочем, все это не мешает ему быть хорошим хозяином — надо будет приступить ко многим реформам — и даст Бог, всё уладится понемногу. N'est-ce pas Mг Schmidten que cela pourra se faire petit à petit <Не правда ли, г-н Шмидтен, все это потихоньку наладится. — франц.> — скажешь ему — он отвечает: Oh! mon Dieu — oui! <О! Боже мой — да! — франц.> — Чистейший иностранец» (РНБ. Ф. 795. № 90. Л. 12). В том же письме он сообщал, что отправляется вместе с А. И. Шмидтеном «визитировать деревни».

¹² Об Иоганне Мальфатти ди Монтеггио примеч. 7 к п. 19.

¹³ В. П. имеет в виду путешествие за границу, которое она предприняла одна в 1834–1835 гг. для поправки здоровья. См. примеч. 9 к п. 1: *Письма В. П. Тургеневой*. Ч. 1. С. 517–518.

¹⁴ Возможно, намек на басню И. И. Хемницера «Земля хромоногих и картавых» (1779). См. примеч. 29 к п. 18.

¹⁵ *Ламантации* — от франц. *lamentations* — сетования, жалобы.

¹⁶ В. П. имеет в виду слухи о недостойном поведении Тургенева во время пожара на пароходе «Николай I», которые распространились в Москве и Петербурге вскоре после катастрофы. В дальнейшем эти компрометирующие слухи преследовали И. С. на протяжении всей жизни и были зафиксированы в воспоминаниях ряда современников: А. Я. Панаевой, П. В. Анненкова, кн. П. В. Долгорукова. На последние, отрывок из которых был воспроизведен А. С. Сувориным в *СПбВед*, Тургенев вынужден был отвечать публично: «Я и прежде знал, что князю П. В. Долгорукову заблагорассудилось выкопать старый анекдот о том, как 30 лет тому назад (в мае 1838 года) я, находясь на „Николае I“, сгоревшем близ Травемюнде, кричал: „Спасите меня, я единственный сын у матери!“ (Острота тут должна состоять в том, что я назвал себя единственным сыном, тогда как у меня есть брат). Близость смерти могла смутить девятнадцатилетнего мальчика — и я не намерен уверять читателя, что я глядел на нее равнодушно, но означенных слов, сочиненных на другой же день одним остроумным князем (не Долгоруковым), я не произнес. Видно, князю Долгорукову, желавшему сделать мне оскорбление, нечего было сказать про меня, если он решился повторить такую старую и вздорную сплетню» (*ПССиП(1)*. Соч. Т. 15. С. 147, 368–369; коммент. Е. И. Кийко). См. также: *ПССиП(2)*. Соч. Т. 11. С. 520–523; коммент. Л. М. Долотовой). В. П. не в первый раз укоряла сына за это «приключенье» (см. п. 5 и примеч. 5 к нему, а также примеч. 1 к п. 1).

¹⁷ О *Владимире Петровиче Веревкине*, который вместе с Тургеневым оказался на пароходе «Николай I», см. примеч. 29 к п. 5: *Письма В. П. Тургеневой*. Ч. 1. С. 562.

¹⁸ *Ридикольный* — от франц. *ridicule* — смешной, нелепый.

¹⁹ Вероятно, имеется в виду Андрей Е. Берс, также страстный охотник, см. о нем примеч. 55 к п. 1: Там же. С. 530.

²⁰ Об А. М. Купрфершмидте см. примеч. 19 к п. 19.

²¹ В. П. имеет в виду М. Ф. Лобанова, см. примеч. 7 к п. 16